

BRICS

ДРАМА ТЕАТР

*журнал
о современной
драматургии
и театре*

№3 - 2021

издание Гильдии драматургов России

События:

**II Международный фестиваль
Волшебный мир театра кукол
стран BRICS ... [стр. 4](#)**

Капитолина КОКШЕНЁВА

Похвала кукле

(обзор спектаклей фестиваля) [стр. 8](#)

Пьесы для театра кукол:

Юрий ЛОМОВЦЕВ (Бокари ФУДУ)

Красавица Унати и рыбка

Дилинг-Дилин [стр. 48](#)

Алексей СИНЯЕВ

Цветок-жадина [стр. 78](#)

Наши конкурсы:

Наталья ШОР

«С любовью к Отчизне» [стр. 100](#)

Ирина ПАВЛЫЧЕВА

Война и жизнь [стр. 102](#)

Театральные разборы:

Нина МАЗУР

Анна в присутствии любви и смерти [стр. 138](#)

Валерий БЕГУНОВ

О полетах в мечтах и наяву [стр. 146](#)

Новые пьесы:

Александр СТРОГАНОВ

Блуждающие [стр.155](#)

Валерий ВЕЛАРИЙ

В небеса и обратно [стр. 239](#)

Театроведение:

Орлин СТЕФАНОВ

А.Н. Островский как теоретик театра

и наша ответственность [стр. 272](#)

С 26 мая по 1 июня 2021 г. в столице Республики Дагестан г. Махачкале состоялся II Международный фестиваль «Волшебный мир театра кукол стран BRICS». Организаторы фестиваля – Дагестанский государственный театр кукол и Гильдии драматургов России при поддержке Правительства Республики Дагестан, Министерства культуры Республики Дагестан, администрации г. Махачкалы, Союза театральных деятелей РФ,

На фото организаторы и гости фестиваля в кабинете у художественного руководителя - директора Дагестанского государственного театра кукол Аминат Яхьяевой (вторая справа)

Государственного центрального музея им. А. А. Бахрушина, Международного Союза кукольных театров Union Internationale de la Marionnette (UNIMA) и дагестанского отделения Союза театральных деятелей.

В мероприятиях фестиваля приняла участие депутат Государственной Думы VII созыва Наталья Пилюс.

На открытии фестиваля.

Слева направо: председатель СТД Республики Дагестан Айгум АйгуMOV, министр культуры Республики Дагестан Зарема Бутаева, депутат Государственной Думы РФ VII созыва Наталья Пилюс

На фестивале свои спектакли показали кукольные театры России: Астраханский театр кукол – «Тайна белого лотоса» Р. Мусаева, Белгородский государственный театр кукол – «Грешневая каша» Л. Шевцовой, Волгоградский областной театр кукол «Пиковая дама» А.С. Пушкина, Вологодский областной театр кукол «Теремок» – «Как вам это понравится?» У. Шекспира,

Воронежский государственный театр кукол им. В. А. Вольховского – «Каштанка» А.П. Чехова, Дагестанский государственный театр кукол – «Маленькие трагедии» А.С. Пушкина, Кировский театр кукол им. А. Н. Афанасьева – «Гоголь. СПб», Мытищинский театр кукол «Огниво» – «Поминальная молитва» В.Горина, Рязанский государственный областной театр кукол – «Пегий пес, бегущий краем моря» Ч. Айтматова. В открытии фестиваля принял участие «Образцовый театр кукол на ходулях» (Евпатория) – «Шоу великанов».

Театр кукол на ходулях в торжественном шествии на открытии II Международного фестиваля «Волшебный мир театра кукол стран BRICS».

В он-лайн показах приняли участие Театр «Гирамундо», Белу-Оризонти и коллектив «Иллюзорио» (Бразилия), Театр кукол «Ишара» (Индия), Уханьский театр (Китай), «Джанни Янг Продакшнс» (ЮАР), а также гость фестиваля Театр «Лялька», Витебск (Беларусь).

Знаковым событием фестиваля стало открытие выставки «Театр – зеркало эпохи», посвященной 80-летию Государственного театра кукол и 100-летию ДАССР.

На открытии выставки «Театр - зеркало эпохи»

Выставка охватила исторический период с июня 1941 года до наших дней, на ней были представлены уникальные фото-экспонаты, афиши, документы, эскизы, макеты декораций спектаклей, куклы.

Итоги II Международного фестиваля «Волшебный мир театра кукол стран BRICS» подвела театральная критик, искусствовед Капитолина Кокшенёва.

Капитолина Кокшенёва

Русский литературный и театральный критик, историк литературы, культуролог, публицист, эксперт. Кандидат искусствоведения, доктор филологических наук.

«Капитолина Кокшенёва — критик, давший имя наиболее глубокому и серьёзному на сегодняшний день литературному течению — почвенной культуре, которая представляет русский тип художественного творчества и продолжает традицию больших идей, исходящей из догмата «реальности духовной жизни».

Ирина Калус

ПОХВАЛА КУКЛЕ¹

Конечно, я обращаюсь к вдумчивому актеру и режиссеру – и такие есть. Были они и на II Международном фестивале «Волшебный мир театра кукол стран BRICS» (Махачкала, Дагестан)

Я ничуть не сомневаюсь в необходимости волшебного мира в сценическом искусстве театра кукол: волшебного, как грозно-неведомого (Рязанский театр кукол в спектакле «Пегий пес, бегущий

¹ Я не смогла в силу ряда причин посмотреть спектакль «Тайна белого лотоса» Астраханского театра кукол. О нем не пишу. Так и решила обстоятельно не писать о спектакле «Гоголь. СПб» (по циклу «Петербургские повести») Кировского театра кукол имени А.Н. Афанасьева (режиссер и автор инсценировки Александр Янушкевич). Безкукольность современного театра кукол давно видна. А в этом спектакле – особенно. Мозговые испражнения под видом актуального спектакля, с неразборчивой свалкой модных приемов, с мёртвыми куклами без лица; куклами, что не больше вещи; с монотонными сценическими приемами не представляют интереса для анализа. На устном обсуждении я сказала об этом, как и о тотальном упрощении и уплощении Гоголя. Спектакль, лишаящий человека лица – я категорически и никогда не приму, как и саму эту идею **человека без лица!**

краем моря» метафору тумана, сбивающего с пути, манящего, миражного, околдовывающего расширил до хтоническо-океанического) или волшебного как роковой судьбы, по нитям которой спускаются в наш мир большие страсти (пушкинские «Маленькие трагедии» и «Пиковая дама» в театрах Махачкалы и Волгограда). «Волшебное» в театре, где есть кукла – это и вещественно-присутствующее (как Гусь в воронежской «Каштанке», всерьёз озабоченный вопросом «Почему люди не летают?»). И наконец, «волшебное» есть нечто невыразимое, возникающее за наслаждением покоящимся богатством (в дагестанском «Скупом рыцаре»), за скорбными позами автономной и статуарной куклы белгородцев в «Грешневой каше», за зыбучим песком бразильского «Глагола». Без этой памяти о потаённой волшебности театра, в котором кукла есть и задание, и «форма», и оживающая сущность – без этой памяти нет никакого смысла делать спектакли (на мой взгляд). Вот именно за это я люблю творчество кукольников – за возможность увидеть больше, чем доступно житейскому зрению. Увидеть больше в самом человеке с помощью куклы.

Какой бы репертуар не брал современный театр кукол (а он давно зашёл на территорию драматического театра), в нём все равно главным остаётся всё та же вековая суть – отношения актёра и куклы.

Отступления, но важные

В театральном искусстве (и критики, и режиссеры) перестали задавать большой вопрос «О чём?», дробя его на отдельные ответы, которые они ищут просто в

мизансценах. Новое культурное сознание, возникшее на месте «содержания, определяющего форму» советского культурного трафарета – новое культурное сознание смело выбросило этот важный вопрос: «О чём» я говорю со зрителем в 2021 году, обращаясь к классикам или представляя современников? Мы как-то лихо отказались от удерживающих нас самих принципов гуманитарного знания! А ведь эти законы и принципы не менее существенны для творчества, чем сопромат для строителей.

Отсутствие вопроса «о чём?» приводит к хаотическому ответу о *каких-то* важных целях, о *каких-то* новых смыслах, но при этом ни цели, ни смыслы не случайно не называются, потому что изначально не было большого смысла и ясной ценности его. А критик, конечно, так же лишился всяких опор и мировоззрения. Теперь все живут модными трендами, новостными культурными топами, активно заимствуя на Западе «новые формы» и культурные технологии упаковки. Жалкая участь.

Но всегда всё начинается с сознания. Когда я читаю Шекспира, я *читаю его собой* – я вычитываю ровно столько, сколько я как личность могу вместить. То есть, объём моей личности (её культурный фундамент, её эстетическая изощренность, её интеллектуальная насыщенность, культура личностных переживаний) и определяет мою культурную вместимость.

С другой стороны, когда я читаю Шекспира, я и в себе что-то новое узнаю через то или иное произведение Пушкина или Шекспира. «Причастнице своей»

поэзия святая отдаёт чистоту и мир – утверждает Баратынский. А он знал, что говорил: «Болящий дух врачует песнопенье»!

Понятно, что классики вычерпываются столетиями – и вычерпаны быть не могут. Но многие современные авторы исчерпываются одним спектаклем (после премьеры через пару месяцев его снимают из репертуара – публика не идет). Но я сейчас зашла на ту территорию, которая вообще у нас не исследуется – на территорию философии культуры и психологии творчества. Важнейший этот разговор я пока оставляю, но так или иначе он будет присутствовать в моем анализе фестивальной афиши с центральными вопросами «о чём?» и «зачем?».

Второе мое важное отступление связано с тем, что нет театрального журнала, авторитетные критики-эксперты которого работали бы не просто «на себя» или на свою «стаю», а на сверхидею, расположенную за пределами культурного эгоизма и простенького практицизма. Но, обратите внимание, что нет и творческих объединений, предлагающих свою *особенную* эстетическую платформу, как например «мирискусники», соединенные художественной идеей.

Третье отступление ещё более существенно. В советское время режиссеры знали, где искать хорошие пьесы – у машинисток ВТО. Современный театр и современная драма – катастрофически оторваны друг от друга. Массив современной драматургии растёт – процессы её осмысления далеко отстают от реальности. Отношения драматурга и театров – это скорее

отношения затянувшегося развода. Но я отдаю себе отчет и в том, что *слово* вообще теснится современным театром, его визуальной культурой – между словом и цифрой идёт война. А потому написание пьесы **не для театра**, а именно как литературного жанра (драмы) стало сегодня отчетливо видно. Забавно, но когда-то, в древнем мире, поэзия (куда отнесены эпический, **драматический** и лирический её роды) видела статус поэта как «искусного в слове».

Устойчиво же в нашей реальности одно – культурные конфликты. Мы всё время втянуты в культурные войны, и задача творческого человека не просто выжить, присоединившись к модному тренду, а в том, чтобы всё-таки найти свой путь, свою твердую почву, занять свою художественную позицию и создать художественное произведение. Но у художника есть удивительный внутренний «инструмент» – его способность превратить любую трагедию в жизнеутверждающее начало, в любом конфликте увидеть ростки того, что даст творческие плоды.

Именно так я и прошу рассматривать мой *существенный анализ* спектаклей II Международного фестиваля «Волшебный мир театра кукол стран BRICS». Именно эта задача фестиваля для критика важна – увидеть в нашей фестивальной программе то, что обещает творческую правду, силу, будущий рост.

Куклы могут всё...

Фестивальная Афиша была очень интересна. Но сразу могу сказать – она нацелена не на детскую аудиторию, а скорее – на подростков и «юношей,

обдумывающих жизнь», как и на взрослых. Только «Каштанка», пожалуй, обращалась к большой детской аудитории.

Фестивальная Афиша требовала от публики навыков понимания современного сценического языка театра кукол – языка непростого, ведь практически все театры обращались к серьезному и сложному *литературному* материалу. Современный театр кукол явно тяготеет к задачам сложным – прежде всего для актера. Актеру хочется играть – играть совсем не через куклу, не только через куклу, но и самому пробовать драматические роли (подменяя куклу, вытесняя куклу) – а потому обилие живого плана во всех спектаклях трудно не заметить, как нельзя не отметить и того факта, что это, конечно, давно не новость.

Вот – два Пушкина. *«Маленькие трагедии» (Махачкала)* и *«Пиковая дама» (Волгоград)* – спектакли, которые заслуживают серьезного разговора, потому как их режиссеры Тимур Мустафин и Карэн Нерсисян отнеслись к классику самым внимательным образом. Конечно то, что современный театр кукол ставит Пушкина, – это важно! Культура ведь не развивается в парадигме прогресса.

Да, Пушкин «наше всё» – он «всё» в том смысле, что он есть солнце русской культуры, и пока мы к нему обращаемся, у нас есть надежда, что мы живы. Пушкин достиг таких высот, что дальше идти, действительно, некуда. В культуре так бывает, закрыт вопрос, нет никакого исторического развития духа творчества, что совсем не отменяет развития театрального. Также как

Крылов закрыл вопрос с басней: никогда, нигде и никто лучше дедушки Крылова не напишет.

Я это к чему говорю? А к тому, что развитие искусства театра кукол, на мой взгляд, все же идет не на тех путях, что продемонстрировал нам *Кировский театр кукол им. А.Н. Афанасьева*, мыслящий, видимо себя, исключительно экспериментально-продвинутым (режиссер Александр Янушкевич). Режиссеру спектакля «Гоголь. СПб», очевидно, кажется, что доза его новаторства в этом спектакле превосходна.

Сцена из спектакля «Гоголь. СПб»

Перед нами типичный *фестивальный спектакль*, поставленный для критиков, раздающих премии. Но перед нами и мёртвый спектакль, не вызывающий никаких эмоций. В нём все сшито грубыми и не оригинальными режиссерскими приёмами (к сожалению, я много раз видела и раздвоение героя, и приём «написано на коже», и пр.) Кукла собственно находится в оппозиции человеку – она БЕЗ ЛИЦА.

Она не работает самостоятельно – она в спектакле не больше, чем башмак актёра. Запомним это. Это мёртвый театр. Кукла – не партнер актёра, не его душа, не его собеседница. Она задавлена режиссерскими приемами, рвущими сценическое действие на кусочки и куски; она не оживляется, но демонстрирует свою вещно-мёртвую природу.

В спектакле «Маленькие трагедии» Тимура Мустафина Дагестанского государственного театра кукол, напротив, на куклу легла огромная эстетическая нагрузка. И пусть не всё актерам удалось (а «Маленькие трагедии» и вообще-то редко удавались), но установка режиссера *вести разговор через куклу* мне представляется важной.

*Государственный театр кукол республики Дагестан.
А.С. Пушкин. Маленькие трагедии.
Пир во время чумы.*

Именно через куклу, несмотря на то, что, пространство сцены для спектакля было великовато – хотелось бы поближе сесть, приблизиться к куклам. Возможно и потому, что сценическое пространство, окружающее спектакль, мало работало. Хотя сама по себе идея колеса, движущейся повозки – очень театральная, я бы сказала, любимая не только в театре кукол. Такая конструкция обеспечивает разнообразное мизансценирование, образуя площадки для игры кукол на разных уровнях – верх, низ, середина.

Но почему пушкинские «Маленькие трагедии» гениальны и почему их так трудно поставить вообще? В театре кукол Пушкин иногда бывает лучше поставлен, чем в драме – лучше ухвачены пушкинские смыслы. Будем помнить, что перед нами подлинная трагедия. И подлинная трагедия современному театру вообще мало доступна. Нет культуры игры. Нет тренировки в её восприятии. Пушкин, в отличие от нас, имел классическое образование. И это тоже важно – нам до него трудно дотянуться. Но мы пытаемся. И это хорошо.

Почему трагедии «маленькие»? Да потому, говорят нам знатоки-пушкинисты, что вместо пяти классических действий трагедии, Пушкин оставляет последнее – пятое. А как же это трудно артисту! Нет, просто нет никакого драматического разбега и развертывания психологического – нужно сразу играть финал! Развязка должна всё в себя вместить – всю прежнюю, за рамками трагедии, историю. То есть Пушкин сразу дал возгонку трагического чувства на такую фантастическую высоту, что просто живому

человеку часто трудно взмыть на эту вершину. А вот кукле очень даже можно! Я в этом уверена! Иногда (не всегда) это у актеров Дагестанского театра кукол и их героев получалось.

*Государственный театр кукол республики Дагестан.
А.С. Пушкин. Маленькие трагедии.
Скупой рыцарь..*

Зачин спектакля – трехмерное пространство первой маленькой трагедии – мне был интересен. Кукла, образ которой несёт печать некоего обобщенного средневекового стиля обнищавшего рыцарства (но при этом чувствуется и современная эстетика в стиле Шемякина, сдвиг в сторону Гофмана) – такая кукла, возможно, сама по себе уже и есть самый короткий путь для выражения пушкинской мысли. Куклы

здесь не имеют параметров буквального физического подражания человеку, они выразительнее. Это всё очень хорошо, и это работает.

А дальше мы входим в пространство самое сложное: что актер отдает кукле и что актер играет без куклы? (Для всех спектаклей фестиваля это важный вопрос).

Мне показалось, что пушкинский текст именно актеры тащат на себе, не дерзая (или опасаясь) больше нагрузить куклу. А хотелось бы обратного! Между тем, пушкинские трагедии – это не трагедии характеров. Да, страсти. Театр нам говорит, что это история страстей, но это не только страсти, это еще и чистая трагедия, какой всегда была *трагедия рока*. Сам Пушкин, напоминая, состязался с одним человеком – с «божественным Омиром»: «Божественный Омир! Ты тридцати веков кумир!». И, конечно, дыхание этого гениального напряжения, этого состязания – оно, безусловно, есть и в «Маленьких трагедиях». Трагедия рока приподнимает человека – это такое пространство, где страсть становится больше себя самой, то есть своеобразным наслаждением. Маленькие трагедии – это не просто наши такие вот обычные греховные человеческие страсти, а наслаждение не простое – но и не пороком наслаждение! Вот, например, Сальери – он ведь тоже испытывает наслаждение от того, что «музыку разъял» (это вершина доступного ему творчества!) И у него, замечу, наслаждение «разъять музыку» вполне бескорыстно...

Конечно, режиссер работал с текстом. И мне

кажется, что первые две трагедии удались актерам больше – приемы работы с куклой были более разнообразны, в том числе и за счет работы на разном пространственном уровне – здесь возникало добавочное к тексту измерение.

Спектакль Дагестанского театра кукол обнажил очень ярко и еще один момент: современные режиссеры очень мало заняты поэтизацией. Мне представляется, что *важна поэтизация пространства ради куклы*; что значительные и значимые предметы могут помогать не только актеру, но и его работе с куклой; что театральная *поэзия вещей* тоже просто обязана быть. Кукла Барона (художник спектакля Борис Аксенов), который копит ради наслаждения – особенно выразительна была в схождении вниз, к богатствам сундука. Буквальный свет из него – это метафора свехрадости Барона. Барон – поэт этих богатств. Артисты это передают. Кукла может это передать. Конечно, в результате нам придется прискорбно убедиться в ложном свете такого богатства и в страшной несвободе Барона.

В спектакле заняты Жанна Ротова, Олег Швецов, Наргиз Караханова, Рамзес Алиев, Сергей Резницкий, Лилиана Зеленская, Диана Фролова, Борис Медведев.

Что еще удалось сыграть артистам именно потому, что это было «поручено» кукле?

Удалось как раз показать людей (Барона и Сальери), которые освободились от любых бытовых состояний. Они вне их (пусть сын не имеет и лошади, пусть у самого Рыцаря кафтану сто лет!). Зато Моцарт – нет, не освобожден от быта, *он связан с*

*Государственный театр кукол республики Дагестан.
А.С. Пушкин. Маленькие трагедии.
Моцарт и Сальери.*

жизнью и ее простыми заботами. Наслаждению первых противостоит пушкинский моцартианский идеал. И театру кукол это доступно! В спектакле мне не хватило вот этой именно поддержки Пушкина, то есть, с одной стороны поэтизации наслаждения (в двух последующих трагедиях) и идеализации с помощью сценических метафор, вырастающих уже из всего, что находилось *вокруг* основной конструкции как места действия, – то есть звука, цвета, света, музыки. Сосредоточенность на тексте – это здорово, но и кукле, и актеру режиссер, на мой взгляд, мог бы помочь дополнительными сценическими средствами. Вместе с тем, я понимаю, что такой спектакль – это спектакль роста Дагестанского театра кукол. Еще один кирпичик в

его культурный фундамент.

«Второго» Пушкина давал Волгоградский областной театр кукол. Это была **«Пиковая дама»**.

Визуальный образ спектакля обещал, как мне показалось в начале, гораздо большую сценическую фантазию: все-таки театр претендовал дать нам в декорации и образ имперского Петербурга. Я допускаю даже и некоторую «рваность» действия, и затемнения между сценами – но уже с самого начала игроки *живого плана*, подавляют куклу-Германа. А кукольный образ Германа представлен прекрасно – наслаждение историческим костюмом мне представляется очень ценным (особенно сегодня, когда всех персонажей всех веков, начиная от античности, тот же драматический театр передел в современные костюмы). Не стоит отказываться от такого богатства – а тем более, когда перед нами кукольный небольшой формат, увеличивающий вдохновение восприятия от чудесной работы по созданию исторического костюма в этом спектакле (художник-постановщик Андрей Запорожский). Мне показалось, что отсутствие куклы Лизы (а актриса играет эту роль «напрямую») – это не достоинство спектакля. Лиза, как ни странно, очень малозаметна в спектакле, не двигает драматические события. С ней и Герман-то, по сути, не взаимодействует.

Лучшими в спектакле, конечно, были образы графини (арт. Наиля Орлова) и Германа (арт. Владимир Ташлыков). Графиня была очень хороша – обольстительна в молодости и зловеща в старости

– при этом всегда выразительна. Актриса справилась с задачей – рассказать связную историю и прийти к фантасмагорическому финалу. Очень важны были все эти переодевания куклы-графини, расширяющие возможности образа. За исключением, правда, молодой графини (она такая розовая-розовая, но в части мизансцен, на мой вкус, она слишком много порхает, а в этом нет нужды – розовый цвет уже многое сказал). Но то что режиссер Лизу отдал совсем в услужение, лишил её образ самостоятельности (и куклы) – все же не работает на качество спектакля.

Волгоградский областной театр кукол.

А.С. Пушкин. Пиковая дама.

Не только в этом спектакле мы увидим специфические мизансцены, когда маленькая кукла забирается на большого актера-человека (лежит, бежит

по нему, прыгает, теревит, внушает что-то ему и т.д.). А вот в данном спектакле деспотизм куклы-графиня в отношении к Лизе-актрисе проявляется и в том, что для графини Лиза – это просто её спальня (так привольно графиня-кукла разместила на своей служанке). Такие вещи в театре кукол очень важны – игра с размерами живого актера и куклы. Но все, конечно, зависит, не от самого приема как такового, а ответа на вопрос «зачем он используется?».

В сценическом решении этого спектакля есть набережная Петербурга – но она не работает так, как работает исторический костюм. А могла бы. Финал спектакля – сумасшествие Германа – утратил свою оригинальность потому, что те самые карты, которые бешено начинают летать в финале, уже летали в самом зачине. Зря они летают с самого начала. В любом случае, в финале ведь все сдвинулось, все изменилось и потому просто повторить прием – недостаточно. Финал не прозвучал. А мог бы: сумасшествие Германа можно было бы поддержать и тем, что весь мир уплывает в фантасмагорию, Петербург с его набережными шатается, и весь мир сдвинулся со своей оси. (Второй план сценического пространства, где разместила фактически ширма, на которой возникают декорации мог бы еще активнее помогать создать яркий кульминационный финал.) И все же главную суть актеры и режиссер схватили. Одержимость Германа – это не жажда денег, но власти, которую даёт секретное знание (в данном случае карты); это жажда поиграть с судьбой и обмануть рок. Не удалось.

Осторожно: история!

Теперь нужно перейти к очень трудной и важной теме. Два спектакля фестиваля опирались так или иначе на исторические факты, обстоятельства, историческую мифологию.

Конечно, оба театра зашли на минное поле – именно такой всегда является проблематика истории. Речь идет о спектакле *«Грешневая каша» Белгородского государственного театра кукол* (режиссер из Белоруссии – Виктор Климчук) и *«Поминальной молитве» Мытищинского театра кукол «Огниво»* (режиссер лауреат Национальной театральной премии республики Беларусь Олег Жюгжда, очень много ставящий в российских театрах).

Вообще, я давно наблюдаю такую *историческую небрежность*, характерную и для современной драмы, и для театра. И проистекает она отнюдь не всегда от «злого умысла», а скорее от легкого отношения к историческому знанию: берется к рассмотрению какой-нибудь факт или фактик; он не анализируется, не вызывает никаких рефлексий режиссуры, понимания актеров, но «просто» упоминается в спектакле. Получается фальшь, трансляция пафоса вместо исторического знания, странные смысловые акценты, содержащие полуправду.

Мытищинский театр кукол «Огниво», безусловно, это театр, у которого наработан серьезный культурный авторитет и творческий капитал. «Поминальная молитва» не писалась для театра кукол, а сочинялась для Московского театра Ленком и ставилась Марком

Захаровым (это был лучший его спектакль, на мой взгляд, последних двадцати его творческих лет). Но мы уже договорились, что куклы умеют всё, и могут всё... Поэтому и «Поминальная молитва», конечно, возможна, играемая театром как сентиментально-драматическая история. Да, первоначально был Шолом-Алейхем. Но потом современный драматург Г.Горин сделал «Поминальную молитву». Не знаю, читали ли в театре, знает ли режиссер Жюгжда об этом периоде столько, как я (о сионистском движении, о пьесах Чирикова и Юшкевича под названием «Евреи», о роли Горького в создании еврейской профессиональной литературы и т.д.).

Режиссер и сценограф (Анастасия Кардаш) сразу создают пространство тревоги и дороги: чемоданы и чемоданчики, лари, котомки, комоды разных размеров. Всё это сразу говорит о каком-то неустойчиво-временном присутствии героев в том месте, что называется село Анатовка, и жизнь в котором описана Шолом-Алейхемом. Вот и верстовой столб, который выносит актер, показывает нам направление движения героев спектакля: Киев, Бердищев, Санкт-Петербург, Нью-Йорк... Они практически все сдвинутся с насиженного места – разъедутся кто куда. В Нью-Йорк – тоже.

Есть такое ощущение, что исторический контекст вроде бы театру (актерам по крайней мере) не очень понятен и не очень важен. Мол, играем грустную историю с ярким еврейским местечковым колоритом – вызываем сочувственное отношение публики. И всё.

Нет. Не всё.

Все же режиссер, очевидно, как-то объяснял артистам дыхание времени, в котором он сделал определенные акценты. В финале первого действия из зала появляется Девушка в белом, с русой косой (то есть русская), медленно входит на сцену, и начинает кричать в зрительный зал: «Мы, русские патриоты, мы, православные, бей жидов..!» Она заходится в раже – на сцене «молодчики» (все это в «живом плане») разметали весь еврейский мир Анатовки, что называется, в пух и перья. Сцена настолько выделяется по своему напору, агрессивной динамичности, тема так явно присутствует (в образе русской девушки-смерти) и в начале второго действия, что считать её неважной для режиссера я не могу (актеры, мне показалось, даже не очень поняли, что речь шла о еврейских погромах 1904 г. в Кишиневе и 1905 года в Киеве, а относят их к 1917 году).

Имело все это отношение к Шолом-Алейхему? Нет. Он так не писал. Да и у Горина, как и в спектакле Марка Захарова здесь не было кульминации (а также и главной причины разорения и эмиграции еврейских семей). Значит, вся эта дополнительная нагрузка дана именно режиссером Олегом Жюгждой. Я бы хотела, чтобы публика, смотрящая спектакль осознавала, что на территории коренного проживания русского (великорусского) народа не было ни одного еврейского погрома. Киевский погром – это вообще отдельная история, и начал его уголовный элемент. Поскольку действие все же разворачивается на территории нынешнего суверенного государства Украина, и поскольку этнические образы спектакля – его

существенная характеристика, то было бы разумно кричать не про «русскую девушку». Уместнее были бы вышиванки. Но режиссер, видимо, решил, что если «вышиванки» – то это уже политика, а он не о политике, мол, ставит, не про нациков-погромщиков в той же Одессе, а про «общечеловеческие ценности». Но вот выпустить русскую девушку-смерть как символ погрома – почему-то у него это не политика. И почему-то эта ложь возможна. Ведь всё второе действие построено вокруг этой погромной идеи, то есть вокруг того, *чего не было*. Вот потому я и говорю – если есть исторически-значимые вещи в спектакле – потрудитесь все же не перевирать историю, не самоуправничать в ней. Я совершенно уверена, что все критики обойдут вниманием эту неполиткорректную сцену (сцены), как и смыслы, ею рождённые. Я же считаю, что нужно спокойно и здраво говорить об исторической правде и подделках под нее в современном театре.

Поскольку, как я понимаю, на фестивале спектакль был перенесен в сценическое пространство больше своего родного, то возникало ощущение, что куклы маловаты, а хотелось бы их видеть поближе и разглядеть получше. Анастасия Кардаш (художник-постановщик) создала отличные характерные куклы-образы – но их визуальная еврейская этника не менее точно поддержана и актерами. Да, они всерьез умеют играть «больше» куклы (они явно тут куклу переиграли – переиграли потому, что многое играли «помимо куклы»); да, её этническую визуальность они отменно нагружают эмоциями, какие кукла не всегда выражает (она достаточно статуарна).

Мытищинский театр кукол «Огниво»

Г. Горин. Поминальная молитва

Да, Алексей Гущук и Наталья Железкина держат спектакль крепко, проникновенно и точно передавая еврейский юмор, особенности уклада еврейской семьи, тонкости мировосприятия и даже еврейскую жизненно-чрезмерную страстность (сцена родов дочери Цейтл). Но часто сценическое общение актеров, происходящее помимо куклы, когда общению с партнером кукла не нужна – часто такие эпизоды милы (как, например, мизансцена, когда головка актрисы Натальи Железкиной мило лежит на плече актера-Тевье) и выразительны, но смею считать, что включенная в игру кукла и тут дала бы большую художественную нагрузку.

Спектакль, конечно, ансамблевый, выстроенный крепкой режиссерской рукой, поддержанный и хореографом Алексеем Ищуком, поставившим с арти-

стами еврейские народные танцы (тоже «живой план»).

Насколько я удивлялась «неудобопостижимой способности всё понимать» (П.А. Плавильщиков) артистов театра «Огниво» (то есть их способности вжиться в этнику еврейской родовой культуры), – настолько же я удивлялась исторической невнятности важных, пружинных для понимания жизни и исхода евреев Анатовки, эпизодов спектакля (это, кстати, касается и непродуманного до конца образа студента-революционера Перчика).

Вернемся к *«Грешневой каше» Белгородского государственного театр кукол*. Пьесу написала Людмила Шевцова и преподнесла нам очень странную историю. Именно с драматургической основы стоит начать разговор. Концепция спектакля, опирающегося на такую драматургию и не спорящая с ней, – для меня категорически неприемлема. Что говорит нам автор и режиссер? Они говорят, что история наша есть только насилие. И вообще в спектакле никто и ничто не живет – все доживают скучную жизнь (вот уже где «поминальная молитва» по деревеньке Прудки и её истории). Драматург и режиссёр это подчеркивают: деда повесили на мельнице, отец вынужден закапывать медали, Отечественная война мужиков сожрала, один сын погиб, а другой пропал без вести в Афгане... Все чёрно-безнадежно.

И главное – почему режиссер (тоже из Белоруссии) Виктор Климчук и театр не видят смысла в этой трагической истории рода?

Отвечаю: не видят потому, что история читается

ими только со стороны маленького частного мирка, в котором все время что-то отнимают. Это все, увы, современные технологии, которые вырабатывают для нас так называемые схемы «локальной истории» и русской истории, всегда наносящей нам (и соседям) **только** травмы. Я не согласна с концепцией нашей истории как насилия (и только). Это внешняя, обкрадывающая нас самих концепция. Я понимаю, что всем надоел пафосный героизм, я понимаю, что сегодня много ложного патриотизма. Как только начинается много ложного патриотизма, много ложного Православия, много ложного понимания традиции, я сама немедленно перехожу на другую сторону лодки, чтобы культурная лодка вообще-то не утонула. Но... вся «ложь нашего времени» – это всего лишь ложь, и она конечно, не отменяет исторической правды и реального подвига духа. Любовная история, которая есть в драме и спектакле, снимает эту историческую черноту, но, тем не менее, она (чернота истории и выжженность личных судеб) остается доминантной.

Всё лучшее и живое в спектакле как раз опирается не на живой артистический план, а на визуальные образы и саму куклу. Кукла у вас неподвижная, скульптурно-автономная, но очень выразительная (художник Ольга Лупанова). Дерево как главный материал для сценографического образа спектакля и деревянная кукла – это очень тепло, очень красиво, очень человечно и выразительно. Сценография в спектакле заметно укрупняет мизасценирование; заборы, лавки, столбы памяти рода (как я прочитала), телега и мельница – всё работает и создает атмосферу, поперечную концепции

об истории-насилии.

И вообще в спектакли были минуты важные – минуты тишины. Куклы стояли одни на табуретах. Куклы молчали. И молчание их было очень выразительно.

Белгородский государственный театр кукол.

Людмила Шевцова. Грешневая каша

Замечательно-прекрасны молодые актрисы...

Но, зачем вся эта ложь с воздеванием рук: «Господи, зачем я живу?». Так фальшиво все это написано в пьесе и так же не сыграно актерами. Понимаете, задать вопрос небесам «Зачем я жил?», пройдя то, что прошел главный герой – это можно, если хоть кто-то (например, режиссер) знает ответ. Но у вас нет ответа ни у кого.

Да знает человек, зачем он живет! Крестьянин знает зачем ему жить и как ему умирать, только не

мешайте ему! Поэтому это воздыхание (к Господу) – у вас ложное! Эту фальшь драматург режиссеру вручил. И он взял. Если человек христианин, он не пойдет самосжигаться в своём доме, – ну не пойдет по определению! Акт самосожжения вместе с домом в финале спектакля – это ответ театра на вопрос «зачем я жил»?!

И я понимаю, что театр не захотел современного человека совсем уж лицом ударить об эту историю печальную ... А потому и сделали очень красивый финал. У многих спектаклей нет финала. Здесь есть финал. Это выжженная черная Земля пожарища, но на ней все же смогли возникнуть домики. Восстать из пепла. Жизнь продолжается. Надежда есть... Но я не хочу такой надежды – вашей ценой. Я вам не верю. Но актеры и театр – все равно молодцы, что взяли современную пьесу. Рискнули. Призываю ставить современную драматургию в театре кукол!

Натуральный актёр и преображенная неестественность

Спектакль «Каштанка» Воронежского государственного театра кукол им. Вольховского «Шут» доставил детскую радость. Быть может потому, что Афиша фестиваля так драматургически сложна, – может быть поэтому очеловеченные собака Каштанка, Гусь, кот, ворона вызывали яркие эмоции. Не хватало на нашем фестивале этой детской наивной радости, этих животных, которых только куклы могут играть с такой степенью одушевления и пластичной грацией (о,

конечно, мастерство актеров тут очевидно).

Спектакль поставил Валентин Козловский, куклы и декорации сочинила Елена Луценко, музыку – Александр Балаян. Кажется, они не без приятности работали все вместе. Как, конечно и все артисты, что здесь заняты.

В «Каштанке» звучала очень человечная, ненавязчивая гуманная чеховская тема-мелодия. А тема-мелодия о чём? Но чтобы получить ответ, нам нужно поставить еще один вопрос: а почему Каштанка вернулась?

А потому она вернулась, что есть в нас то, что мы зовем «своё и родное». Она вернулась к своему, родному. И лирическая драматизация человеческой верности своему (а я в этом абсолютно уверена) сегодня важна. Чрезвычайно важно если не понимать, то ощущать её с детства. Ценность «своего» крепит душу гораздо прочнее, чем заморские Барби и чужие герои мультиков (ужасно как правило уродливые). Родное для Каштанки – это запах стружки в столярной мастерской, это смелые и свободные игры с Федюшкой, это не всегда сытая, но как станет ясно потом, всё равно счастливая жизнь у мастера Луки Александровича. Потому как любовь насыщает больше хлеба (она и есть первый хлеб).

Спектакль получился добродушным – и это тоже ценность. Лука Александрович, хоть и немного забулдыжка, но не забулдыга; хоть любитель быть навеселе, то есть пьяничка, но не тиран. Здорово в театре обыграли эту его слабость с разными размерами бутылочек и задорным образом вихрастой куклы.

*Воронежский государственный театр кукол
им. Вольховского «Шут»
А.П. Чехов. Каштанка.*

Преображенная неестественность куклы в этом спектакле доставляет наслаждение. Наслаждение тем, как водит актриса Любовь Марчук свою Каштанку, раскрывая перед нами её характер; как смело взаимодействует с актёрами ворона Елены Киселевой, как лихо собачья стая-хор рассуждает о жизни; как проживает свою роль кот, обладающий весьма сложным характером (арт. Владислав Ефанов); как философичен Гусь с его вопросом из «Грозы» Островского: «Почему люди не летают?» (уж он-то уверен, что он «летает», даже если никто и не видел полета этого дрессированного Гуся). Хорош купец в шубе и рядом – розовая лошадь в цирке (этакий ложный эталон счастливой жизни).

Конституция «тела куклы» (если можно так сказать)

в этом спектакле отлично работает на общую идею.

Но есть вопросы к режиссеру: почему эта замечательная любознательная ворона появилась в начале спектакля и потом исчезла? Мизансцены с вороной и котом так были хороши, что можно было бы ворону вообще оставить наблюдателем сценической жизни. Вообще не хватало на многих спектаклях этого играющего и живого **предметного мира** «кукольного дома» (кстати, был в «Поминальной молитве»), **наглядной нужности** детали или предмета, и когда они появлялись – я жадно выхватывал эти моменты в спектакле. Речь о воплощенной метафоре, что доступна театру кукол: это был глаз Графини на портрете (подмигивающий), или кот, ведущий себя этакой звездой в цирковой кампании (речь о пластике куклы).

*Воронежский государственный театр кукол
им. Вольховского «Шут»
А.П. Чехов. Каштанка.*

Проблема мне кажется в «Каштанке» тоже с «крупным планом» актёра, который играет клоуна. Мне было жалко и неловко, когда брали и клали в чемодан этих **живых** (одушевленных) **животных**. Для меня-то они уже живые... Можно было сделать в чемодане отверстия, чтобы в них головы торчали, и они «дышали». А так получается – что они как вещи.

Клоун-дрессировщик Жорж как-то вообще сам по себе – нет его взаимодействия с куклами. А его роль очень важна по смыслу – ведь он по сути пытался заменить, подменить Каштанке её мир. Предлагает полюбить другое и чужое.

Мне кажется должен скоро качнуться театральный маятник в сторону куклы, вы все захотите уйти или за ширму, или «волшебный мир театра кукол» насытить предметами, оживлять его не собой, а действительно стать посредниками, жить ради тех, кто является уникальным центром театра кукол – самой куклы. Забытые перспективы, что открывает кукла, вызывают к вниманию.

Спектакль Вологодского областного театра кукол «Теремок» «Как вам это понравится» (по мотивам одноименной комедии У.Шекспира) как никакой другой спектакль раскрывает проблематику нашей подглавки: «Натуральный актёр и преобразенная неестественность». Режиссер Христина Арсенова и художник-постановщик Емелиана Андропова-Готева вместе с двумя актёрами – Андреем Васильевым и Ольгой Ледковой – создали самый фантазийный

спектакль фестиваля, в котором творческое воображение и чудесные превращения всего во всё подчиняют ход спектакля и его смысловые линии.

Работа актеров – как плетение кружева. Каждая петелька ловко цепляется в строгом порядке за другую, но узоры получаются привольно-веселые, свободно-роскошные.

Поверх шекспировской любовной истории налагается история современных влюбленных (молодых парня и девушки). Если «весь мир – театр», то эта шекспировская фраза (что родом из этой комедии), кажется, и стала тем ключом, с которым подошла к шекспировскому тексту режиссер. Конечно, кто ждал Шекспира, во всей полноте его художественной веселой тяжеловесности, тот, конечно, его не дождался. Но упрощение комедии Шекспира здесь объяснено, продумано и оправдано.

Весь мир театр – а потому в спектакле все предметы и детали предельно театрализованы (все работают честно на главную идею!). Актеры сразу сыграли нам интермедию на тему «мужчина и женщина – это два разных причудливо взаимозависимых и бесконечно разнообразных неисчерпаемых мира». То есть нам сразу сказали (это я особенно ценю, т.к. слишком часто режиссеры предлагают публике и критике сформулировать самим их «правила игры»), что именно такой, а не иной ход спектакля будет развернут перед нами.

Они играют «про любовь». Весело и вдохновенно. Играют актеры, играют куклы. Тут будет играть всё – будь то замечательная конструкция-декорация,

напоминающая то ли огромного жука, то ли космическое НЛО (её трансформации очень разнообразны); будь то рукава костюма актеров, превращающиеся в элементы декорации или в лошадок; будь то карманы в одежде актера, из которых волшебным образом появляются куклы (и где они только умещались?!).

*Вологодский областной театр кукол «Теремок»
У. Шекспир. Как вам это понравится.*

Они играют архетипическую вечную историю: есть мужчина и есть женщина. Есть мужественный мужчина, который будет гордо демонстрировать свое важное значение, принимая воинственные позы; есть и женственная женщина, которая ласково и нежно «оседлает» гордого мужчину – глядишь, а он уже лошадка, везущая капризную героиню-куклу. Кукла

закроет даже лицо своим платьем сильному герою-актеру (он работает в живом плане) и он терпеливо будет сносить все эти женские штучки – неизбежные как смена времен года. В нашей русской культуре всё-таки мужчина ценит и умеет любоваться этим женским мирком, его заповедными «хитростями». Причем, гордому и сильному мужчине вполне нравится эта «подчиненная роль». Милая ироничность в игре актера Андрея Васильева очень хороша.

Тяготения и сопротивления, вращения, разбегания на далекие расстояния и стремительные сближения – всё это относится к ритмике работы с куклой, к претворяющим взаимодействиям актеров и кукол. «Галиматья», причем счастливая, в шекспировском вологодском спектакле вся держалась на смелом театральном фантазировании режиссера, умело воплощенном актерами.

А на фоне всеобщей размягченности современной культуры вот эта игра мужского и женского доставляет истинное наслаждение. Да, в комедии Шекспира взяли четыре пары и сыграли любовь между ними от высоких регистров до почти балаганных и гротесковых. Перед нами озорной, скетчевый Шекспир, в котором черпается чистая театральная радость. Ну а профессионалы, конечно испытывают дополнительное наслаждение от того, что актеры прекрасно пародируют театральные штампы: если любовь – то, да, крепко бьем кулаком по груди и т.д.

Эти два спектакля обладают ёмким сценическим

языком именно театра кукол. Режиссеры нам говорят: волевые желания героев жестом куклы проявить можно отчетливее (причем, будь это рыжая потерявшаяся Каштанка или шекспировская любовная пара). Ритмическая хватка куклы, конечно, особенно ярко проявилась в спектакле Вологодского театра, но зато у воронежцев подобия, повторения и контрасты в паре кукла-человек оказались психологичнее.

Автоматизм куклы и вечность приёма

Спектакль «Пегий пес, бегущий краем моря» (по мотивам повести Чингиза Айтматова.) **Рязанского театра кукол** – серьёзный опыт современного визуального театра и я бы даже сказала, что это опыт вижинари-арт, под которым в данном случае я понимаю медитативное созерцание. Режиссер Борис Константинов и художник Виктор Антонов – оба в равной степени **постановщики** спектакля.

Конечно, из повести Айтматова ушел тяжелый нравственный груз рассказанной истории: да, это цельное представление, но с точки зрения прочтение айтматовского текста, мы видим только малую часть его, потому что в этой повести не так мал человек. Здесь, в спектакле, **человек мал** – так увидит, мне кажется, человека в этом спектакле любой критик, принадлежащий к европейской культурной традиции, отдавшей так много сил **личностному самостоянью человека**. Так увидела и я.

В «Пегом псе...», напротив, человек вообще (как и герои спектакля – мальчик-нивах Кириск, его отец

и братья) видит (visio) мир особенным зрением: через обряд инициации мальчика в добытчика, через древние легенды, через те сенсорные пути, которые открываются в спектакле как вторжение непостижимого (живое звучание шаманского бубна, мистического звучания диджериду) и бесконечного (через хтонический мир подземный, то есть океанический). Легенда-миф о женщине-рыбе, возможно, вообще дала художнику идею для воплощения сценического мира как мира живого Океана, природную мощь которого (ту, что больше человека) в театре кукол можно показать очень ярко, используя (как у рязанцев) огромные маски (в живом плане) извивчивых существ со щупальцами (обитателей вечного Океана) и очень-очень мелкие фигурки людей. Хрупкие человечки спектакля созданы из тонких палочек – они выглядят ровно так, как рисуют дети (ручки, ножки, огуречек – получился человечек).

Конечно, сила этой вне материальной реальности была и у Айтматова – но только у него все же человек был значительнее и крупнее: человек *испытывался* и Океаном, и сушей, дающей жизнь (и пресную воду для жизни); и само испытание было все же не биологическим, но испытанием силы нравственной (ради будущего всего рода, из одинокой лодки перевалившись за борт навсегда уходят в Океан все мужчины, оставив только маленького мальчика с запасом пресной воды). В спектакле их жертва не трагична – она даже покойна. Покойна тем покоем, что дает вечный океан. Человек вообще растворен в нём – все большое пространство сцены работает на эту идею, в том числе медитативно-пластическая

ритмизация спектакля, представленная как мир чудовищ. (Очень эффектны перемещения и падения сверху вниз (в глубину, ко дну) людей и лодки, движение большой лодки) И этот морской bestiary (со щупальцами, хвостами, плавниками, головами-глазами) определит судьбу человека (выбирают оставить в живых – мальчика), что и позволяет нам говорить *о перенесении воли* от человека – к Океану (что, в свою очередь вполне типично для современного кино с его девальвацией авторства и визуализацией фантастических миров).

*Рязанский театр кукол
Чингиз Айтматов. Пегий пес, бегущий краем моря.*

Наслаждение театральной фантазией, конечно, есть как послевкусие от спектакля. Он ткется, вяжется,

в нем всё ритмично перетекает от мизансцены к мизансцене. Работа актеров – титаническая. Иначе не удержать этот сложносочиненный визуальный образ. Да, конечно, текст тут тоже убаюкивающий как волны: мерный, голос фонируется и звучит не естественно, но именно этой неестественности добиваются создатели, создавая эффект голоса одинокого человека, звучащий во вселенной. Всё это хорошо работает, всё это очень замечательно, но мне лично, как человеку, в этом спектакле не хватило человеческой теплоты. Человек в вашем спектакле, повторю, очень маленький. И не только потому, что так хрупка кукла. Он у вас мал сам по себе. Но это не малость монаха, не малость ребенка, не малость поэта. Театральный язык, волей-неволей, подавляет здесь человеческий смысл и масштаб.

В «Пегом псе...» тоже человек без лица, – он просто часть космогонического мира. В нем есть немного от шоу, немного от визионерства, но без человеческого центризма. Тут личности нет. Тут есть идея рода, продолжения жизни несмотря ни на что, – и это всё читается. Концепция простая, но она ясная. И это безусловное достоинство, что она ясная. Актеры понимают в каком спектакле они играют, техника работы с куклой, с предметами-палками-водорослями доведена до автоматизма, они очень нагружены пластически и играют с наслаждением, играют уверенно, и я бы даже сказала, что самоуверенно (мол, у нас «мировая премьера», хотя я не очень понимаю, что такое мировая премьера в Рязани и зачем?). Нельзя сказать, что я не видела приёмов, которые создатели спектакля здесь используют, но здесь очень это куль-

турно освоено и присвоено, и присвоено не на пустом месте, а проросло на хорошей театральной почве. Дословесный природный мир величественен, как и вечен этот приём искусства: поставить друг против друга стихию и человека.

Просто «спасибо»!

Конечно, нужно особое время и хорошие переводы, чтобы вникнуть в те спектакли стран БРИКС, которые мы смотрели онлайн. Чем самобытнее спектакль, тем больших усилий понимания он требует. Тут нужно только подчеркнуть, что каждый спектакль – по сути повод для отдельного разговора и он, надеюсь, состоится через два года.

Конечно, принимающий нас Дагестанский театр кукол вынес на своих плечах огромный фестивальный проект – нужный для культурного обмена, важный как *мягкая сила*, поддерживающий и развивающий культурное самоопределение каждого участника.

Всем спасибо, спасибо фестивалю, спасибо за то, что в Махачкале начали так серьезно говорить о нашем мире. Я люблю места, где можно быть серьезным. Это сейчас не принято. Спасибо за искренность этого фестиваля. Мне кажется это очень важно для нашей культуры. А если бывают культурные конфликты, то нужно сделать так, чтобы любой художественно-смысловой конфликт стал источником нашего культурного развития – важно и театру, и критику, потому что для критика именно реальный опыт есть фундамент профессии.

И завершить хочу снова

ПОХВАЛОЙ КУКЛЕ!

Кукла, поглядев на Хозяина как Каштанка, может запросто указать на самый краткий путь для выражения мысли о верности. Куклы освоили воздушные пути рядом с артистом – они легко и без сяких правильных, по законам физики существующих траекторий, артистично летают в художественном пространстве. Состояние невесомости им сродни! И им это позволено! Но с другой стороны, только театр кукол может взять и исключить или включить куклу в наш человеческий психологический мир – все человеческое кукле доступно. И несмелая красота куклы в «Грешневой каше» и дерзкие куклы в «Маленьких трагедиях», и значительность *куклы в историческом костюме «Пиковой дамы»* – все это движение от человека к кукле может и должно быть сценически оправдано. Но и «вековых осмыслений» оппозиции кукла-человек нельзя избежать – за этой оппозицией такая глубина! Куклой и человеком взаимно умножается не просто взаимное сценическое присутствие. Удаление или приближение актера к кукле – источник всегда свежий, дающий новые возможности.

В рамках театрального фестиваля «Волшебный мир театра кукол стран BRICS» прошел драматургический конкурс на лучшую пьесу для кукольных театров по мотивам сказок стран BRICS (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка).

По итога конкурса был издан сборник, в который вошли пьесы, отобранные жюри конкурса и пьесы членов Гильдии драматургов России. Презентация сборника состоялась в дни фестиваля.

Предлагаем вашему вниманию две пьесы из этого сборника.

Юрий Ломовцев – российский драматург, председатель Гильдии драматургов России. Пьесы идут в России и за рубежом.

Юрий Ломовцев
(Бокари Фуду¹)

**КРАСАВИЦА УНАТИ
И РЫБКА ДИЛИНГ-ДИЛИН**

*пьеса для кукольного театра по мотивам
сказок народов Южной Африки*

Действующие лица:

Бабушка,

Внучка – персонажи от театра, которые помогут рассказать эту сказку

Бакабака, женщина из прибрежного селенья

Унати, ее дочь

¹ Псевдоним Бокари Фуду переводится как «Подająca надежды Черепаха»

Попугай

Рыбка Дилинг-дилин

Салукази, колдунья

Кубва, вождь племени, живущего возле гор

Гвала, его сын

Мбулу, дочь вождя прибрежного племени

Джембе, охотник

Жители селений

Пролог

Бабушка и Внучка выносят большую корзину, сплетенную из травы и пальмовых листьев, и ставят ее на сцене.

Внучка. Бабушка, ты расскажешь нам сказку?

Бабушка. Ну конечно, внученька. А ты будешь мне помогать? Я расскажу сказку, которая пришла к нам из Южно-Африканской Республики, с той далекой части африканского континента, где соседствуют два океана – Индийский и Атлантический. Проживает там много разных племен и народов: зулусы, сото, коса, тсвана, бушмены, готтентоты – всех и не перечислишь, и говорят они на разных языках. Впрочем, языки эти очень похожи, так что народы не плохо понимают друг друга. Отличаются здешние люди и цветом кожи – от совсем белых до совсем темнокожих.

Внучка. А почему люди бывают разного цвета?

Бабушка. Местных жители объясняют это так. Когда-то все люди жили в одной пещере, и жизнь их была сытой и счастливой. Но вот однажды поссорились они, да так

поссорились, что завязалась драка, в которой был убит сын вождя. Вождь страшно разгневался и выгнал всех людей из пещеры. А солнце стояло высоко и палило нещадно. И так оно опалило людей, что некоторые стали совсем темными, коричневыми, других же чуть не сожгло, и стали они черными, как головешки. Некоторые на солнце сварились и покраснели, а у других кожа шелушилась и облезала, и они навсегда остались желтыми.

Внучка. Отчего же там такое жаркое солнце, бабушка?

Бабушка. Вот уж не знаю. Зато знаю, как оно появились на небе.

Внучка. Расскажи!

Бабушка. Когда-то небо располагалось так низко над землей, что и рукой можно было достать. Одна женщина, когда размешивала кашу в горшке, все время задевала небо своей деревянной палкой-мешалкой. Небу это очень не нравилось, и оно решило подняться повыше.

(На наших глазах небо поднимается в вышину.)

И поднялось оно высоко-высоко, выше баобаба и желтого дерева!

На наших глазах вырастает высокое дерево – баобаб.

Внучка. А как же солнце попало на небо?

Бабушка. Жил когда-то на земле дедушка Солнечная Подмышка. Стоило ему поднять руку, как из его подмышки исходило такое сияние, что становилось светло и тепло. Но стоило дедушке прилечь, светло становилось только вокруг его хижины, а весь мир погружался во мрак и холод. И вот подговорили женщины своих детей, те дождались, когда дедушка уснет, взяли его за

руки и за ноги и – у-ух! – забросили на небо! (*Бабушка достает из корзины солнечный диск.*) Ну-ка помоги мне. *Бабушка и внучка поднимают солнечный диск над головой, и в тот же миг чьи-то руки перехватывают его, и солнце оказывается на небе.*

Внучка. Ой, как светло стало!

Бабушка. Так с тех пор и повелось: солнце приходит — тьма уходит. Солнце садится — тьма спускается на землю. И тогда на небо выходит луна.

Внучка. А луна откуда на небе взялась?

Бабушка. Она была рыбой, плавала в океане и звалась Рыба-Луна. Как-то поймал Рыбу-Луну в свои сети рыбак и хотел ее зажарить. Рыба-луна испугалась и запрыгнула на ветку баобаба. (*Бабушка достает из корзины рыбу-луну и сажает ее на ветку баобаба.*) Но рыбак и там до нее добрался. Тогда рыба-луна запрыгнула на самую верхушку дерева. А когда рыбак залез и туда, рыба-луна прыгнула на небо. С тех пор там и живет. Когда появляется солнце, оно гонит луну, отрезает ножом от луны по кусочку. Так луна становится тонким месяцем. Тогда луна просит: «О, солнце! Оставь мне хотя бы спинной хребет!» Солнце уступает ее просьбам, и постепенно луна снова становится полной и большой.

Внучка. На небе еще звезды есть. А они откуда?

Бабушка. В стародавние времена одна капризная девочка разозлилась на то, что мать дала ей мало сладких кореньев и швырнула их в небо. Так возникли звезды. А потом эта девочка кинула в небо горстку золы из костра — и появилась на небе звездная дорожка, которую еще называют млечный путь.

На небе загораются звездочки, появляется млечный путь, проплывает светясь желтым светом рыба-луна, затем появляется солнце.

Внучка. Ах, как красиво, бабушка! Ты настоящая волшебница!

Бабушка. А теперь пришло время сказки. *(В зал.)* Вот послушайте. Давным-давно жила в деревушке на берегу океана женщина по имени Бакабака, и родилась у нее черноокая дочь, которую она назвала Унати, что означает «с нами Бог».

Картина первая

Раздается шум прибоя, и мы видим волны, которые ласково омывают берег.

Бабушка достает корзинку из бамбука и ставит ее у воды. Из корзинки выглядывает маленькая Унати, которая машет ручками и смеется, потом вдруг начинает громко плакать.

Унати. Умама, умама!

Внучка. Почему она плачет?

Бабушка. Маму зовет. Маму все дети зовут одинаково.

Появляется Бакабака.

Бакабака. Что же ты плачешь, Унати, девочка моя. Не плачь, моя красавица, твоя мама с тобой. Только мама должна работать в поле. А когда наступит отлив, нужно успеть собрать крабов и ракушки. Тяжело мне все время носить тебя за спиной! Спи в корзинке, моя девочка, спи!

Унати засыпает. Но стоит Бакабаке отойти, как она

снова просыпается и начинает плакать.

Унати. Умама, умама!

Бакабака *(возвращается)*. Ну что же ты плачешь, маленькая? Как мне успокоить тебя?

Внучка. Колыбельную спеть!

Бакабака *(оглядывается вокруг)*. Кто это сказал? *(Не увидев никого.)* Ах, это ты ветерок! Спасибо за добрый совет!

Бабушка достает из корзинки маленький барабанчик «джембе» и погремушку. Вместе с внучкой они отбивают ритм. Бакабака танцует и поет:

Ви-ди-ди-ди, ди-ди-ди-ди, ви-ам-ам-а-вэй!

Ты не плач, моя Унати, лев сегодня спит!

Ви-ди-ди-ди, ди-ди-ди-ди, лев сегодня спит!

Лев сегодня спит, Унати, он не съест тебя!

Ви-ди-ди-ди, ди-ди-ди-ди, ви-ам-ам-а-вэй!

Время спать пришло, Унати,

Крепко, крепко спать...

Во время песни прилетает попугай, садится на ветку и крутит головой в такт песне.

Бакабака. И ты тут как тут, попугай! Только не вздумай мне подпевать, а то разбудишь мою малютку.

Попугай *(кричит)*. Разбудишь малютку!

Бакабака. Тише!.. *(Нагибается над корзинкой с Унати.)* Заснула!

Уходит на цыпочках.

Унати *(высовывается из корзинки)*. Умама! Умама!

Попугай. Проснулась! Проснулась!

Бакабака (возвращается). Что же мне делать с ней?

Попугай. Пусть волны покачают девочку! Попроси волны!

Бакабака. Это хорошая мысль! Пускай корзинка качается в море. В нее я поставлю миску с кашей. Послушай меня, Унати, когда проголодаешься – поешь каши. (*Ставит деревянную миску с кашей в корзинку, а корзинку пускает по волнам.*) Волны, о, волны морские, покачайте мою Унати! Пусть она крепко спит! А вечером я приду за ней!

Волны уносят корзинку с Унати в море. Бакабака машет рукой вслед уплывающей корзинке и уходит.

Попугай (повторяет). Вечером я приду за ней! Вечером я приду за ней!

Улетает.

Картина вторая

Волны качают корзинку, в которой сидит Унати. То и дело из воды выпрыгивают летающие рыбки, видны плавники проплывающих рядом больших рыб, некоторые высовывают головы из воды и заглядывают в корзинку. И вот появляется золотая рыбка. Она трясет плавниками – и раздается перезвон серебряных колокольчиков.: дилинг-дилиг.

Унати (подражает колокольчикам). Дилинг-дилиг, дилинг-дилиг! (*Громко смеется и указывает пальцем на рыбку.*) Дилинг-дилиг! (*Указывает пальцем на себя.*) Унати! (*Указывает пальцем на рыбку.*) Дилинг-дилиг!

(*Громко смеется.*) Унати! Дилинг-дилиг! (*Берет миску с кашей и ест. Потом бросает кусочки каши рыбке.*) Ешь! (*Рыбка ловит и съедает кусочки каши, трясет серебряными плавниками.*) Ешь, Дилинг-дилиг!

Унати смеется и хлопает в ладоши.

Бабушка. Так продолжалось много дней. Утром Бакабака пускала корзиночку с маленькой Унати по волнам. Целый день играла девочка с золотой рыбкой Дилинг-дилиг. А вечером Бакабака приходила на берег и забирала ее. Но однажды вечером море заштормило...

Картина третья

На берег моря выбегает Бакабака.

Бакабака. О, волны морские, несите ко мне мою дочку Унати!

Прилетает Попугай, садится на ветку баобаба, повторяет слова Бакабаки.

Попугай. Несите ко мне мою дочку Унати!

Бакабака. Море, верни мою дочку! Верни мою малютку Унати!

Попугай (повторяет). Верни мою дочку!

Волны плещутся о берег, выбрасывают на берег сухие ветки, ракушки.

Бакабака. Где же ты моя, Унати! Нет моей любимой доченьки!

Попугай (повторяет). Моей любимой доченьки!

Бакабака. О, море, отдай мою дочь!

Попугай (повторяет). Отдай мою дочь!

Бакабака (*попугаю*). Не ты ли, попугай, посоветовал мне доверить Унати волнам? Зачем я послушалась тебя, глупая птица!

Попугай (*повторяет*). Глупая птица! Глупая птица!

Бакабака. Раньше море всегда возвращало мне Унати. О, море! О, злое море! Сейчас же верни мою дочь!

Попугай. Нельзя непочтительно разговаривать с морем!

Бакабака. Злое, негодное море! Верни мою дочь!

Море гневается. Налетает порыв ветра, сбивает Бакабаку с ног. Начинается буря. С трудом справляясь с ветром улетает попугай. Волны заливают берег.

Бакабака (*пытаясь перекричать бурю*). Нет моей милой Унати! Море украло ее!

Становится совсем темно. Буря стихает. Наступает ночь. На небе звезды и луна.

Внучка. Неужели Унати утонула?

Бабушка. Конечно же нет! Но судьба ее ждет нелегкая...

Картина четвертая

Берег моря, вдали виднеются островерхие хижины деревни, а за ними высокие горы. На берегу стоит корзинка, в которой сидит Унати.

Унати. Умама, умама!

На берегу, опираясь на палку, появляется старуха Салукази. Увидев ее, Унати стихает и прячется в корзинке.

Салукази. Стихла буря. Посмотрим, что море вынесло на берег. Будет мне чем поживиться? (*Старуха собира-*

ет в сумку ракушки и крабы. Останавливается возле корзинки.) А это еще что такое? Что за корзинка? Посмотрим, что в ней. (*Заглядывает в корзинку.*) Ай-ай-ай! В корзинке девочка! Вот так находка!

(Из корзинки высовывается Унати и громко плачет.)

И какая красивая девочка! Курчавые волосики, белоснежные зубки! Как тебя зовут?

Унати. Унати! Унати!

Салукази. Хорошее имя. Унати – значит «данная Богом». Выходит, боги послали мне дочку? Что ж, своих детей у меня нет. Возьму-ка я к себе девочку, которую вынесло море. (*Унати.*) Ты будешь жить в моей хижине, подрастешь, станешь помогать мне по хозяйству, следить за очагом, прибираться, готовить пищу.

Унати. Умами, умами!

Салукази. Мамы нет. Теперь я буду твоя мама. (*Салукази вынимает Унати из корзинки, та бежит по песку, протягивая руки к морю.*) Ой, так ты уже умеешь бегать, малютка! Не убегай далеко!

Унати (*останавливается у края воды, зовет*). Умами! Дилинг-дилин!

Салукази. Что за странное имя – Дилинг-дилин...

На берегу появляется вождь племени старик Кубва.

Кубва. Какая милая девочка! Ее вынесло море? Какая она красивая, ладненькая! Беру ее себе!

Кубва идет к Унати, хочет взять ее на руки, но Унати убегает от него.

Салукази. Это моя девочка. Я нашла ее!

Кубва. Я – Кубва, вождь горного племени! Значит это подарок мне!

Салукази. А вот и нет! Боги послали эту девочку мне!

Кубва. Ее авыбросило на берег море! Все, что выносит море, по закону принадлежит мне, как главному в племени! Отдай мне девочку, старуха Салукази! Она подрастет и станет прислуживать мне.

Салукази. И не подумаю! (*Унати.*) Ты, девочка, лучше спрячься у меня за спиной! Я тебя никому не отдам.

Унати прячется за спиной у старухи.

Кубва. Эй, Гвала! Сынок! Иди сюда скорей!

Появляется Гвала, толстый и неповоротливый юноша.

Гвала. Чего тебе, папа?

Кубва. Поймай эту маленькую девчонку и приведи ко мне!

Гвала. Да, папа!

Гвала переваливаясь с боку на бок гонится за Унати, но старуха Салукази выставляет свою палку, и, споткнувшись, Гвала падает на песок.

Кубва. Что же ты такой неуклюжий! Прикажешь мне самому гоняться за ней?

Салукази. Не видать тебе девочки, Кубва, как своих ушей! Ни тебе, ни твоему глупому сыночку!

Кубва. Я позову на подмогу людей, и они свяжут тебя, старуха!

Салукази. Ты забыл, Кубва, что я умею колдовать? Я могу вызвать дождь и град, который уничтожит твои посевы, могу наслать ураган, который унесет в море ваши

домишки!

Салукази взмахивает руками и что-то шепчет себе под нос. И тут же скрывается солнце, на небе появляются тучи, дует ветер.

Гвала. Папа, я боюсь! Не губи нас, колдунья Салукази!

Кубва. И в кого же ты уродился таким трусом?! Какую девочку упускаем! Подросла – могла бы стать твоей женой!

Гвала. Не нужна мне она! Отдай ее Салукази, папа! Пусть она остановит грозу!

Кубва. Останови грозу, старуха. Мы не тронем девочку!

Салукази. Так-то вот! (*Снова взмахивает руками – тучи рассеиваются.*) Идем в дом, малышка.

Кубва (*грозит колдунье кулаком*). Я еще доберусь до тебя, старуха! (*Дает сыну подзатыльник.*) Идем!

Кубва и Гвала уходят. Раздаются звуки серебряных колокольчиков. В прибрежных волнах плещется золотая рыбка Дилинг-дилин.

Унати (*бежит к морю*). Дилинг-дилин!

Салукази. Эй, куда ты! Не ходи к морю! С морем не шутят!

Салукази берет девочку за руку и уводит. Унати плачет..

Бабушка. Уф! На этот раз все обошлось!

Внучка. Бабушка, куда она повела нашу Унати?

Бабушка. В свою хижину возле гор.

Внучка. А что дальше? Что было дальше?

Бабушка. А дальше стала жить Унати в доме колдуньи

Салукази. И так прошло много лет...

Картина пятая.

На берег моря выходит Бакабака. Она тянет руки к морю, зовет: «Унати! Унати!»

Прилетает Попугай, повторяет: «Унати! Унати!»

Бакабака. Вот уже много лет, попугай, я выхожу на берег моря в надежде вновь увидеть свою девочку. Я все еще верю, что она вернется ко мне...

Попугай. Вернется ко мне, вернется ко мне!

Бакабака. Но с каждый годом эта вера тает. Нет, попугай, она не вернется! Дочка моя погибла в морских волнах!

(Из воды выпрыгивает рыбка Дилинг-дилинг, трепещет плавничками.) Ты хочешь утешить меня, рыбка? Хочешь сказать мне, что Унати жива? На, поешь вареного проса. *Бросает рыбке просо.*

Попугай. Просо! Просо!

Бакабака. Милая рыбка, ты каждый день приплываешь сюда, и на душе становится легче: ведь когда-то ты играла с моей дочкой Унати. *(Рыбка снова выпрыгивает из воды. Звучат серебряные колокольчики.)* Раньше моя девочка кормила тебя, золотая рыбка, теперь это делаю я...

(Рыбка звенит плавничками и уплывает.) Куда же ты моя золотая рыбка?..

Картина шестая

Хижина в предгорье, огороженная плетнем. Из хижины выходит Унати. Следом за ней, прихрамывая и опираясь на палку, идет старуха Салукази.

Салукази. Как же ты выросла, Унати! Какой красавицей стала. Во всей округи такой не сыскать. Ни разу не пожалела я, что взяла тебя к себе в дом. Ты заменила мне дочь, Унати.

Унати. И я привязалась к тебе, тетушка Салукази. Я так благодарна тебе! Но только почему ты не разрешаешь мне подходить к морю?

Салукази. Ах, Унати, море мне подарило тебя когда-то, и я очень боюсь, что оно отнимет тебя у меня. Не доверяю я морю.

Унати. А меня тянет к нему! Море манит меня. Волны снятся мне по ночам. А еще снится мне рыбка Дилинг-дилиг – золотая, с рубиновым хвостиком, серебряными плавничками. Смотрит она мне в глаза, словно хочет что-то сказать. Дилинг-дилиг, – звенят серебряные плавнички, и тоска на меня нападает от этих звуков.

Салукази. Ты уже взрослая, Унати. Пора подумать о замужестве. В этом все дело.

Унати. Вовсе я и не думаю о замужестве!

Салукази. Старый вождь племени Кубва хочет взять тебя в жены своему сыну. Он приходил ко мне на днях. Старик очень богат, обещал за тебя хороший выкуп. Пойдешь за него?

Унати. Нет, тетушка Салукази! Нет!

Салукази. Почему же? Не хочешь богатства?

Унати. Не по душе мне его сын Гвала! Он трусливый и

глупый, не отдавай меня за него!

Салукази. Не отдам, детка, не отдам. Я так и сказала Кубве. А спросила, чтобы проверить тебя. Только вот что меня беспокоит...

Унати. Что же, тетушка Салукази?

Салукази. Кубва мой враг с того самого дня, как море выбросило корзинку с тобой на берег. Пока я жива, он не тронет тебя. Но только я стала совсем старая и больная. Видишь, хожу уже с трудом. Чует сердце, я скоро умру.

Унати. Не говори так, тетушка Салукази!

Салукази. Надо правде смотреть в глаза. Кубва хитер, когда меня не станет, он попробует взять тебя силой.

Унати. Что же мне делать?

Салукази. Я помогу тебе. *(Достает рог антилопы и протягивает Унати.)* Это рог антилопы, возьми его. Когда я умру, ты должна будешь бежать, иначе Кубва не оставит тебя в покое. Волшебный рог антилопы покажет тебе дорогу через джунгли. Он поможет добраться до Мутной реки. За Мутной рекой живут другие племена, Кубва не рискнет перейти эту реку.

Раздаются звуки барабанов.

Унати. Что это? Почему люди бьют в барабаны, тетушка Салукази?

Салукази. Это старый Кубва идет сватать тебя. Идем в дом, я научу тебя одному заклинанию...

Салукази и Унати уходят. Гром барабанов нарастает.

Внучка. Ах, бабушка, что же будет с нашей Унати?

Бабушка. Поживем – увидим, внучка...

Картина седьмая

Гремят барабаны. Выходит вождь племени Кубва, за ним идет его сын Гвала.

Кубва *(кричит)*. Приветствую тебя, колдунья Салукази! Знаю, у тебя есть товар, твоя воспитанница Унати. Моему сыну есть что дать тебе за нее. *(Дает команду соплеменникам.)* Выносите подарки!

Под звуки барабанов с песней выходят люди племени. У одного в руках барашек, у другого – петух, третий волочит огромный мешок с кореньями.

Внучка. О чем они поют, бабушка?

Бабушка. Бейте, бейте барабаны, нынче праздник у нас!

Бейте, бейте барабаны, наступил веселья час!

Умный Гвала, храбрый Гвала себе невесту берет!

Храбрый Гвала, стройный Гвала в дом ее поведет!

От того и поет, веселится народ!

Кубва. Мы даем за невесту большой выкуп: сто баранов и сто петухов!

Гвала. И мешок сладких и вкусных кореньев, которых хватит тебе, Салукази, до конца твоей жизни!

Кубва. Отдашь ли ты Унати в жены моему сыну? *(Никто не отвечает ему.)* Тебе мало этих подарков, Салукази? Поверь, мы даем очень богатый выкуп!

Гвала. Папа, я хочу жениться!

Кубва. Ну хорошо, зловредная старуха, в придачу к остальному я дам тебе мешочек разноцветных бусин!

Теперь ты отдашь мне девчонку?

Из хижины выходит Унати.

Унати. Тетушка Салукази умерла!

Кубва. Ах вот как? Это облегчает дело. Теперь и выкупа не потребуется! Скажи, Унати, ты пойдешь замуж за моего сына Гвалу?

Унати. Нет!

Кубва. Ты отказываешь самому вождю? Еще раз спрашиваю, пойдешь ли ты замуж за моего сына!

Унати. Нет, Кубва! Я не пойду замуж за твоего сына!

Кубва. У, строптивая! И в третий раз спрашиваю тебя: пойдешь ты замуж, или нет?

Унати. Нет, никогда!

Кубва. Вы слышали, люди племени? Это девчонка отказала самому вождю Кубве! Ты нанесла мне большое оскорбление, и будешь наказана.

Гвала. Что ты с ней сделаешь, папа?

Кубва. Я могу ее связать и бросить в море на съедение рыбам! Или скормить ее крокодилу, который живет на болоте! Или отнести ее в саванну и бросить в термитник со злыми муравьями!

Гвала. Но тогда у меня не будет жены, папа! Может, мы лучше посадим ее в клетку и подождем, пока она не согласится выйти за меня замуж?

Кубва. Какой же ты у меня добрый и умный, сынок!

Гвала. Просто я очень хочу жениться.

Кубва. Ну что же, принесите клетку, мы посадим девчонку в нее!

Гвала. А заодно и откормим, а то она слишком уж худенькая для меня.

Люди племени приносят клетку.

Кубва. Хватайте ее! Теперь никакая колдунья не помещает нам!

Унати. Стойте! Я сама! Я сама зайду в клетку!

Раздается ропот удивления: Сама? Вот смех-то!

Кубва. Такого мы еще не видали! Отказала видному жениху, а теперь сама хочет сесть в клетку!

Унати. Только позвольте мне взять с собой деревянную миску, которая была со мной в тот день, когда тетушка Салукази нашла меня на морском берегу.

Гвала. Пусть возьмет свою миску. Я добрый!

Унати уходит в хижину, а когда возвращается, все видят, что за спиной у нее узелок с поклажей. А в руках рог антилопы.

Кубва. Эй! Куда это ты собралась?

Унати. В клетку! *(Вскидывает руки и читает заклинание).* Хлви, хлви, хлви! Вохло, вохло, вохло! *(Дует перед собой.)*

И в тот же миг налетает порыв ветра, гремит гром. Люди племени пугаются: «Ураган! Начинается ураган!» Ветер качает деревья, срывает солому с крыши хижины, от его порыва разваливается клетка, в которую хотели посадить Унати. Ветер сбивает с ног Кубву и его сына Гвала. И вдруг ветер стихает так же неожиданно, как и начался. Все видят, что Унати исчезла.

Кубва *(поднимается с земли).* Где девчонка? Сбежала?!

В погоню! Держите ее!

Под звуки барабанов люди племени бегут в сторону гор.

Внучка. Ах, бабушка, они догоняют ее! Еще чуть-чуть, и они ее схватят!

Бабушка. И тут на счастье Унати наступила ночь.

(Солнце скрывается. Наступает ночь.) Ночь в Африке всегда наступает внезапно. Солнце садится быстро – и сразу кромешная тьма. Лишь звезды и луна освещают землю...

Картина восьмая

Тревожно бьют барабаны. В темноте слышатся голоса: «Бегите быстрее! Ловите ее! Зажгите факелы!» В темноте мелькают огоньки факелов.

Внучка. Где же наша Унати?

Бабушка. Она бежит через джунгли к Мутной реке!

Мы видим, как сквозь джунгли бежит Унати. Мелькают деревья и кусты, светятся в темноте глаза диких животных, слышатся их рычание.

Внучка. Как же страшно должно быть ей! По незнакомым тропам бежит Унати, не разбирая дороги, сквозь высокие травы, сквозь колючие кусты! Глаза диких животных светятся в темноте, наблюдают за ней!

Бабушка. Никто из них не причинит зла Унати, ведь ее ведет через джунгли волшебный рог антилопы!

Внучка. И вот уже впереди показалась Мутная река.

Бабушка. Словно на крыльях перелетает Унати на другую сторону реки, но продолжает бежать.

Внучка. И падает она на прибрежный песок, только когда наступает утро!

Картина девятая

На берегу возле океана лежит Унати. К ней подходит Бакабака, опускается на колени.

Бакабака. Кто ты? Откуда пришла? Издали увидела я тебя, только не сразу поняла, птица это летит, или бежит человек. Что за проворство в твоих ногах?

Унати *(поднимает голову)*. Рог антилопы вел меня за собой, теперь он воткнулся в песок, значит, путь мой окончен.

Встает.

Бакабака. Как зовут тебя, девушка?

Унати. Унати.

Бакабака. Унати? Ты сказала Унати? А где твой отец и мать?

Унати. Не знаю. Очень-очень давно море выбросило меня на берег. Нашла меня одна старушка, и жила я с тех пор у нее. Но старушка умерла, и я бежала из той деревни, потому что злые люди хотели обидеть меня.

Бакабака. Унати. Так звали и мою маленькую дочь.

Унати. Что же случилось с ней?

Бакабака. В бамбуковой корзинке плавала она по морю, с рыбками играла, кашу ела из деревянной миски...

Унати. Матушка! Ты моя матушка! Старушка нашла меня в бамбуковой корзинке, и в ней была и эта миска. *(Показывает миску.)* Я взяла ее с собой, когда убегала.

Бакабака. Ты вернулась ко мне, моя доченька!

Бакабака и Унати обнимаются и плачут от счастья. Раздается всплеск, из воды выпрыгивает рыбка Дилинг-дилиг, трепещет плавничками. Раздаются звуки серебряных колокольчиков.

Унати. Дилинг-дилиг! Рыбка моя золотая!

Бакабака. Ты знаешь имя этой рыбки? С тех пор, как волны похитили тебя, я приходила сюда каждый день, и рыбка всегда приплывала. Я приносила ей вареного проса. А потом мы вместе грустили о тебе.

Унати. А мне часто снилось, что я качаюсь в корзинке на волнах, а рядом со мной резвится золотая рыбка Дилинг-дилиг! *(Рыбка Дилинг-дилиг все выше и выше выпрыгивает из воды. Звенят серебряные колокольчики.)* Теперь я снова буду кормить тебя, моя рыбка.

Бакабака. Пойдем домой, моя родная! Ты расскажешь, как жила без меня.

Унати. Пойдем! *(Рыбке.)* Рыбка Дилинг-дилиг, я приду к тебе завтра!

Унати и Бакабака уходят. Рыбка Дилинг-дилиг продолжает выпрыгивать из воды и звенеть плавниками.

Бабушка. Так и зажили вместе красавица Унати и ее матушка Бакабака. Тут бы и сказке конец. Но нет! Сказка еще не кончается.

Внучка. Что же дальше будет?

Бабушка. А вот сейчас и посмотрим.

Картина десятая

На берег океана выходит Мбулу. Она толстая и говорит грубым голосом.

Мбулу. Все в деревне считали меня очень красивой, пока не появилась эта Унати! И откуда она только взялась! Теперь никто и смотреть на меня не хочет! Когда Унати работает в поле, все смотрят только на нее! А после работы она идет к морю. Говорят, она кормит какую-то рыбку. Что за рыбка? Посмотрим! Спрячусь-ка я за камнем.

Притаскивает большой валун и прячется за ним. На берегу океана появляется Унати.

Унати (зовет). Дилинг-дилиг! Рыбка моя золотая! Плыви ко мне! Я принесла тебе вареного проса!

(Приплывает рыбка Дилинг-дилиг.)

Дилинг-дилиг, золотая рыбка – серебряные плавнички, глазки изумрудные, хвостик рубиновый!

Кидает рыбке корм. Прилетает попугай.

Попугай. Унати проса тебе принесла! А мне?

Унати. Завтра и тебе принесу! Плавай-резвись, золотая рыбка Дилинг-дилиг! Только смотри, далеко не заплывай! Жди меня завтра!

Уходит.

Мбулу (высовывается из-за камня). Ничего не разглядела! Зато знаю, как рыбку зовут. *(Подходит к берегу.)* Дилинг-дилиг, рыба золотая! Плыви ко мне! *(Ждет, но рыбка не появляется.)* Ну! Я же сказала, плыви ко мне! Плыви ко мне, противная рыба! *(Топает ногами.)* Так, похоже, не получится. Попробуем хитростью. *(Говорит тонким голосом.)* Дилинг-дилиг, рыбка моя золотая!

Попугай. Злая Мбулу! Злая Мбулу!

Мбулу (швыряет в попугая камнем). Молчи, попугай,

пока я тебя не задушила! (*Снова говорит тонким голосом.*) Рыбка золотая, Унати проса тебе принесла!

Приплывает рыбка Дилинг-дилин. Мбула хватает ее и выбрасывает на берег. Рыбка бьется на берегу.

Попугай. Отпусти рыбку! Отпусти рыбку!

Мбулу. Это моя рыба! Я поймала ее!

Хватает рыбку и убегает.

Попугай (*летит следом*). Злая Мбулу! Отпусти рыбку!

Картина одиннадцатая

Бабушка. Напрасно Унати звала рыбку Дилинг-дилин, когда пришла на берег моря на следующий день. Так и не приплыла к ней золотая рыбка. И через день, и еще через день. Опечалилась Унати.

На берегу океана сидит Унати.

Унати. Дилинг-дилин! Рыбка золотая! Что же не плывешь ты ко мне? Или в море ты глубоко заплыла? Унати проса тебе принесла, золотистого проса!

Появляется Мбулу.

Мбулу. Можешь не звать свою рыбку, она не приплывет! Я поймала ее!

Унати. О, Мбулу, зачем тебе маленькая золотая рыбка?

Мбулу. Не такая уж и маленькая. Очень даже большая и жирная. Ты хорошо откормила ее.

Унати. Выпусти рыбку, Мбулу! Проси что хочешь за нее!

Мбулу. Нет больше твоей рыбки! Ха-ха-ха! Я зажарила и съела ее! А то, что осталось, так уж и быть, верну! (*Швыряет Унати косточки рыбки и уходит. Унати плачет.*) Бедная рыбка Дилинг-дилин. Больше я не увижу тебя. Осталось только похоронить твои косточки.

Берет косточки и зарывает в песок.

Раздается перезвон серебряных колокольчиков. Из земли начинает расти деревце.

Унати. Что это? Не верю своим глазам!

Попугай (*прилетает*). О чудо! Чудо! Деревце растет на берегу моря!

Унати. Ах, какая красота! Чудесное деревце! Ветки золотые, листья изумрудные, ягодки из рубинов! Рыбка золотая Дилинг-дилин здесь жила, ела просо золотистое, воду пила, а теперь в волшебное деревце обратилась!

Звучит серебряный голос рыбки: «Дилинг-дилин, дилинг-дилин! Сплети себе веночек, спрячь его! Надежно спрячь его»

Унати. Твой ли это голосок я слышу, рыбка Дилинг-дилин? Ты превратилась в волшебное деревце?

Звучит голос рыбки: «Сплети веночек! Сплети веночек!»

Попугай (*повторяет*). Сплети веночек! Сплети веночек!

Унати сплетает венок из веток деревца, примеряет на голову. Затем заворачивает венок в платок. Налетает порыв ветра, срывает с деревца изумрудный листок и уносит его.

Унати. Ветер листок изумрудный сорвал с волшебного

деревца и унес его далеко-далеко!

Попугай. Далеко-далеко!

Раздается серебряный голос рыбки Дилинг-дилин: Это судьба твоя! Это судьба твоя!

Неожиданно у моря появляется злая Мбулу.

Мбулу (*видит деревце*). Ах, какое богатство! Чудесное дерево! Сколько золота, сколько камней! Это мое дерево! Мое!

Мбулу подбегает к деревцу, обрывает с него ветки, листочки, ягоды.

Унати. Пожалей деревце, Мбулу!

Мбулу. Все мое! Теперь я буду самой богатой!

И вот уже от деревца не осталось и следа, только лежит куча веток и листьев. Мбулу ложится на эту кучу, хочет обнять ее руками.

Мбулу. Мое! Мое! (*Вдруг вскакивает.*) Ай, что это? Где мое богатство? Вместо золото – песок, место изумрудов и рубинов – камни! (*Вместо веток и листьев появляется куча песка и камней.*) Это ты, ты, Унати, наколдовала! Отдай мне мое богатство! Отдай!

Унати убегает. Мбулу гонится за ней.

Попугай. Где уж тебе, злая Мбулу, догнать нашу Унати! *Улетает.*

Картина двенадцатая

Бабушка. А волшебный листок летел-летел и упал под ногами молодого охотника *Джембе*, который возвращался с охоты. Вот он стоит и разглядывает листок.

В световом луче мы видим юношу Джембе, который

держит в руках изумрудный источник.

Внучка. Ах, какой красавец! И должно быть, удачливый охотник!

Джембе. Что за чудо! Изумрудный листок... Откуда он мог прилететь? И каким же должно быть дерево, на котором растут такие прекрасные листья! (*Раздаются звуки серебряных колокольчиков.*) Ах, что это! Какие прелестные звуки! (*Прикладывает руки к груди.*) Что со мной! Как бьется сердце! И откуда этот шум в ушах? Мне хочется свернуть горы! Собрать все цветы джунглей и саванны! Достать звезды с неба! Я должен найти это чудесное дерево! Ах, ноги сами меня несут! Куда же они приведут меня?

Джембе убегает.

Бабушка. И Джембе отправился на поиски волшебного дерева. Он шел от деревни к деревне, от поселения к поселению и везде показывал прилетевший к нему изумрудный листок. Но никто не мог сказать ему, где растет такое чудесное дерево. И скоро по всему побережью прошел слух, что красавец Джембе из племени охотников разыскивает какое-то неизвестное дерево.

Внучка. Наверное, все девушки побережья мечтали попасться ему на глаза.

Бабушка. Ну, конечно! И вот Джембе попал в ту деревню, где жили Унати и ее мать.

Картина тринадцатая

На площади собрались жители прибрежной деревни, среди них Унати, Бакабака и Мбулу.

Джембе. Посмотрите на этот зеленый листок, который упал к моим ногам в День урожая! И с тех пор нет мне покоя. Может быть, знает кто-то из вас, где растет это дерево?

Мбулу. Я знаю! Я видела это дерево! Только его уже нет!

Джембе. Как нет?

Мбулу. А вот так! Исчезло! Но я могу показать место, на котором оно росло!

Джембе. Как мне поверить тебе? Может у тебя остался хотя бы один листок с этого чудесного дерева?

Мбулу. Конечно, остался!

Джембе. Ты мне покажешь?

Мбулу. Конечно, покажу! Я сейчас!

Быстро убегает.

Джембе. Куда же ты? (

Слышатся голоса людей селенья: «Куда побежала Мбулу? Уже возвращается! Тащит корзину!» Возвращается Мбулу, волочет за собой полную корзину листьев.) Ты принесла мне листок?

Мбулу. Вот! (*Высыпает из корзины листья.*) Здесь листья всех деревьев, которые растут в округе! Выбирай любой!

Джембе. Мне не нужен любой, мне нужен один единственный.

Унати (*выходит из толпы*). Нет у меня такого листка, но есть венок, сплетенный из веток деревца Дилинг-дили.

Унати развязывает платок, достает венок и надевает на голову. Люди деревни ахают от удивления.

Джембе. Как зовут тебя, красавица?

Унати. Имя мое Унати.

Джембе. Теперь понял я, не чудное деревце искал я, а тебя. Ты и есть настоящее чудо. Согласна ли ты стать моей женой?

Унати. Сначала надо спросить у моей матери. Ее зовут Бакабака.

Джембе. Почтенная Бакабака! Согласны ли вы отдать за меня свою дочь?

Абакабака. Ну если ты, молодой охотник, ей по сердцу, то я согласна. Засылай сватов с выкупом за невесту.

Мбулу. А как же я?

Бакабака. А ты поищи себе другого жениха!

Люди деревни смеются, переговариваются между собой: «Свадьба! В дерене будет свадьба! И пара какая красивая!»

Бабушка. Свадьбу сыграли всей деревней!

Бабушка и Внучка бьют в барабаны, гремят погремушками. Люди деревни поют и танцуют:

Жарче-жарче-жарче-жарче, будет яркий свет!
Все готовы? Все готовы! Будем танцевать!
И мальчишки, и девчонки, будем танцевать!
Старики и молодые, будем танцевать!
Выше-выше-выше ноги, будем задирать!

Выше-выше-выше-прыгай! Будем танцевать!
 Влево-вправо-влево-вправо, будем танцевать!
 Все смелел и смелее, будем танцевать!
 Все быстрее и быстрее, будем танцевать!

Конец сказки

Синяев Алексей Владимирович

Закончил Екатеринбургский государственный театральный институт по специальности литературный работник, драматург (мастерская Н. В. Коляды). Написал 13 пьес. Спектакли идут на сцене ЦАТРА, площадке «Москонцерта», в Тильзит-Театре г. Советска Калининградской области, на театральной площадке «В центре» г. Екатеринбурга, театре «Бункер» г. Алматы.

Пьесы переведены на английский, немецкий и итальянский языки.

Алексей Синяев

ЦВЕТОК-ЖАДИНА

Действующие лица:

Коваль – кузнец

Господин Судья – вершитель судеб

Господин Нецветаев – знатный вельможа

Госпожа Нецветаева – жена вельможи

Присяжные заседатели

Собака

Змея

Обезьяна

Петух

Шакал отец

Шакал мать

Шакал сын

Егор Рыба – самый настоящий аферист

Картина 1

Грозный Суд

В центре зала сидит бедно одетый человек, взгляд его опущен. Вокруг него роскошно разодетые граждане, в их взорах застыл немой укор, лица сытые, довольные и злые. За подсудимым, на возвышении, стоит кресло су-

ды, пока пустое. В углу сидит Часник, человек, который после прихода судьи шепотом ведет счет времени заседания.

Судья (*торопливо заходит в зал, на ходу развязывая шарф*). Все уже здесь? Ох уж эти пробки от бутылок, не представляете, как они задерживают мой завтрак. Представляете, петух перестал будить меня, пришлось взять работу на дом. Одним лодырем меньше. Приступим. Заключенный встать, суд идет! Остальные садитесь. Негодяй, представьтесь!

Коваль. Я? Коваль, сын Молота, городского кузнеца и сам кузнец по профессии. Мой отец изготовил молоток, которым ты вершишь судьбы, а я еще мальчиком убирал с него окалину.

Судья. Ширпотреб. Положение в обществе?

Коваль молчит.

Судья. Ваше положение в обществе, Коваль?

Коваль. Бедняк!

Судья. Громче, пусть все услышат!

Коваль. Я – бедняк.

Судья. Итак, Коваль, сын Молота, кузнец, бедняк и негодяй, обвиняется в гнусном проникновении с взломом, в частный парк господ Нецветаевых, статья 36 (*После произношения статьи все встают*), Кодекса Защиты от агрессии нашего замечательного и нерушимого государства.

Все вместе (*стоя, поднимают руки вверх с выпяченными пальцами*). Да здравствует Изобилия!

Судья. Так оно! (*Нервничая.*) Садитесь! После проникновения, вы, негодяй, истоптали клумбы с гладиолусом, морошкой, Сердцем Ангела, так сообщают господу Нец-

ветаевы.

Господа Нецветаевы. Да-да, мы сообщаем, мы только это и делаем!

Господин Нецветаев. Из-за тебя завяли Каблочки Пига-лицы.

Госпожа Нецветаева. И засохли Козьи Тропы.

Господин Нецветаев. А Дерево Плодоноса перестало, это. ..

Госпожа Нецветаева. Плодоносить.

Господин Нецветаев. Перестало плодоносить!

Госпожа Нецветаева. Из-за тебя, о чудовище, расцвел Анчар!

Все. Анчар?

Госпожа Нецветаева. Это ядовитое такое. Очень страшное и опасное.

Судья. Что соответствует статьям сто восемнадцать и сто девятнадцать (*Все опять встают.*) Кодекса Защиты от агрессии нашего замечательного и нерушимого, с великой славой!

Все (*вознеся руки вверх*). Да здравствует Изобилия!

Судья. Так оно! Садитесь уже, садитесь!

Коваль. Я хотел справедливости.

Судья. Ти-ши-на! Тебе еще дадут слово. Мало того что ты, негодяй, истоптал прекрасный парк этих замечательных господ, ты покусился на самое святое: ты подорвал основу жизни этих несчастных состоятельных граждан! Ты украл самое дорогое, что у них было, редчайший и бесценный Цветок-Жадину. Цветок тут же завял в твоих гадких, нищенских руках, от его чудесной пыльцы они посинели, и это послужило главным доказательством твоей ничтожной вины. Вернее, не ничтожной, а достой-

ной тебя вины. Вернее, ты недостойный, а вина твоя более чем. Кража! Статья пятьдесят. (*Все начинают вставать.*) Раздел особо тяжкие, Великого Кодекса защиты от агрессии нашего ЗНГ.

Все (*стоя с поднятыми вверх руками*). Да здравствует Изоб... Что?

Судья. Ну, я сократил. Аббревиатура ЗНГ – замечательное нерушимое государство. Так оно! Садитесь. После преступления, ты бедняк, скрылся из парка в неизвестном направлении, в своих трущобах. К сожалению, статьи за это у нас нет, но это подло и ты за это ответишь! Ты признаешь свою вину?

Коваль молчит.

Судья. Отвечать! Молчание на суде параграф шестнадцать, подсудного талмуда, том четыре, синяя закладка.

Коваль. Вспомнив красоту цветка, я немного задумался. Раньше парк Нецветаевых был не таким.

Судья. Господ Нецветаевых!

Коваль. Парк этих вот господ был общественным местом, там гуляли все жители Изобилии. Именно там познакомились мои родители, а их ребенок провел там всё детство. А теперь туда не пускают. Простые люди не имеют права даже посмотреть в сторону парка, тут же найдется параграф в талмуде. Цветок-жадина растёт не только у Нецветаевых. У вас у всех руки синие от его пыльцы, рыльце в пушку от его нектара. Сильнейшая аллергия, меня начинает трясти, когда вижу ваши побеги. Они ужасные, почему они красивы только для вас?

Господин Нецветаев. Послушай ты, горнило кузнечное, утыкай поддувало, и занимайся своей кузней. Ты даже представить не можешь, скольких трудов стоит выра-

стить это. Только в особой, благородной голубой глине он расцветает, её добывают только за бугром роскоши и сюда везут только её крохи. В глину добавляют порошки золота и меди и особый соевый соус.

Судья. В последнее время его всюду добавляют.

Господин Нецветаев. Итак, в течение нескольких лет, мешая золото с грязью, укутывая цветок роскошью, надо выращивать Цветок-Жадину.

Госпожа Нецветаева (*мечтательно*). Цветок получается метр в высоту, его бутон переливается всеми цветами радуги, но раскрывается бутон только своему хозяину, раз в год он цветет огромным алмазом. Огромным, как слеза слона, который хлещут плетью.

Господин Нецветаев. И ты даже представить себе не можешь, сын кузнеца, сколько он стоит. Он стоит пятьдесят тысяч! Пятьдесят тысяч таких негодяев, как ты, Коваль.

Судья. Последние слова обвинителя сказаны. С ними не поспоришь. Так теперь необязательная программа. Вам есть, что сказать, Коваль?

Коваль. Вы всё сказали за меня. Считаю, что парк надо открыть для всех.

Судья. Да-да-да! Господин Часник, сколько времени с начала заседания?

Часник (*всё это время шепотом ведет счет*). Без семи четырех тысячи секунд!

Судья. А по механике?

Часник (*смотрит на механические часы на руке*). Четыре тысячи секунд ровно.

Судья. В соответствии с Кодексом защиты от агрессии, с Процессуальным и Нюансовым кодексом великой и нерушимой Изобилии, дело о краже Ковалем побегов, без

семи секунд четыре тысячи, объявляю закрытым. Вино-вен. Коваль, в силу доброты и лояльности судьи к вашему ремеслу, можете выбрать себе вариант казни.

Коваль (*берет лист бумаги и читает*). «Смерть в кожаном мешке», а что это?

Судья. Вам сегодня везет. Если бы мне пришлось, я бы тоже его выбрал. Вечером вас вместе с другими животными, со змеей, собакой, петухом и обезьяной зашьют в кожаный мешок, а его выбросят в море. Там в тесноте и духоте вы и раздерете друг друга. Заседание закрыто. Обжаловать приговор можно через три дня. Легкого плавания, Коваль.

Картина 2

Жизнь после казни

Слышен шум моря. Огромный кожаный мешок прибило к берегу неизвестного острова. Побережье покрыто голубой глиной. За прибрежной линией начинается дремучий лес, елки-палки, ни какой экзотики и пальм. Вдруг мешок начинает кувыркаться в разные стороны, из него раздается шипение, рычание, крики и хрипы, мешок несколько раз поднимается и падает набок, а затем развязывается. Из мешка выскакивает Коваль, весь помятый и в разорванной одежде.

Коваль. Ну и кто начал кусаться? Нормально ведь сидели, я даже засыпать начал. Собака, не ожидал от друга такой подлости!

Собака (*выскакивает из мешка*). Я тебе еще раз повторю, я не собака, а пес и зовут меня Шуршарик! Мне ребенок имя давал, он не смог выговорить Шарик, а Шуршарик смог. Вообще Коваль, я бы тебя никогда не укусил, если бы змея не щекоталась, аж до слез!

Змея. Да я и не думала, меня обезьяна рассмешила!

Обезьяна. А что смешного? Ничего смешного в кожаных мешках нет. Обезьяна взяла в руку палку и стала человеком! Почему же обезьяна, взяв в руку чужой кошелек, стала посмешищем? Зачем меня зашили в мешок, и бросили в море? Еще и с собакой?

Собака. Пес я! Пес, а не собака!

Коваль. Ну, это легко. Брать чужую собственность без спроса нельзя.

Обезьяна. Так я спросила (*Шепотом.*) «Чей кошелек?» (*В полный голос.*) Ничей? Значит, моё.

Шуршарик. Вот. Это не спросила, а присобачила, тебе еще повезло, могли и бока намять.

Обезьяна. Так мне и намяли. Нет, вы как хотите, а я больше чужие вещи не беру.

Шуршарик. Слушай, Коваль, это, конечно, не моё собачьё дело, но тебя-то за что в мешок зашили, ты ведь не животное?

Коваль. За то, что расцвел Анчар и засохли Козьи Тропы. *Звери смеются.*

Коваль. Не смешно. Я хотел сделать парк общим, как раньше. Думал, если вырву цветы жадности, то смогу добиться правды. Но один в поле не воин. Оказалось, что у них прочные корни, только руки в пыльце замарал.

Показывает синие руки, смешивает их с голубой глиной, и вытирает о мешок.

Змея. Да, Коваль, ну ты и наивный, кто же борется с жадностью таким глупым способом? Я бы на твоём месте вырыла цветы, подбросила их судьбе в палисадник, а у судьи бы взяла самое дорогое, что у неё есть!

Обезьяна. Кошелек?

Шуршарик. Мозговую косточку?

Коваль. Молоток?

Змея. Нет. Его выходной судейский парик, он им лысину прикрывает! Они бы начали ссориться, судиться друг с другом, тогда я бы и отравила их всех ядом.

Коваль. Ну и змея же ты, Змея!

Змея. Да, жаль только, что у меня нет рук, чтобы всё это проверить. А еще я не ядовитая, увы.

Шуршарик. За что же тогда в мешок? Ты же такая безрукая. Безъядная. Безобидная какая-то?

Змея. Я была медиком, выделяла яд для Изобилии. Вместе со мной было две молодых гадючки и старый удав. Каждый день меня злили, а к вечеру появлялся яд, пару капель, основа для лекарств. Каждый день я копила злость, думала, всё, не выдержу, но оставалась еще на неделю, а затем еще. Недавно мне стало всё равно, и яд перестал вырабатываться. Я стала спокойна, как тот старый удав, которого убрали чуть раньше.

Коваль. И за это в мешок? Они что, озверели?

Змея. Я спрашивала, давайте буду заниматься чем-нибудь другим? Я люблю детей, у меня даже погремушка есть (*Трясет хвостом-погремушкой*). Нет, ты должна давать яд. Раз ты змея, тебя нельзя подпускать к нашим детям, - так сказали вершители судеб. Потом вышел приказ, трудовой непрофессионализм, антиобщественное поведение, не соответствие социальному статусу, в общем, всех собак спустили, извини, пес. Я даже не заметила, как оказалась в суде. И вот я с вами.

Обезьяна. Змея, ты столько неизвестных слов сказала, я бы тебя тоже в мешок зашила, от ушей подальше.

Змея. А ты читай больше, чтобы голова не болела, и же-

лательно вслух, чтобы уши к словам привыкали.

Обезьяна. Ты еще скажи, чтобы я зубы чистила, я ведь обезьяна, а не человек.

Змея. А надо быть человеком, даже если ты обезьяна.

Коваль. Я из-за жадности, обезьяна за кражу, змея за какое-то там поведение, а пёс за что в мешок попал?

Шуршарик. Я был добрым щенком, но как только хозяин повесил на забор надпись «Осторожно, злая собака!», меня как будто подменили. Лаял с ночи до утра, кусал всех подряд, да что там, я даже рычал на свои любимые мозговые косточки. Хотел выслужиться. И один раз перепутал хозяина с почтальоном? От души так укусил, потому что почтальонов не люблю, от них пахнет плохими новостями. Хозяин долго кричал, а потом под суд отдал, а я ведь не злой вовсе, просто хотел быть ему хорошим другом. Но всё, теперь я не кусаюсь. Пройденный этап.

Коваль. Не кусаешься? А сам меня в мешке укусил!

Шуршарик. Да меня змея щекотала.

Змея. Из-за обезьяны.

Обезьяна. Вот опять. Человек произошел от обезьяны, пожар в террариуме произошел от обезьяны, кража бумажника произошла от обезьяны. Чуть что, сразу я. Я ма-кака, а не клоун!

Коваль. Подождите! На суде говорили, что в мешке будет пятеро. Где петух? Обезьяна?

Обезьяна. А что опять обезьяна? Петух тоже от обезьяны произошел? Лежало что-то под боком, но в мешке так псиной пахло, я думала, мы все одна большая собака.

Шуршарик. Пес. Мы все один большой пес! И ничего не пахнет. (*Нюхает воздух.*) Ну-ка тс-с! (*Замирает, приподнимает переднюю лапу*). Там.

Из мешка раздается размеренный храп, все тихонько, на цыпочках, подходят к мешку и вместе кричат.

Все. Ку-ка-ре-ку!!!

Петух. А? Кто спал? Я не спал. Ку-ка-ре-ку! (*Все смеются, петух кричит несколько раз.*) Не, ну, серьезно, ку-ка-ре-ку!

Коваль. Что же это ты, петух спишь, а?

Обезьяна. Все на ногах.

Змея. Солнце в зените.

Шуршарик. А ты храпишь, да еще и подкудахтываешь?

Петух. Да кому это нужно? Я больше не пою. Я теперь птица падшая!

Все. Да что случилось-то?

Петух. Горе в горло попало. Я будил хозяина, как часы, каждое утро ни свет, ни заря, - я уже на ногах. Заливаюсь, до хрипотцы. Разбудишь, а потом целый день слушаешь, какая ты плохая птица и спать-то ты не даешь. Надоело мне, решил, раз так, вообще тебя будить не буду. Лучше сам посплю. Суд да дело, и вот я здесь, и так и так не угодил. Не мешайте спать и не ругайтесь, среди нас змеи.

Змея. В смысле?

Петух. В смысле, дамы!

Коваль. Рано грустить петух, пой во все горло. Все живы, и никто никого не разодрал. Они просчитались. Теперь нам надо выжить, вернуться и доказать, что мы не верблюды.

Обезьяна. Я точно не верблюды. Нет, я чуть-чуть горблюсь, конечно, но у верблюда горб явно больше.

Змея. Обезьяна, это просто выражение. Тяжело что-то доказать, если тебе не верят.

Обезьяна. Люди такие странные. Верить надо друг дру-

гу, чтобы верблюды не мерещились.

Коваль. Предлагаю найти пищу, воду и построить жилище.

Все. Давайте.

Картина 3

Товарищество «Домострой»

Все собираются возле мешка.

Коваль. Я принес грибы и деревья для шалаша.

Шуршарик. А я - шишки и перепелиные яйца.

Обезьяна. Ягоды и немного хвороста для костра.

Все смотрят на змею.

Змея. А что вы так на меня смотрите? У меня рук нет. А где опять петух?

Из мешка снова слышен храп.

Все. Эй, петух, хватит спать, пора дом строить.

Петух. Я не сплю, а охраняю. А вдруг какие-нибудь животные, или ещё хуже звери, что тогда?

Змея. А почему лучший охранник это ты?

Петух. Я клююсь лучше всех! Меня за это даже хозяин уважал.

Обезьяна. Не поспоришь, я клююсь хуже, чем обезьяна.

Коваль. Давайте за сторожа у нас будет Шуршарик?

Шуршарик. Учтите, лаять буду сильно, но кусать, а тем более клевать я никого не собираюсь!

Петух. Ему нужен напарник, который лучше всех клюется.

Коваль. Пес и Петух, отвечают за охрану. Мы с обезьяной отвечаем за воду и дрова. А еще давайте помогать друг другу. Как будем дом строить?

Обезьяна. Зачем вообще строить? Будем ночевать на деревьях.

Шуршарик. И скажи еще, перемещаться на лианах.

Обезьяна. А что не так?

Змея. Как мы с псом туда залезем? Ладно, залезем – полбеды, как мы спускаться оттуда будем?

Обезьяна. А вы что предлагаете?

Петух. Нам нужно построить курятник, я могу подготовить чертежи, а Коваль все построит.

Коваль. Чертежи? Ты, наверное, чертишь как курица лапой.

Петух. Почему? Как Петух, да, не очень хорошо.

Шуршарик. А давайте мы скотим большую конуру, типа дом, только с одним большим входом, посадим Петуха на цепь, а на заднем дворе будем зарывать кости?

Петух. Меня на цепь?! Тогда тебя к обезьяне на дерево, еще и насест там сделать. Лучше курятника ничего нет, - духота, жара и сон здоровый.

Обезьяна. Ничего не сравнится с жизнью на деревьях. Небо под рукой! Шишки под рукой.

Шуршарик. И тонкие ветки под хвостом. Конура – самое безопасное жилище.

Обезьяна. Деревья с пышной кроной.

Петух. Курятник с насестом и петушиным тронем.

Шуршарик. Конура на пять персон.

Все кричат на разные голоса, спорят.

Коваль. Остановитесь. Змея не родит канат. Каждый из вас предлагает дом, удобный только для него. Пес не может ночевать на дереве, как и петух на цепи, а обезьяна на насесте. Надо строить дом, удобный для всех. Змея, есть идеи?

Змея. Я тоже не согласна с насестом. У нас есть дерево, ветки. Что еще?

Петух. Есть мешок.

Змея. Есть то, что нас объединяет. Набьем мешок глиной для плотности, а по бокам и на крыше выложим деревом и покроем все ветками, получится отличный шалаш с мешком посередине, и в нем я сделаю себе нору.

Обезьяна. А как же удобство для всех?

Змея. Хорошо, я сделаю нору тебе, обезьяна.

Коваль. Змея права, сделаем дом из того что есть. Потом уже сделаем насест, дерево и конуру, а мне мягкое кресло. Предлагаю быстрее всё сделать, и спать в хижине.

Все. За работу!

Картина 4

Логово Шакалов

Отец Шакал, Сын Шакал и Мать Шакал. Мать стоит возле плиты, сын за столом, отец рыскает по комнате, переворачивает корзины, сковородки, устраивает беспорядок.

Отец. Как хочется кого-нибудь съесть. У нас закончились припасы. Если я сейчас же никого не слопаю, то мой желудок сыграет на ребрах. И это будет печальная мелодия. А это что? Такое мягкое, пушистое, мясное (*Кусает себя за хвост*). Ой-ей-ей!

Сын. Мам, надоела эта худая зелень, эти тощие овощи. Приготовь что-нибудь из книги.

Мать. Ох, горе-горюшко. Книга, книжица, книжонка. Где же ты? Бабушкина книга всегда меня выручала - «Вкусная и здоровая пища для шакалов» - 500 рецептов, ингредиенты, вот этот нам, кажется, подходит. Возьмите кастрюлю.

Отец. Взял.

Сын. Взяли.

Мать. Ошпарьте овощи и зелень в горячей воде.

Сын (*вост*). Ошпарили.

Мать. Возьмите 300 грамм петуха.

Отец. Какого петуха?

Сын. А там не написано, где взять петуха?

Отец. А там написано, как выглядит петух?

Мать (*читая примечание из книги*). Петух – это птица, которая кричит: «Ку-ка-ре-ку»!

В это время издали раздаётся крик «Ку-ка-ре-ку»!

Отец. Это что петух? Как в сказке. А вдруг, там целое стадо петухов.

Сын. Сегодня наш счастливый день.

Отец. Ага, сегодня день рождения моего желудочка.

Мать. Я подготовлю стол, отец на разведку, а ты, сын, узнай, как выглядит петух.

Сын. А вдруг он большой, как гора?

Отец. Тогда я точно наемся!

Картина 5

Ночь

Шалаш обустроен, все изгнанники спят, только петух ходит возле шалаша, бдит и охраняет.

Петух. Да, хороший дом получился, красивый. Я даже рад, что в мешок угодил. Хозяин меня не любил, а тут столько друзей. Змея, какая умная! Не то, что эти курицы. *После слов Петуха из-за мешка пробивается зелёный стебель. Темнота. Ночь продолжается, на посту Шуршарик.*

Шуршарик. Подумать только, в первый раз я сторожу не только свою цепь, а целый остров. Я счастлив. Какая огромная луна. Как хочется выть. Но тогда я разбужу дру-

зей. Ой-ей-ей, какая большая! Нет, не могу, всё, сейчас завою.

Пес прикусывает лапу и тихонько поскуливает.

Росток из-за мешка вырастает на метр, появляются первые листочки. Темнота.

Возле шалаша Обезьяна, дремлет, опершись на палку. Сильно наклоняется и палка падает. Обезьяна просыпается, долго трет глаза. Патрулирует.

Обезьяна. Все-таки лучше спать на дереве, или хотя бы возле дерева. Можно, чтобы просто елочкой пахло. Хотя, и запах не важен, главное, чтобы рядом были друзья.

Стебель из мешка становится больше, из него прорастает бутон. Темнота.

На посту стоит змея, палка валяется рядом.

Змея. И Петух, и Обезьяна, и Шуршарик охраняют меня ночью, и я не переживаю. У них есть, чем меня защитить, а у меня ни рук, ни яда, ни боевого наряда. Если на нас нападут, что мне делать? Тогда я буду шипеть, и греметь погремушкой! (*Гремит.*) Если и не проснутся, то хоть, спать будут крепче.

Бутон раскрывается и превращается в огромный красивый цветок. Темнота.

В свете появляется Коваль.

Коваль. Мы могли погибнуть в мешке. Одному надежнее, никто тебя не предаст. Я не могу со своей жизнью справиться, все кувырком идет, а теперь еще и четвермя животными невзначай обзавелся. Но я ведь не могу их бросить, Пес преданный, Змея умная, Обезьяна веселая, а Петух бесстрашный. Я никогда их не предаю. Не предаю своих друзей.

В середине цветка вырастает огромный алмаз. Это на-

стоящий Цветок-жадина. Темнота.

Картина 6

После ночи

Утром в семье шакалов, Мать и сын сидят за пустым столом. Все кастрюли, корзины и сковородки валяются на полу перевернутые.

Сын. Мама, а как я появился?

Мать. Тебя аист принес.

Сын. И что потом?

Мать. Мы его съели, а тебя нет.

Врывается отец.

Отец. Всю ночь просидел возле их лагеря. Их там пятеро, они все – жуткие твари, одно – скользкое, без шерсти, другое мохнатое, а третье шипит и гремит, как твоя мать. В общем, каждое из них может оказаться петухом.

Сын. Про петуха, в книге больше ничего нет.

Мать. Тогда нападём на них ни свет ни заря, и заставим отдать наш завтрак.

Отец. Поспешим.

Сын. А можно взять мой пугач? Где вы?

Картина 7

Цветочная распря

Змея, Петух, Обезьяна, Коваль сидят на поляне возле дома, за спиной красуется огромный цветок, который они не замечают. Друзья завтракают вчерашними запасами.

Обезьяна. Наша дружба огромная, больше чем большой палец!

Пес. И крепче чем цепь, которую я охранял.

Коваль. Дружба – это наше единственное богатство.

Петух. Да, наша дружба прекраснее, чем цветок, который у нас за спиной.

Все. Какой цветок?

Змея. Это тот самый, не могу глаз оторвать.

Коваль. Цветок-Жадина! Не смотрите на него.

Обезьяна. Моя прелесть. Какой он красивый, какой он чудесный.

Пес. Главное, чей он, неужели мой?

Змея. Набить мешок глиной моя идея, я всю ночь грела его на груди, значит - мой.

Обезьяна. Я думаю, эту прелесть следует отдать самому пострадавшему, у неё отобрали кошелек, чуть не отобрали жизнь. Отдайте его обезьяне, это хоть как-то смягчит боль утраты. Если все согласны, то ей я передам.

Коваль. Вы что, не понимаете, цветок - это испытание, мы не можем ссориться из-за какого-то (*Засматривается на цветок*) прекрасного цветка. Поэтому на правах венца природы заберу его я. Человек!

Все. Это мой цветок! Отдайте! Не рычи на меня!

Пес рычит на Человека, Змея шипит на Петуха, Обезьяна орет на Пса, все сцепляются в клубок и кубарем катаются по поляне. Цветок закрывает свои лепестки и прячет алмаз. В это время на поляну выходят шакалы и окружают друзей.

Шакал отец. Ни с места!

Шакал Сын. Прекратить драку, а то кого-нибудь ударю!

Шакал Мать. Не хотели вам мешать, но нам очень нужна ваша помощь, скажите, кто из вас петух?

Шакал отец. А ну живо говорите, или мы вас будем мучить по одному, пока кто-нибудь не заорет по-петушино-

му.

Шакал сын. Я могу заорать!

Шакал отец. Я не тебе, я нашим жертвам говорю. Хватай эту безрукую веревку, начнем с неё.

Петух. Я не могу вами рисковать. Петух – это я!

Шакал отец. Вот хорошо, не люблю долгих выяснений. Петушок, полезай в мешок!

Коваль. Не слушайте его, это я петух.

Змея. Нет, я не безрукая веревка, я петух.

Пес (*подходя к Петуху*). Какой из него петух? У него клыков нет, хвоста нормального нет, да и на цепи он сидеть не хочет. Настоящий петух - это я!

Шакал отец (*достаёт пугач*). Хватит меня путать. Сейчас вы у меня закукарекаете. Отдавайте петуха!

Шакал Мать. Можете не всего!

Шакал Сын. Нам всего триста грамм надо.

Шакал отец. С вас триста грамм петуха и вы свободны.

Все. Делайте, что хотите! Мы друг за друга горой!

Цветок снова раскрывает бутон и показывается красивый камень. Слепит глаза.

Шакал отец. Ах, вы так!

Стреляет из пугача в воздух и попадает в цветок, алмаз с которого срывается ему на голову. Шакал отец теряет сознание, а мать и сын утаскивают его.

Шакал мать. Бежим. Мы еще вернемся!

Шакал сын. Мам, что нам опять кузнечиков есть?

Коваль. Смотрите, это не Цветок-Жадина, это цветок дружбы, а распускается он, когда видит добро. Мы теперь настоящие короли, у нас есть с чем вернуться назад. *Друзья обнимаются, с цветка сыплются разноцветные драгоценные камни.*

Картина 8 Фееричная

Помещение суда. Идёт слушание, Часник ведет счет времени, судья ведет заседание. В зале те же присяжные и господа.

Судья. Сегодня разбирается несколько простых дел. Не годяй, встаньте, остальные садитесь. Итак, Егор Рыба, вы обвиняетесь в воровстве и расхищении имущества, статья пять и шесть точка тридцать шесть (*После произношения статьи все встают.*), Кодекса Защиты от агрессии нашего замечательного и нерушимого государства

Все (*стоя, поднимают руки вверх с выпяченными пальцами*). Да здравствует Изобилия!

Судья. Так оно! Садитесь. У нас есть свидетели, да я лично видел, как вы торговали воздухом, прошлогодним снегом, а еще предлагали добрым и честным людям кусочки звезды, упавшей за гору.

Егор Рыба. Я продавал только то, что вы хотели приобрести! Я не виноват, что покупка перестала вас радовать.

Судья. Суд признал вас виновным, вы должны вернуть украденное и вновь заполнить опустевшую из-за вас казну. У нас не осталось ни монетки, где это видано?

Егор Рыба. Так и у меня нет. Я всё потратил. Зато есть отличная партия заграничного уксуса. (*Целует себе пальцы.*) Уксус сладкий, муа! Дешево. Купите?

Судья. А какой уксус?

Господин Нецветаев. Яблочный?

Госпожа Нецветаева. Мой любимый вкус!

В зал заседания входят Коваль и его друзья, у каждого за плечами по мешку.

Коваль. Господин судья.

Судья. Вы как сюда попали? Вон! Вас не должно быть. Вы казнены. Это какая-то ошибка. Это безобразие! Срочно писать новую статью. Как вас называть?

Коваль. Больше не надо никого судить (*Кладут на середину зала мешки.*), здесь столько драгоценных камней, что даже Часник не сможет их посчитать. Эти камни ваши, если вы выполните два условия.

Судья (*заглядывает в мешок, достает горсть камней и зачарованно рассматривает их*). Что вы хотите?

Коваль. Вы возвращаете парк людям и животным и оставляете нас в покое.

Судья. Господин Нецветаев, вы слышали? Вы видите? Парк снова переходит в государственные владения.

Господин Нецветаев. Но как же?

Судья. Никаких же. А вы, глупцы (*Берет еще больше камней.*), вы свободны, уходите, (*Смеется.*), гуляйте по своему парку.

Господин Нецветаев подходит к судье, глядя на камни в его руках.

Господин Нецветаев. Товарищ судья, раз парка у меня нет, разрешите я выберу из мешков все синенькие?

Судья. Пошел прочь, змея!

Господин Нецветаев. Ах ты, собака!

Госпожа Нецветаева. Петух в парике!

Судья. Уберите от меня эту обезьяну!

Забирают друг у друга камни, затем убегают с мешками друг за другом.

Змея. Думаю, они не скоро поделят это богатство.

Коваль. Без дружбы они никогда его не поделят!

Конец

Песня «**Волшебный мир театра кукол стран BRICS**» возникла спонтано, когда в один из дней фестиваля группа Гильдии драматургов России отправилась на экскурсию в Сулакское ущелье...

Прекрасный солнечный и благодатный край,
Мы вновь листаем книгу радостных страниц,
Махачкала встречает фестиваль,
Театров кукол из семейства БРИКС.

В путь нас волшебный зовут,
Смеха полны и затей,
Куклы на сцене живут,
Куклы играют в людей.

Вот к морю с гор спустился сказок караван,
И зал кипит от смеха и страстей,
А куклы разных городов и стран,
Вновь веселят и радуют детей.

Плывут вперёд спектаклей корабли,
Мы все как дети смотрим в этот мир,
Что привезли артисты всей земли!
Для глаз и для души чудесный пир!

В путь нас волшебный зовут,
Смеха полны и затей,
Куклы на сцене живут,
Куклы играют в людей.

Стихи **Олега Луценко**

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Вы можете получить от нашего практика-эксперта профессиональную рецензию, квалифицированную консультацию о своем драматургическом произведении. Наши театральные публицисты-критики, драматурги, имеющие ни одну постановку в профессиональных театрах России и за рубежом вместе с вами доведут вашу пьесу до завершения, помогут подготовить текст пьесы для постановки спектакля на профессиональной сцене, для участия в любом творческом конкурсе. Заявки просим отправлять на официальный электронный адрес Гильдии: info@gprussian.ru указав фамилию выбранного Вами эксперта. *Услуга предполагает оплату, в зависимости от её объема и вида.* С каждым желающим воспользоваться предоставленными услугами официально заключается типовая договор. Эксперта Вы можете выбрать на нашем сайте, на странице «Члены Гильдии драматургов».

Память бывает разная. Монументальная, личная, записанная на определенных носителях или передавая из уст в уста. Именно сохранение памяти стало отправной точкой нового проекта Гильдии драматургов, который был организован и проведен совместно с Туапсинским театром юного зрителя. В театре прошла драматургическая лаборатория-семинар историко-патриотических пьес «С любовью к Отчизне». Предварял лабораторию конкурс, на который были присланы творческие работы более, чем из 15 городов и регионов России. В финальную часть лаборатории жюри отобрало шесть пьес.

Лаборатория проходила в рамках 80-летия со дня начала Великой Отечественной войны. Коллектив Туапсинского театра юного зрителя отнесся к проведению лаборатории не только ответственно, но и максимально творчески. Объявленные читки пьес-финалистов лаборатории превратились в полноценные показы эскизов спектаклей. Режиссером всех чтков

выступила художественный руководитель театра **Ольга Веровчук**.

В финальный список участников лаборатории вошли пьесы «До войны мы жили в Ленинграде» **Елены Радченко** (Санкт-Петербург), «Звездочка» **Ольги Манько** (Севастополь), «Семь нарядов Маркизы» **Сергея Саваренского** (Санкт-Петербург), «У каждого свой июнь» **Елены Юсуповой** (Пенза), «Голуби над Доном» **Валерия Велария** (Москва), «Война и жизнь» **Ирины Павлычевой** (Санкт-Петербург). На открытии лаборатории начальник отдела культуры Туапсе Оксана Швалева и директор театра Светлана Позолотина отметили особую значимость данного проекта для города и театра. Именно перед Туапсе в 1942 году споткнулись фашистские войска, успешно захватившие все советское побережье Черноморского флота. Именно с Туапсе началось освобождение Кубани и Черноморского побережья Кавказа.

Каждая читка завершалась обсуждением, в котором принимали участие творческий состав театра, зрители, представители СМИ, драматурги, приехавшие на лабораторию.

Первый секретарь
Гильдии драматургов России,
куратор конкурса
«С любовью к Отчизне»
Наталья Шор

*Предлагаем вашему вниманию пьесу одного из финалистов конкурса **Ирины Павлычевой***

Павлычева

Ирина Николаевна –

лингвист, литературовед, драматург, прозаик, переводчик, член Союза писателей и Гильдии драматургов Санкт-Петербурга и Гильдии драматургов России. Автор трёх романов и более

25 пьес, которые шли и идут от Санкт-Петербурга до Южно-Сахалинска.

Ирина Павлычева

ВОЙНА И ЖИЗНЬ

(картины военной жизни)

Посвящается памяти моих родителей

Действие начинается в Ленинграде незадолго до прорыва Блокады, движется на Запад с линией фронта, заканчивается во Львове, где герои встречают Победу.

Действующие лица

Литвин Николай Тимофеевич – майор медицинской службы, около 30 лет

Маша – его младшая сестра, лет 19-20

Груздев Константин Сергеевич – майор медицинской службы, однокурсник Литвина.

Бакунина Татьяна Александровна – 21 год, капитан медицинской службы

Вера Алексеевна – её мать, примерно, 50-55 лет

Николаев – капитан медицинской службы

Любовь Васильевна – старшая медсестра Санитары, медсёстры, гости на свадьбе

Картина первая

Великая Отечественная Война, блокадный Ленинград. Берг Ладожского озера у Дороги жизни. Ощущение напряжения, опасности, тревоги. Звуки сирены, разрывающихся вдали снарядов. На авансцене девушка, укутанная до носа. Она озирается по сторонам, явно кого-то нетерпеливо ожидая. Наконец, к ней подбегают молодой офицер.

Маша. Коля! Я думала, не вырвешься!

Литвин (обнимая сестру). С великим трудом. Вот (Вкладывает ей что-то в руку.) тебе на дорогу. Как по заказу сегодня в пайке такое чудо!

Маша. Что это?

Литвин. Не узнаёшь?

Маша. Не верю своим глазам!

Литвин. Дело идёт! Наша или союзническая, не знаю. Скоро блокаду прорвут и снимут.

Маша. Кусочек настоящего шоколада?

Литвин. Говорю – чудо! Как раз сегодня, мой прощальный подарок тебе в дорогу.

Маша (*тревожно*). Почему прощальный?

Литвин. Ты уезжаешь, я остаюсь.

Маша. В войну лучше не говорить «прощальный» – пугает.

Литвин. В дорогу, я сразу сказал, в дорогу.

Маша. Откуси половинку!

Литвин. Нет, тебе, тебе! Нам ещё выдадут...

Маша. Как знать. Откуси!

Литвин. Ни за что! Кусочек и так крошечный.

Маша торопливо кладёт в рот кусочек шоколада, жадно жуёт.

Литвин. Я думал, ты на дорогу оставишь!

Маша. Лёд безжалостно бомбят! Вдруг под бомбёжку попаду, а шоколадку не съела! Умереть, не съев шоколадку?! Что может быть ужаснее!

Литвин не слушает, он смотрит куда-то вдаль, захвачен увиденным так, что больше ничего не воспринимает.

Маша (*продолжает, смакуя шоколадку*). От одной такой мысли мне плохо, умереть можно. Вот съем и будь, что будет! (*Замечает, что брат не реагирует.*) Коля, ты что?

Литвин. Какая девушка!

Маша. Что?

Литвин. Вон женщину к машине ведёт, полуживую, и сама в чём душа!

Маша. Весь Ленинград – в чём душа, полгорода уже Богу души отдали.

Литвин. Едва жива, а как красива.

Маша. Коля, Коля, ты меня пугаешь. Тут все замотаны под нос. Какая красота?

Литвин. Глаза!

Маша. Да где? Коля, Коля, очнись! У тебя бред? От голода! А я, гадина, шоколад съела! Уезжаю на большую землю (*плачет*) и объела брата, который остаётся в блокаде! Прости меня!

Литвин. Забрались в грузовик...

Маша. Коля! Прости меня!

Литвин. Маша! О чём ты? Отъезжают!

Маша. Коля прости! Я себя не помнила, как в рот её положила!

Литвин (*стряхивая очарование*). Никогда больше её не увижу! Да, Машенька, держись, добирайся до наших, целуй маму, Тасеньку! Извини, должен бежать, меня только на минуту отпустили! Не смогу тебя посадить!

Маша. Беги, беги! До свиданья!

Обнимаются, крепко, как в последний раз, не хотят расцеплять объятия.

Маша. Может, мне не уезжать?

Литвин. Что ты, что ты! Такое счастье, что ты вырываешься из здешнего ада!

Маша. Сам говоришь, скоро прорвут.

Литвин. Прорвут, но до этого дожить надо. Голод, артобстрелы, бомбёжки! И думать нечего!

Маша. Ты же остаешься!

Литвин. Я – офицер, солдат, врач. Мне пора, и ты давай, вперёд, свой грузовик пропустишь!

С трудом расцепляют объятия.

Литвин (*отбегая*). Маму, маму поцелуй, сестру.

Маша (*плача и двигаясь в другую сторону*) Коля,

только не умирай! Только не погибни! Брат! Ты у нас один!

Литвин скрывается из вида. Маша смотрит ему вслед. Плачет. Скрывается в другой кулисе.

Картина вторая

Фронт. Кабинет. Вдали слышны звуки войны. За письменным столом молодой офицер медицинской службы. В нём трудно узнать измождённого Колю, которого мы видели в первой картине. Быстро сосредоточено, деловито пишет.

Литвин (*громко в сторону дверей*). Приглашай, кто там следующий на распределение!

Входит юная очень красивая девушка в форме капитана медицинской службы.

Татьяна Александровна. Капитан Бакунина прибыла для распределения на место службы.

Литвин (*не поднимая головы*). Так, капитан Бакунина, вы направляетесь в медсанбат номер (*Отрывает глаза от бумаг, поднимает взгляд, замирает, как на Ладожском озере, умолкает. Пауза затягивается. Татьяна Александровна терпеливо ждёт, потом, не найдя ничего лучшего, покашливает. Литвин немного опомнившись, неуверенным голосом.*) Прошу садиться.

Татьяна Александровна садится на указанный ей стул. Снова затягивается пауза. Такое впечатление, что Литвин забыл, где он, зачем, безотрывно, как замороженный, смотрит на Бакунину.) Думал, никогда вас больше не увижу.

Татьяна вздрагивает от неожиданного заявления.

Татьяна Александровна. Товарищ майор, капитан

медицинской службы Бакунина прибыла для несения службы.

Литвин. Такого не бывает! Не может быть!

Татьяна Александровна. Простите, не поняла вас.

Литвин. Мне мерещится?

Татьяна Александровна (*в крайнем затруднении*). Не могу знать.

Литвин. Отставить! Вольно! То есть, я хочу сказать, попросить... Это неформальная беседа... Берег Ладожского озера, Дорога Жизни, примерно, два с половиной, три месяца, назад, чуть больше... Вы с пожилой женщиной, обе дистрофики садитесь в грузовик, эвакуируетесь из блокадного Ленинграда? (*Теперь недоуменную паузу держит Татьяна.*) Я угадал, я прав?

Татьяна Александровна. Мы с мамой, действительно, эвакуировались из Ленинграда, примерно, в то время, но в моем деле не указано. Вы меня с кем-то путаете!

Литвин. Ваши глаза нельзя спутать ни с чьими другими!

Татьяна Александровна. Простите, товарищ майор, уверена, мы не знакомы, раньше никогда не виделись.

Литвин. Вы меня не видели, правда, я вас видел и прекрасно помню. Но такого не бывает!

Татьяна Александровна. Товарищ майор, у меня впечатление, что вы заработались. Сколько ночей подряд вы не спали?

Литвин. Прошу вас, не включайте доктора. Я не имел возможности спать несколько ночей, но я в здравом уме и твёрдой памяти. И отнеситесь совершенно серьёзно к тому, что я вам скажу. Обещаете?

Татьяна Александровна. Как иначе? Я прибыла на

фронт для несения службы, как я могу несерьёзно относиться к заявлениям старшего по званию.

Литвин (*заглядывает в бумаги*). Татьяна... «И так её зовут Татьяна!» Александровна... Напоминаю, у нас неформальная беседа.

Татьяна Александровна. Ясно, не примите за упрёк, но за дверями ждут своего назначения ещё несколько человек.... Мы долго в тяжёлой дороге, устали, потрясены случившимся. Всем хочется определиться поскорее...

Литвин. Понимаю, Татьяна Александровна, но поверьте мне, скорее всего, это их последняя возможность на долгие месяцы вперёд спокойно посидеть, к тому же, в относительной безопасности. Когда они прибудут на место службы, им предстоит оперировать, не покладая рук, присесть на пять-десять минут станет для них роскошью, как впрочем, и для вас. Вы упомянули о потрясении? Вы о чём?

Татьяна Александровна. В нашем эшелоне было, примерно, сорок-пятьдесят врачей.

Литвин. Мы ожидали сорок шесть.

Татьяна Александровна. Значит, сорок шесть. А машину прислали только одну. Мы так завидовали тем, кто попал в первую партию!

Литвин. Да-да!

Видно, что он понял, о чём говорит Бакунина.

Татьяна Александровна. Когда и за нами пришла машина, мы узнали, что первая угодила под обстрел, снаряд ударил прямым попаданием... Мы проезжали мимо. Там даже останков практически нет!

Литвин. Трагедия, трагедия во всех отношениях!

Татьяна Александровна. Им было от двадцати до тридцати лет. Большинство только выпустились.

Литвин. Страшное горе, трагедия. Мне доложили. Трагедия и кошмар! Продолжится катастрофическая нехватка врачей!

Татьяна Александровна. Неужели столько врачей требуется?

Литвин. Идут тяжелейшие бои! Мне нужно распределить врачей по всей линии нашего фронта и в медсанбаты, и в госпитали, и, желательно, в санитарные пункты на передовой. Вы же понимаете, что часто всё зависит от того, как оказана первая помощь. Много врачей погибает, не говоря о том, что при малейшей возможности фашисты нагло бомбят госпитали.

Татьяна Александровна. Слышала.

Литвин. А тут двадцать пять человек убито ещё в пути!

Татьяна Александровна. Ужас!

Литвин. Согласен! Очень тяжело! (*Небольшая пауза. Литвин снова заглядывает в документы.*) У меня возник вопрос. Вам 21 год?

Татьяна Александровна. Скоро 22.

Литвин. У вас диплом Ленинградского медицинского института о законченном высшем образовании?

Татьяна Александровна. Так точно.

Литвин. Извините, каким образом?

Татьяна Александровна. За год – курс двух лет.

Литвин. В блокаду? В голод и сорокаградусный мороз? Вы – герой!

Татьяна Александровна. Не я одна – весь наш курс. Кроме тех, кто эвакуировался, умер или... бросил учёбу.

Литвин. На 120 граммах хлеба?

Татьяна Александровна. Как все.

Литвин. Татьяна Александровна! Выходите за меня!

Татьяна Александровна. Что, простите?

Литвин. Я давно вас знаю, давно люблю вас! Станьте моей женой!

Татьяна Александровна. Но...

Литвин. Я не хочу вас снова потерять!

Татьяна Александровна. Я... я... не понимаю! Вы о чём, товарищ майор?

Литвин. Стоп, стоп, так ведь напугать можно!

Татьяна Александровна. Признаюсь, вам удалось...

Литвин. Извините. Так. Для начала, начнём сначала. Позвольте представиться! *(Встаёт.)* Литвин Николай Тимофеевич. Должность и звание вам известны.

Татьяна Александровна *(в некотором недоумении).* Очень приятно. А вам всё про меня известно мои бумаги у вас на столе, товарищ майор.

Литвин. Если вам не трудно, не могли бы вы в неофициальной беседе называть меня по имени и отчеству.

Татьяна Александровна. Попытаюсь.

Литвин. Татьяна Александровна, прошу простить мою импульсивность. До того как я впервые увидел вас...

Татьяна Александровна. Но...

Литвин *(перебивая).* Поверьте, я видел именно вас на берегу Ладоги. Да, я бы и вообразить не мог, что такое возможно... Вы чуткий и тонкий человек, вы поняли, вижу по глазам.

Татьяна Александровна. Вы достаточно спите?

Литвин. Кто на фронте высыпается! Но вы же поняли меня...

Татьяна Александровна. Могут быть бредовые состоя-

ния...

Литвин. Опять меня винят в бредовом состоянии. Да! Каждый раз, видя вас, я теряю голову и как в бреду!

Татьяна Александровна. Это до добра не доведёт, Николай Тимофеевич!

Литвин. А я буду надеяться, что доведёт. Простите, простите, я так глупо повёл себя!

Татьяна Александровна. Вам бы отдохнуть, Николай Тимофеевич!

Литвин. Я бы готов выполнить ваше предписание, доктор, но ничего не получится. Линия фронта постоянно продвигается, к нашей радости, наступаем. К ночи закончу распределение – и на передовую. Надо перемещать санитарные пункты, медсанбаты, искать помещения для продвижения госпиталей.

Татьяна Александровна. Но...

Литвин. Очень прошу вас, поверьте, это не бред. Разговор получается несуразный! Виноват! Вынужден просить вас временно выбросить из головы всё лишнее, что я наговорил.

Татьяна Александровна. Попытаюсь.

Литвин. Хорошо, Татьяна Александровна, вы направляетесь в госпиталь №3. Вам помогут туда добраться. Можете идти!

Татьяна Александровна. Есть.

Литвин. Пригласите следующего. До свидания!

Татьяна Александровна. Есть.

Выходит.

Картина третья

Операционная. Татьяна Александровна в хирургическом халате, маске, перчатках. Отходит от операционного

стола, сдергивает маску, быстро снимает перчатки, халат.

Татьяна Александровна. Можно уносить. Готовьте следующего!

Садится к столу, роняет голову на руки, мгновенно засыпает. Раненого уносят. Входит сестричка с кружкой чая.

Медсестра. Татьяна Александровна, выпейте чая, крепкий.

Санитар. Не трогай доктора. Глядишь, минут пять-десять сна перехватит, пока следующего принесём.

Медсестра. А чай?

Санитар. Новенькая, что ли!? Чай пока подостынет, она его за секунду залпом проглотит! Тихо! Пойдём, со следующим раненым поможешь.

Татьяна Александровна продолжает беспробудно спать. Приносят следующего раненого.

Медсестра (подходя). Татьяна Александровна, раненый на операционном столе. Татьяна Александровна! Выпейте чая.

Татьяна Александровна (поднимает голову, быстро пьёт чай, встает). Что там у нас? (Заглядывает в бумаги, что держит перед ней сестра.) Ампутация! Двадцать лет. Когда кончится этот кошмар?! (Моем руки, ей подаю халат, надевают перчатки.)

Санитар. Может, ещё спасёте ногу, не раз у вас получалось.

Татьяна Александровна. Будем надеяться! Наркоз!

Картина четвёртая

Госпиталь. Видно два помещения. В первом за столиком хлопочет медсестра, во втором на кушетке кто-то

спит. Входит майор Литвин с букетом цветов.

Медсестра. Здравия желаю, товарищ майор!

Литвин. Вольно.

Медсестра. Есть. Будут какие-нибудь приказания?

Литвин. Нет. Татьяна Александровна сменилась?

Медсестра. Да.

Литвин. Ушла?

Медсестра. Какой там! Вышла из операционной и упала замертво!

Литвин. Как? Что? Жива?

Медсестра. Едва-едва. Еле в чувства привели! Глубокий обморок! Почти двое суток без сна и еды за операционным столом! Вам известно, какие сражения идут!

Литвин. Страшное дело! Зато, какие победы!

Медсестра. Сами-то как?

Литвин. И передислокация, и на передовой, и по госпиталям... Но усталости не чувствую. Наступаем! Вот на обратном пути цветов раздобыл. Хотел вручить Татьяне Александровне.

Медсестра. Когда конец?!

Литвин. Где она?

Медсестра. В ординаторскую отнесли. Там и спит. Не тревожьте!

Литвин. Я на минуту, цветы оставляю.

Входит в соседнее помещение. Пытается пристроить цветы так, чтобы проснувшись, Татьяна Александровна сразу увидела.

Татьяна Александровна (чуть потревоженная, вскидывается). Следующего принесли?

Литвин. Цветы принесли, Танечка, спи, спи!

Татьяна Александровна. Цветы? Откуда?

Литвин. Мы на юге. Спи. Или, может, тебя в твою комнату подбросить, я на машине.

Татьяна Александровна. А я где?

Литвин. В ординаторской! Подвезти?

Татьяна Александровна. Не хочу терять ни минуты. Буду спать до следующего дежурства (*Полусонным голосом, немного замедленно.*) Такая была тяжёлая операция! На открытом мозге! Множество мелких осколков. Надо удалить! Мозг бьётся неровно. Необходимо все удалить пинцетом. Страшно!

Литвин. И глубокий обморок! Перенервничала!

Татьяна Александровна. Удалось!

Литвин. Молодец! Теперь спи. Не стану драгоценное время похищать.

Выходит в помещение, где продолжает работать медсестра.

Медсестра. Разбудили-таки?

Литвин. На пару минут.

Медсестра. Вам бы и самому отдохнуть!

Литвин. Верите ли, Любовь Васильевна, не чувствую усталости! Вот когда отступали... Я тогда на Ленинградском фронте служил. Сентябрь кольцо блокады сомкнулось. Пайки уменьшились до предела. Заголодали. Теряю связь с одним медсанбатом, что под моим началом. По сводкам немцы ближе, чем тот медсанбат. Что делать? Подвезли к границе города, дальше бегу пешком по компасу и карте, лесом, а по шоссе, вижу, фашисты, весёлые, здоровые, сытые шагают в сторону города. Вот когда ноги-то от изнеможения подкашивались! Видеть, как без боя враг на твой

родной город идёт! Ноги отказывали не от голода, не от страха, а от бессильного негодования, что ли! Ненависти, возмущения, неприятия, не знаю, как назвать эти чувства!

Медсестра. А с медсанбатом-то что?

Литвин. Добежал. Вижу – снялись! Короче, немного не дождался их в штабе. А сейчас, когда победа наметилась – всё нипочем!

Вбегает Маша.

Маша (*бросаясь на шею брату*). Коля! Вот я тебя и нашла!

Литвин. Маша!?!

Маша (*отпуская брата, отходит на шаг*). Здравия желаю, товарищ майор!

Литвин. Маша! Что случилось? Как мама, как Тасенька?! Как ты здесь? Откуда?

Маша. Всё в порядке!

Медсестра. Простите, вы Татьяну Александровну не разбудите?!

Литвин (*медсестре*). Моя сестра приехала!

Медсестра. Я уж испугалась, что (*Запинается.*)... Татьяну Александровну потревожите.

Литвин (*Маше*). Тише! Маша! Я же писал, чтобы ты выбросила глупости из головы, оставалась с мамой и сестрой! Ты там и им, и Победе больше нужна. У тебя нет медицинского образования!

Маша. Ошибаешься, братец, я без отрыва от производства окончила курсы медсестёр!

Литвин. Какие медсёстры на таких курсах получают?! В лучшем случае санитарки! Я тебя в операционную не поставлю! Максимум, что ты могла бы, раненых

с поля боя вытаскивать!

Маша. Я готова!

Литвин. Готова она! Случайно не помнишь, какого ты роста? Метр пятьдесят!

Маша. Метр пятьдесят пять, даже шесть!

Литвин. Даже шесть! Ты ещё после блокады не восстановилась! Мышечной массы не набрала! Кого ты с поля боя вытащить сумеешь? И раненого погубишь, и сама погибнешь!

Маша. А что? Санитарки только на поле боя нужны?

Литвин. Разумеется, там нужнее всего! Обратно тебя отправить!

Маша. Не уеду! Пожалуйста, Коленька! Хочу помогать!

Литвин (медсестре). Ты на неё посмотри!

Маша. Коля!

Литвин. Упрямая и неуправляемая! (*Маше.*) Как ты до меня-то добралась?

Маша. Всякими правдами и неправдами, больше неправдами, если честно!

Литвин. Как наши, ты мне так и не ответила!

Маша. Да всё хорошо, здоровы.

Литвин. И ты их бросила! Нет! Поедешь с ранеными в тыл, на днях будем отправлять партию на долечивание. Вот по дороге и будешь применять свои медицинские навыки!

Маша. Коля! Умоляю! Хочу на фронте!

Литвин (медсестре). Нет, вы её видели! Она будет тут свои хотелки разводить!

Медсестра (кратко). Нам бы санитарка не помешала!

Маша. Слыхал! Коля, умоляю! Хочу с тобой...

Литвин (резко прерывает). Так! Если я хоть раз здесь

услышу твоё «хочу» или «не хочу»! Коли Любовь Васильевна просит. Она – старшая медсестра...

Маша (снова бросается на шею брату). Коля!

Литвин. И на шею мне с сей минуты не бросаться и «Колей» не называть.

Маша. Есть, товарищ майор!

Литвин. Любовь Васильевна, тогда вольнонаёмная Литвина Мария Тимофеевна поступает в ваше распоряжение. Я оформлю документы, но она пусть приступает сразу.

Медсестра. Слушаюсь, разрешите идти? Мне...

Литвин. Идите. Литвину я отправлю следом через пять минут.

Медсестра. Есть. \

Уходит.

Литвин. Тут и Танечка работает.

Маша. Какая Танечка?

Литвин. Та, которую я на Ладожском озере увидел, помнишь? Она определяться ко мне в кабинет пришла.

Маша. Такого не бывает!

Литвин. Не бывает, но случилось! Значит, судьба! Хочу на ней жениться поскорее.

Маша. А она?

Литвин. Думает.

Маша. Задумаешься тут, ты же сумасшедший, навоображал себе в голодном бреду!

Литвин. Ничего подобного!

Маша. Умалишённых не расписывают!

Литвин. Ах, ты дразниться! Сейчас домой!

Маша. Шучу, но так, и вправду, не бывает!

Литвин. Говорят, снаряд в одну воронку не попада-

ет. Однако попадает и не раз. Ладно, иди по коридору направо, там спросишь Любовь Васильевну. И учти, ни одного промаха не спущу.

Маша. Ко... Извините! Есть, товарищ майор!

Литвин. Исполняйте!

Картина пятая

Кабинет Литвина. Он снова принимает вновь поступивших врачей. Стучится и входит адъютант.

Адъютант. Товарищ подполковник, там прибыл ваш новый зам. майор Груздев! Пропустить?

Литвин. Наконец-то! Груздев, говоришь? Интересно! Немедленно зови!

Груздев. Разрешите войти?

Литвин. Входите.

Груздев. Коля! Я так и думал!

Литвин (*бросается навстречу вошедшему*). Костя!

Горячо обнимаются.

Груздев. Меня к тебе замом назначили!

Литвин. Неужели случайно?

Груздев. Ну, нет! Наш госпиталь в тылу оказался. Решили его не перебрасывать, свозить туда на долечивание выздоравливающих. С этим и гражданские врачи справятся. А военных соответственно поближе к военным действиям на усиление. Был выбор, случайно твою фамилию увидел...

Литвин. Теперь горы свернём!

Груздев. А что твой предыдущий не тянул?

Литвин. Геройски тянул и геройский погиб. Он был знающий специалист, грамотный, инициативный. Не даром говорят, война уносит лучших! Пока поджидал

замену, пришлось взять временно исполняющим из гражданских. Хирург и человек он выше всех похвал, но в организации здравоохранения в военное время совсем не тянет, всё приходилось разъяснять, проще самому сделать! А самому не разорваться!

Груздев. Дело ясное!

Литвин. Помнишь, как нам этот предмет читали?

Груздев. А как спрашивали!

Литвин. И пригодились! Я сейчас вновь прибывших распределяю, посиди со мной, кажется, последний остался, а потом мы разбросаем обязанности и участки, сразу говорю, держись, прохлаждаться не придётся.

Груздев. Обижаешь, товарищ подполковник, думаешь, я на предыдущем месте службы прохлаждался?

Литвин. Нет, конечно! Я так! Зову, и все обговорим (*В сторону двери.*) Зовите!

Николаев. Разрешите войти?

Литвин (*кивает, глядя в бумаги*). Капитан Николаев? Возвращаетесь в строй? После ранения? Как себя чувствуете?

Николаев. Могу работать. Ранение было не самое тяжёлое.

Литвин. Я бы так не сказал. После такого ранения вам бы в тыловом госпитале трудиться. Глядишь, и сами бы ещё подлечились и были поближе к родным...

Врач. Я сам попросился во фронтовой. Потяну! А родных у меня не осталось.

Литвин. Сочувствую! Нам, разумеется, каждый доктор дорог, но...

Врач. Потяну!

Литвин. Рад слышать. Вас я направлю в первый госпи-

таль. Да, вот познакомьтесь, это мой заместитель, майор Груздев Константин Сергеевич. Вам предстоит быть в основном под его началом. Можете идти. Вас введут в курс дела на месте.

Николаев. Есть.

Литвин (*Груздеву*). Судя по бумагам прекрасный хирург. Но после такого ранения... Ты с ним побережнее, если получится. Давай теперь к нашим делам. (*Всторону двери*.) Ко мне никого не впускать. Так, как ты уже понял, под твоим началом будет первый госпиталь...

Стучится и входит адъютант.

Адъютант. Разрешите, товарищ подполковник?

Литвин. Да! В чём дело?

Адъютант. Там просилась к вам на приём санитарка Литвина. Я, как было приказано, её отправил, но всё же решил доложить...

Груздев. Не твоя ли сестра?

Литвин (*после короткого раздумья, адъютанту*). Догоните её, пусть войдёт на минуту. (*Груздеву*.) Маша здесь, представляешь? Долгая история...

Груздев. Задорная девчонка. Нравилась она мне.

Литвин. Совсем взрослая теперь, а характер ещё хуже стал, сейчас увидишь.

Влетает Маша, говорит сразу от дверей.

Маша. Коля, товарищ подполковник, так нельзя! Врачи задыхаются, да и весь медперсонал! Куда ты смотришь?!

Литвин (*Груздеву*). Видал?

Груздев. Маша!

Маша. Костя?

Бросаются друг к другу, обнимаются, как родные.

Литвин. Отставить телячьи нежности.

Маша и Костя, опомнившись, отскакивают друг от друга.

Литвин. Я тебя, Маша, впустил, только с Костей поздороваться. Теперь он для тебя товарищ майор. А свои наставления оставь при себе. Мне и без них тошно. Наизнанку выворачиваюсь. Тяжелораненых беру в строй, когда их на долечивание отправлять следует! Всё повидались, свободна! И больше ко мне с истериками не прибегать! Или тебе на месте дел не хватает? Кругом, марш!

Маша с досадой подчиняется. Нарочито чеканя шаг, выходит.

Груздев. Жёстко!

Литвин. С ней по-другому нельзя. Она не обижается. Знает, что её на эмоциях заносит. А у нас с тобой, и правда, дел невпроворот. Пойдём, сделаем объезд-обход. Введу тебя в курс.

Груздев. Есть товарищ подполковник.

Картина шестая

Госпиталь. Маша быстро деловито и сосредоточенно собирает медикаменты и перевязочные материалы. Вбегает возбуждённый Литвин, бросается к Маше, вытаскивает её из-за стола, заключает в объятия и кружит.

Литвин. Маша, Маша! Она согласилась!

Маша. Таки, и её свёл с ума, бедную!

Литвин. Тебе не стыдно! Даже не радуешься за брата?!

Маша. За тебя-то я рада, а за Танечку переживаю!

Литвин. По-твоему, я плохим мужем буду?

Маша. Просто никто не знает, сколько ты ей мужем

пробудешь. Ты большую часть времени на передовой!

Литвин. Тьфу, на тебя!

Маша. Она может забеременеть!

Литвин. Я бы очень хотел!

Маша. Умалишённых не расписывают, рано радуешься!

Литвин. Ты – бесстыжая, притом, недальновидная! Во-первых, если она забеременеет, её со временем отправят в тыл. Уже лучше. А там, глядишь, и война кончится.

Маша. А если не кончится?

Литвин. Видно будет! Потом, даже если меня убьют, вам обо мне память останется – ребёнок!

Маша. Если мы уцелеем! Ты безнадежен! Когда событие?

Литвин. Как войдём в ближайший город, где могут зарегистрировать! Ты – свидетельница. Танюша сама захотела!

Маша. Приятно, спасибо!

Литвин. А Костя – моим свидетелем. Побегал!

Маша. Беги, и меня раненые ждут!

Картина седьмая

Небольшое помещение в госпитале. За импровизированным праздничным столом собрались почти все, кого мы видели в предыдущих картинах, кроме Груздева и Николаева. Во главе сидят Татьяна Александровна и Николай Тимофеевич – жених и невеста. Все в военной форме. Молодожёнов отличают лишь белые цветы в причёске Татьяны и петлице Николая. На столе немного каких-то овощей, консервы, хлеб, алюминиевые кружки и бутылки французского шампанского. Свадьба. Все в приподнятом настроении.

Первый гость (*встаёт*). Позвольте наполнить бокалы? (*Берётся за бутылку.*) Шампанское-то какое! Настоящее французское!

Второй гость. Трофейное!

Третий гость. Сколько же они его запасли! Свои победы, небось, праздновать!

Первый гость. А пригодилось нам! Не только победы, но и свадьбы отмечать!

Пробка летит в потолок.

Второй гость. Я поднимаю эту алюминиевую кружку с изысканным шампанским за столь же, а скорее, и более изысканных молодожёнов! Не буду про них рассказывать. Все здесь прекрасно знают. Только пожелаю им и всем нам быть живыми-здоровыми, целыми и невредимыми, а уж счастье и другие блага приложатся! Ура молодожёнам!

Гости подхватывают «ура!»

Первый гость. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. И в большом, и в малом! Встретились наши новобрачные на войне, на фронте! А празднуем мы их свадьбу французским шампанским! Случилось бы всё это в мирное время? За жениха и невесту! Горько!

Общее оживление. Новобрачные целуются.

Маша. Что касается шампанского и прочих трофейных деликатесов, я бы без них всю жизнь бы прожила, лишь бы войны не было! (*Хор поддержки и одобрения.*) Встретились бы без войны? Если на роду написано, то и встретились бы! Так что давайте выпьем, чтобы эта проклятая война поскорее закончилась и была бы последней на нашей Земле. За победу!

Гост горячо поддержан: За Победу! За новобрачных! За мир! За мирную жизнь!

Вбегают медсестра.

Медсестра. Поздравляю новобрачных! Но...

Татьяна Александровна. Понятно, новых раненых привезли.

Вынимает из причёски цветы.

Медсестра. Вас, Татьяна Александровна, просят срочно в операционную, остальных на свои места.

Быстро расходятся. Литвина слегка придерживает Маша.

Литвин. Ты не в курсе, где Костя застрял? Должен был быть свидетелем... До сих пор – нет! Ты что такая странная сегодня?

Маша начинает безудержно рыдать.

Маша (сквозь рыдания). Я должна тебе сказать...

Литвин. Что случилось?

Маша. Не хотела портить радостный день, думала завтра...

Литвин. Что стряслось? Где Костя!

Маша. О нём и речь. Помнишь, вы с Танечкой пошли в машину, а я чуть задержалась у тебя в приёмной, хотела припрятанный подарок незаметно прихватить...

Литвин. Маша, что с тобой? *(Вытирает ей слёзы.)*

Маша, короче! Раненых привезли...

Маша. Тогда и пришло сообщение...

Её душат рыдания.

Литвин. Ты издеваешься?! Говори!

Маша. Костя погиб!

Пауза. К Литвину приходит тяжёлое осознание.

Литвин. Костя! Как? Он должен был быть в первом го-

спитале!

Маша (продолжая всхлипывать). Не то обстреляли третий медсанбат, не то боестолкновение. Запросили хирургов. Костя рванул туда и прихватил Николаева. Оба погибли.

Литвин. Вот тебе и счастливый день свадьбы! Костя? Костя! И Николаев! Теперь, когда вот-вот победа! Костя!

Маша (ещё сильнее рыдает). Тебе хоть пара радостных часов выдалась. А мне пришлось веселиться с горем на сердце!

Литвин. Костя-Костя! Сам сюда попросился! Вот так день свадьбы! Танечке сегодня не скажу.

Маша. Завтра похороны, тогда и узнает.

Литвин. Костя, Костя! Светлая память! Страшнее подарка на свадьбу не придумаешь! У нас с ним были такие планы!

Маша (снова срывается в рыдания). И у нас!

Литвин (не до конца разобрав сквозь рыдания). Что? Что ты сказала?

Маша (продолжая безудержно рыдать). И у нас... с ним... были ...планы...

Литвин (в растерянности, ещё больше мрачнея). Маша, Маша! Я правильно...

Маша. Да... Только мы решили отложить до победы...

Литвин. Машенька, солнышко, дорогая, любимая сестричка...

Не находит слов успокоения, только горячо обнимает, вытирает слёзы.

Маша. Сначала думали... в один день с вами... А потом... отложили... Умники! Отложили счастье навсегда!

Литвин (*сам чуть ни плачет*). Маша, Маша... Пойдём, пойдём... присядешь, приляжешь... (*Тихонько двигаются к кулисам.*) Господи! Как успокоить, чем? Пойдём, пойдём... мы там нужны. В работу, нужно в работу, раненые...

Картина восьмая

Кабинет Литвина. Быстро что-то строчит. Входит Маша.

Маша (*полушутливо*). Товарищ подполковник! Санитарка Литвина по вашему приказанию прибыла.

Литвин (*автоматически*). Вольно! Маша. Ты служишь, надо признать, без страха и упрёка, достаточно давно. Я имею полное право дать тебе отпуск.

Маша. Мне не нужен отпуск. Я хочу здесь...

Литвин (*перебивает*). Забудь свои «хотелки», наконец. Ты на фронте, я здесь тебе не брат, а начальник. И отдаю приказы.

Маша. Есть ехать в отпуск.

Литвин. То-то же! В отпуск пойдёшь с пятого числа!

Маша. Есть.

Литвин. Не одна. Танечке подошёл срок отправляться в тыл. Ты будешь её сопровождать.

Маша. Господи! Как время быстро летит! Кажется, только вчера свадьбу праздновали. У неё и живота-то почти не видно.

Литвин. Да, плод, говорят, маленький, а по срокам скоро рожать.

Маша. Где же ему вырасти, когда его мамочка сутками не отходит от операционного стола. Есть-то некогда.

Литвин. Отставить ворчать. Да и преувеличиваешь ты.

Я всё-таки тоже слежу за её здоровьем и питанием.

Маша. Ага! Бегая по передовой! Ты бы теперь поберёгся, папаша! Теперь у тебя есть и адъютанты, и замы, и прочие помощники.

Литвин. Во-первых, я не бегаю, а езжу на машине. Во-вторых, связь не всегда хорошо работает, а решение часто нужно принимать мгновенно. В-третьих, когда всё видишь своими глазами, проще принять правильное решение. В-четвёртых, если все будут беречься... Короче, отпуск получаешь на две недели. Отвезёшь Танечку к её маме, если будет хватать времени, навестишь наших, если – нет, не обессудь. Сухим пайком вас обеспечат, положишь в свой вещь-мешок. Ей тяжести таскать уже нельзя, тем более, у неё, действительно, серьёзное недоедание и недосыпание, да и блокада даёт о себе знать.

Маша. Не волнуйся, я всё-таки медсестра, хотя и санитарка. Всё отслежу, всё сделаю. И, если честно, сейчас поняла, что мне, правда, не грех перевести дыхание. Это же ад, когда вокруг кровь, боль, стоны, смерть.

Литвин. В войну зря отпуск не дают. Иди.

Картина девятая

На сцене общий вагон (или его часть). На полках сидят, лежат солдаты и офицеры. Один из офицеров стоит в проходе, ближе к кулисам, смотрит в тамбур.

Офицер. Минутку, я помогу вам (*Выбегает за кулисы, слышен его голос.*) давайте мне вещи, так, так, теперь вас подтяну, вот и порядок. Я вещи занесу, а вы – за мной. (*Офицер вновь появляется на сцене с какими-то тюками за ним в вагон входят сначала пожилая*

женщина, затем Татьяна Александровна в военной форме с ребёнком на руках.) Товарищ капитан, с таким младенцем и в сторону фронта? Куда же?

Татьяна Александровна. Во Львов, там теперь стоит наш госпиталь. Декретный отпуск в войну недолог.

Офицер. Приступите к службе?

Татьяна Александровна. И боюсь, не отойду от операционного стола. Будь проклята эта война.

Офицер. Получается, малышу предстоит жить в операционной?

Татьяна Александровна. Малышке. Дочь у меня.

Офицер. Как назвали-то?

Татьяна Александровна. Виктория!

Офицер. Ого? Победа в переводе, кажется?

Татьяна Александровна. Верно!

Офицер. Значит, Виктории до виктории придётся расти в операционной!

Татьяна Александровна. Моя мама со мной. На неё вся надежда.

Офицер. Значит, ваша матушка тоже следует на фронт?

Татьяна Александровна. Как видите. Не успела отойти хорошенько от блокады – и на фронт.

Офицер (к пожилой женщине). Вы и в блокаду попали?

Вера Алексеевна. Едва уцелели с дочкой, дистрофиками нас вывезли по Ладожскому льду, не то бы...

Офицер. Теперь на фронт. А вы – герой!

Вера Алексеевна. Сейчас вся страна – герой.

Офицер. Мы тоже в ту сторону следуем, только дальше, за Карпаты. По моим сведениям передовая от Львова отодвинулась, но в городе бандеровцы лютуют. Будьте осторожны!

Татьяна Александровна. Постараемся!

Офицер. Что же мы вас на ногах держим! (Поворачивается вглубь вагона, говорит громким, командным голосом.) Внимание! Товарищи офицеры, сержанты и солдаты! Капитан медицинской службы следует на фронт к месту приписки с матерью и грудным младенцем! Прошу передислоцироваться, чтобы они получили в своё распоряжение отдельное купе, так сказать. (С одобрительными возгласами: «Ух, ты!» «Конечно, конечно!», «В минуту всё будет!» «Меня военные врачи от смерти отбили!»). Торопливо перемещаются. И вот Татьяна Александровна с мамой и дочкой заходят в «купе», им помогают разместиться. «Купе» отвешивают простыней.) И само собой, ребята, теперь потише! Не будем беспокоить?

Татьяна Александровна (выглядывает из-за «занавески»). Большое спасибо! Если кому-нибудь понадобится медицинская помощь, прошу не стесняться. В любое время!

Картина десятая

Госпиталь. Пост медсестер. Около него хлопочет Маша. Входит Вера Алексеевна со спеленатой малышкой.

Вера Алексеевна. Здравствуй, Машенька!

Маша. Вера Алексеевна! Здравствуйте! Как наш герой?

Вера Алексеевна. Герой? По-геройски! Геройствует! Даже под обстрелами бандеровцев спит.

Маша. Что-то они разошлись, видно, чувствуют, что недолго им здесь бесчинствовать, хотят напоследок напакостить побольше. Танюша скоро выйдет.

Операцию заканчивала, когда я заглядывала. Потом у неё ещё две, но несложные, а там, если ничего непредвиденного не произойдёт, домой.

Вера Алексеевна. Мы её ждать не станем, покормимся – и восвояси, да, Виточка? Ух ты, глазки открыла, как бы не расплакалась. Время кормежки на носу. Сейчас, сейчас, маленькая! Сейчас мама придёт и нас покормит.

Маша. Поторопить её?

Вера Алексеевна. Нет, зачем дёргать попусту. Мы готовы продержаться минут пять, да, крошка?

Выходит Татьяна Александровна.

Татьяна Александровна. А вот и я! Как у нас дела?

Вера Алексеевна. Хорошо. Научились немного потерпеть, коли мама задерживается.

Татьяна Александровна. Иди ко мне, Виточка, сейчас мы тебя покормим.

Татьяна Александровна устраивается в укромный уголок, спиной к публике. Кормит. Влетает Литвин.

Литвин. Отлично успел! Привет, Танюша! Вита! Вера Алексеевна, Машенька. Прекрасно, что все здесь. По данным разведки на окраинах Львова крупные группы бандеровцев. Пока неясно, с какой целью... На улицах, как стемнеет, они орудуют пуще прежнего. Прошу, никому по одному не ходить. Быть обязательно при оружии. А вас, Вера Алексеевна, проводит патруль.

Вера Алексеевна. Нечто они на пожилую женщину с грудничком на руках нападут.

Литвин. Всякие случаи бывали. Простите, это не обсуждается. Через пять минут вас будут ждать у выхода.

Татьяна Александровна. Мы через пять минут не

успеем, нам ещё перепеленаться, ополоснуться надо. Не понимаю, на что они надеются.

Литвин. Кто? А бандеровцы? Беснуются, что не их взяла. Поберечься не помешает! Я побежал. Будьте предельно осторожны!

Быстро выходит. Татьяна Александровна встаёт.

Татьяна Александровна. Mam, я в процедурной Виту перепеленаю, помою, и пойдёте. Посиди пока. Я мигом. *Выходит.*

Маша. Как Танечка с Колей здорово имя малышке подобрали. Полностью – Виктория – победа! А сокращённо, мы её зовём, Вита – жизнь.

Вера Алексеевна. Верно! А ведь как-то и не задумывались, просто пришло в голову и всё.

Выходит Татьяна Александровна с Витой.

Татьяна Александровна. Вот мы и готовы. Сыты и довольны. Да, Вита? Уже засыпает. Ш-ш-ш!

Передаёт малышку Вере Алексеевне.

Вера Алексеевна. Давай, давай! Мы пошли!

Татьяна Александровна. Мне в операционную. Будьте осторожны. Никому двери не открывайте. У своих – ключи. Целую вас. К ночному кормлению прибегу!

Вера Алексеевна. Сама поберегись! И ты, Маша. Счастливо оставаться!

Картина десятая

Квартира Литвиных. Вера Алексеевна шьёт какую-то детскую вещичку. Входит Татьяна Александровна.

Татьяна Александровна. Привет! Как обещала, успела к ночному кормлению!

Вера Алексеевна. Даже досрочно. Слава Богу! А то Ни-

колай так запугал бандеровцами. Трясусь вся. Как ты дойдёшь, думаю. Пыталась пелёночку малышке обмотать, только пальцы переколола.

Татьяна Александровна. Он не зря пугал. К нам в госпиталь многих, от их рук пострадавших, привозили. И в очень тяжёлом состоянии. А что у тебя радио выключено?

Вера Алексеевна. Чтобы Виточке спать не мешало. Думаю, вдруг задерживаться будешь. Без лишнего шума подольше проспит.

Татьяна Александровна. Верно. Что? Поужинаем?

Вера Алексеевна. А Николая ждать не станем?

Татьяна Александровна. Бесполезно! Забегал. Говорит, опять до поздней ночи, а то и до утра.

Вера Алексеевна. Ладно, давай накрывать! Пока Вита не проснулась!

Суется вокруг стола. Вдруг начинают доноситься звуки отдельных пушечных выстрелов, к ним присоединяются автоматные и даже пулеметные очереди. Звуки этой беспорядочной пальбы всё приближаются и усиливаются.

Вера Алексеевна. Немцы?

Татьяна Александровна. Не может быть! Они слишком далеко. Бандеровцы, видать, напоследок решили разгуляться. Недаром скапливались...

Вера Алексеевна. Что они и в дома ломиться могут?

Татьяна Александровна. Без паники! Надеемся на лучшее, готовимся к худшему. У меня есть табельный пистолет, и ещё мне Николай вот этот подарил, чтобы я в сумочке носила. Я беру большой, ты маленький. Держи!

Вера Алексеевна. Ты хочешь, чтобы я в людей стреляла?! Я же тоже врач, хоть и зубной!

Татьяна Александровна. Это нелюди! Знаешь, сколько они загубили и как жестоко! Они всё равно, что фашисты! Пока только подготовим оружие.

Пальба, канонада всё сильнее и ближе.

Татьяна Александровна. Что же творится-то? Что устраивают! Слышишь?

Вера Алексеевна. Как не слышать! И уши затыкать не помогает!

Татьяна Александровна. Значит, мама. Пока сидим спокойно, ждём. Если начнут ломиться, я твой и свой пистолет сниму с предохранителей и взведу курки.

Вера Алексеевна. Да я не попаду ни в кого. Я и целиться-то не умею.

Татьяна Александровна. Ты и не целься, просто направь в сторону врага и нажми курок. Они поймут, что здесь отстреливаются, и, возможно, отступят.

Вера Алексеевна. Или больше рассвирепеют.

Татьяна Александровна. Тогда будем стрелять на поражение.

Вера Алексеевна. Мы на поражение, и они на поражение, угадай, у кого лучше получится? Судя по стрельбе, их целый батальон!

Татьяна Александровна. Мама, прошу, мысли позитивно! Ты умеешь!

Вера Алексеевна. Ладно, давай тогда ужинать!

Татьяна Александровна. Это уже перебор!

Вера Алексеевна. Тебе не угодишь!

Татьяна Александровна. Тише, мам!

Вера Алексеевна. Да я не громко.

Татьяна Александровна. Слышишь, кто-то к нашим дверям бежит.

Вера Алексеевна (*упавшим голосом*). Считаю, подбежал!

Татьяна Александровна хватается за пистолеты.

Татьяна Александровна. Мама, держи, только осторожно, я курок взвела.

Вера Алексеевна (*беря в руки пистолет*). А я, было, думала, проживем ещё. Ведь война совсем к концу!

Татьяна Александровна (*взводя свой пистолет*). Ничего ещё повоюем, постоим за себя, за Виту.

Вера Алексеевна. За Виту я готова!

Татьяна Александровна. Мам, только на себя дуло не направляй!

Вера Алексеевна. Что-то кричат. Никак «Беда!»

Татьяна Александровна. Не разберу, такая пальба! Вроде замок щёлкает? Опускаем пистолеты!

В комнату врывается страшно возбужденный, весь взлохмаченный и расхристанный Литвин. Сорванным и срывающимся голосом кричит сначала что-то неразборчивое, потом мы слышим: «Победа! Капитуляция! Победа! Полная и безоговорочная капитуляция!» Все обнимаются, мечутся, пританцовывают, кричат «Победа!» Кричат наперебой, порою, не слыша и не слушая, друг друга. Артистам не обязательно соблюдать очерёдность реплик, все говорят разом.

Литвин. Только объявили – я сразу к вам! Победа!

Татьяна Александровна. Победа?! Победа!

Вера Алексеевна. Победа! А кто палит?

Литвин. Да все палят! Из любого оружия, что под рукой! В небо! На радостях! Самостийный салют!

Татьяна Александровна (*хохоча*). А мы думали бандеровцы!

Литвин. Победа! Виктория!

Бежит к люльке.

Татьяна Александровна. Стой! Разбудишь!

Литвин (*не слушаясь, выхватывает дочь, аккуратно раскачивает*). Победа! Виктория! Победа!

Татьяна Александровна. Осторожно!

Литвин. Победа! Виктория! Победа! Вита! Она улыбается!

Татьяна Александровна. Не может быть! Ей рано по возрасту!

Литвин. Виктория нам улыбается! Победа! (*Раскачивает, слегка подкидывая, запеленатую Викторию.*) Сами глядите!

Татьяна Александровна. Победа! Просто не верится!

Литвин. Да что у вас радио выключено?! (*Включает радио. Голос Левитана. Звучит обрывок сообщения: «... полная и безоговорочная капитуляция...»*) Слыхали?! И Вита нам улыбается!

Татьяна Александровна и Вера Алексеевна бросаются к малышке посмотреть.

Татьяна Александровна. Правда!

Вера Алексеевна. Улыбается!

Литвин (*глядя в детский конвертик*). Ещё говорят, младенцы ничего не понимают! Виктория, победа! Вита!

Все смотрят в конвертик. Вбегает перевозбуждённая Маша.

Маша. Победа!

Все вместе и наперебой: Победа! Виктория нам

*улыбнулась! Вита улыбается! Жизнь нам улыбается!
Победа!*

*Снова голос Левитана: «Полная и безоговорочная капи-
туляция!»*

*Все собравшиеся повторяют за ним: «Капитуляция!
Полная и безоговорочная! Войне конец! Победа!»*

Занавес

Организатор конкурса –
Гильдия драматургов России (г. Москва).

Номинации конкурса:

- О подвиге!
- О славе!
- О любви!..

Цели и задачи конкурса:

- Мотивации к созданию новых драматургических произведений в различных жанрах;
- Выявление новых имен в драматургии;
- Расширение круга репертуарных предложений для театральных коллективов;
- Стимулирование театров к постановке новых пьес современных авторов.

Нина Мазур,

театровед, театральный критик, драматург, член Германского Центра ITI и Международной Ассоциации театральных критиков (ЮНЕСКО), член Гильдии драматургов России

Анна в присутствии любви и смерти

1-7 июня 2021 года в Орле состоялся Первый Межрегиональный онлайн-фестиваль «Русская классика», на котором Диплом Лауреата 1-й степени получил спектакль Владимирского академического областного театра драмы «Анна Каренина».

Эпиграф к роману Льва Толстого «Анна Каренина» - «Мне отмщение, и Аз воздам» - можно прочесть по-разному. Сделаешь смысловое ударение на словах «отмщение» и «воздам», - и библейская фраза приобретет угрожающий смысл. Мол, кара за грех неотвратима. А акцентируешь слова «Мне» и «Аз», - получится обращение к людям: не вам судить грешника, предоставьте это Высшей Силе.

Лично мне ближе второй вариант.

Очевидно, создателям спектакля, о котором пойдет речь, - тоже.

Владимирский академический театр драмы предложил еще одну (в ряду бесчисленных) сценическую интерпретацию великого романа. Еще одну, но безусловно свою. Режиссерский почерк постановщика Владимира Кузнецова узнаваем: жесткий, ироничный, четкий, изобретательный. Сквозь разочарование проступает ранимость, сквозь издевку – сострадание, сквозь шум и ярость – отчаянная вера, сквозь порывы плоти - метание духа...

Спектакль насыщен метафорами, но чужд символике. Изыскан – но далек от декаданса. Театрален – да. Тут

уж без «но». Удивительная театральность, не противоречащая реалистичности чувств...

Этому немало способствуют замечательная фантазия сценографа Дмитрия Дробышева, высокий профессионализм художника по свету Сергея Скорнецкого, изысканные пластические решения Марии Сиукаевой и, конечно, гениальная музыка Фаустаса Латенаса.

В синей холодной дымке, в ледяном, мгновенно трансформируемом пространстве (катка ли? паркетной ли залы? зимней ли вокзальной платформы?) вершатся судьбы героев. Одним там вполне комфортно, как Стиве Облонскому (Г.Девятисильный, рисуя портрет обаятельного эгоиста, не лишает его теплых человеческих черт), или супругам Щербацким (мастерские, «живые» портреты этой четы создали В. Лаптев и Т.Евдокимова); другие не задумываются, как Кити Щербацкая (в нежно-«пастельном» исполнении Е. Серегиной); третьи пытаются выжить, как Долли (А. Зайцева наделяет Долли не только любящим и добрым сердцем, но и непреходящей внутренней драмой), - и только одна Анна, - искренняя, горячая Анна, - не может дышать этим холодом. Окружа-

ющим кажется, что она не хочет, и уже потому заслуживает наказания, но она действительно не может. Так что оставим воздаяние Тому, Кто создал ее такой.

Ариадна Брунер - великолепная Анна. Стройная, гибкая, страстная... Все ее существо жаждет вырваться из ледяного плена, - туда, в огонь, обжигающий крылья. Да, не спасись... Такова уж природа огня, - не обессудьте, господа. Сила, пылающая в Анне, - как лесной пожар, распространяется вокруг. И прежде всего это касается двух мужчин ее судьбы, двух Алексеев Александровичей.

Каренин в спектакле владимирцев неожиданно молод, чуть полноват, за его спокойствием скрывается тайная неуверенность, - в себе, в любви Анны? Анатолий Шалухин создал непривычного Каренина; его мир держится на заведенном порядке, но в глубине души он сам не верит в устойчивость этого мира. Он с улыбкой показывает: вот в это место на щеке жене и сыну надлежит поцеловать его. Сын подчиняется, Анна - нет. Но появляется Вронский, и Анна добровольно, без пригла-

шения, прикасается губами к щеке мужа, - беззащитная попытка удержаться, сохранить то, что есть. Поздно. Ровная супружеская любовь Каренина, – скорее свет, чем тепло, - уже тронута огнем. И Каренин меняется. Он готов на невероятные, унижительные жертвы. Слово «долг» он произносит как синоним слова «любовь». Он, человек порядка, готов жить у пылающего костра. Но Анна обречена костру; ее влечет огонь. Она любит Вронского.

Вронский в исполнении Ивана Антонова – молод, самоуверен, привык к успеху у женщин. Его отношение к Анне вначале вполне потребительское. Танец на балу, когда Вронский смотрит на влюбленную Анну снисходительно и победоносно, найдет естественное завершение в сцене их первой близости, где кавалерийское седло служит аксессуаром. Как контрастны эгоизм юношеской страсти Вронского и одухотворенная чувственность Анны! Режиссер подчеркивает: власть молодого офицера над Анной сродни его власти над любимой лошадью. И

вот уже не лошадь, а сама Анна бежит на скачках по кругу, выбиваясь из сил, подхлестываемая вначале взглядами, а затем щелканьем хлыстов.

Загнанных лошадей пристреливают, не так ли?..

Но любовь Анны захватывает и Вронского, меняет его; то, что начиналось для молодого человека как увлекательное приключение, опрокидывает привычный мир, ломает судьбу. «Я люблю ее!» - кричит Вронский матери, и, кажется, сам впервые осознает это.

«Белая роза – эмблема печали, красная роза – эмблема любви»... А черная? Пепел прошлых loves, погибших надежд, несотоявшегося счастья... Розы переходят из рук в руки, ими осыпают, ими одаривают, от них избавляются... Груз прошлого, груз ошибок, груз страстей...

«Сколько белых роз в эту раннюю могилу ливень слез унес...»

Анна решила «потушить свечу» не оттого, что разочаровалась в любви. Вронский не был ни причиной, ни поводом того, что Анна, раскачавшись над бездной,

спрыгнула в нее. Она не выдержала мук совести. Столько жертв (и прежде всего дети – сын и дочь) оказались вовлечены в этот танец огня, что смерть показалась единственным выходом из безвыходного положения.

И длится, длится Сережина молитва над могилой матери...

И спрашивает себя Левин: » Зачем мы живем?«

Да, Левин... Объект режиссерской иронии (сцена объяснения с Китти, с мячом-глобусом для угадывания слов откровенно насмешлива) и режиссерской любви (взять хоть сцену родов Кити, сыгранную Денисом Чистяковым с неподдельной искренностью и силой)...

Левин - антипод... но чей? Не Вронского, - разве что в склонности к философии? Не Стивы Облонского, - разве что в честности перед собой? Неужели – Каренина?! Каренин восклицает в отчаянии: «За что мне все это?» Левин восклицает в восторге: «Это счастье, которого не бывает на земле!» И оба – о женщине. О любимой женщине.

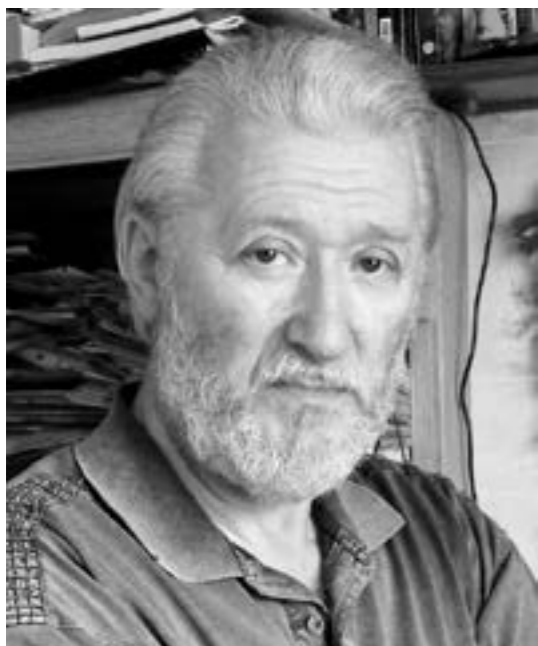
И вдруг, рядом с коляской первенца, - левинское, толстовское: «Зачем мы живем?»

Восторг Левина закончится этим отчаянным вопросом без ответа. Нет, Левин в спектакле не противопоставлен никому из героев романа. Он сродни им. Он ищет любовь, - земную ли, небесную...

«Бог есть Любовь»... Но - «Мне отмщение, и Аз воздам»... Неуютно между этими двумя истинами. Анна не смогла...

На фотографиях сцены из спектакля Владимирского академического областного театра драмы «Анна Каренина».

Валерий Бегунов,
театральный критик

О полетах в мечтах и наяву

В театре «Гвоздь» – родился спектакль «Homo volans. Человек летающий». Мы, зрители, почти в пространстве игры. Словно вместе с персонажем летим в самолете. Или на одном воздушном шаре. Собственно, оно и в жизни так – летим все вместе на шарике под названием Земля по одной, общей орбите – хотя у каждого своя траектория.

Перед нами квадрат. Углы обозначены стопками книг. Очерчен веревочкой. Замкнут, как фоновой конструкцией, стулом с высокой спинкой и распахнутыми крыльями. Вернее, каркасом крыльев. То ли мельничных – персонаж, как Дон Кихот, воюет с препятствиями на пути к мечте и с обманым миражем своей мечты. Или это каркас крыльев подъячего Крякутного, якобы полетевшего на них с колокольни. Но сам Крякутной – историческая фальсификация, вымышленный изобретатель и воздухоплаватель. Но речь-то в спектакле о мечте лететь, о чело-

веке, полетевшем в небо. Кстати, в спектакле есть и прямой символ: некая неземная женская сущность, чтобы не скучать в одиночестве, создает людей и заселяет ими землю. Это образ двузначный – женщины, рождающей будущих мужчин и женщин, и женщины своим участием преобразующей других людей. В этом, втором значении, образ-знак проявится к финалу спектакля.

Автор идеи постановки - Владимир Дегтеренко. Авторы текста и сценографии - Владимир Дегтеренко и Андрей Левицкий. Режиссёр –постановщик - Андрей Левицкий.

Актёр - Владимир Дегтеренко. Обозначено действие как «#неспектакль без антракта»

Ну, да. Это как бы не спектакль. Как бы! Ведь все, что на сцене (или на площадке, обозначенной как территория и пространство сценического действия, сценической игры) – спектакль. И «Человек летающий» - это игра в

не-спектакль. Это монолог человека, рассказывающего о своей несурзной жизни, о своей мечте, которую он и сам не мог долгое время определить. Это рассказ от первого лица о метаниях, о поиске себя, о выстраивании своей жизни, о потерях, находках – и обретении мечты. В небе! Потому что уже в матером и зрелом возрасте он обнаружил и воплотил свою мечту. Он – летает. Без крыльев. И доставляет другим радость и восторг полета в небесах. Безопасного полета. Полета только как удовольствие. Без особого риска – если соблюдать все необходимые правила и не нарушать технологии. Но об этом несколько дальше.

Пока, не вдаваясь в подробности, я изложил структуру пьесы. Все же наш журнал – издание, посвященное литературным основам постановок. Итак, перед нами монопьеса. И поставленный по ней моноспектакль. Уже немало лет, как монопьесы и моноспектакли выплеснулись на сцены и в публикации потоком. Но монопьеса и моноспектакль даже для их авторов – про-лема. Почему Он или Она выходят к зрителям и начинают излагать свою историю? Почему зрителям это должно быть интересно? Как с первых мгновений завладеть вниманием и чувствами зрителей? Пусть и «неспектакль» – но все же сценическое действие, а не литературное чтение с подмостков.

В «Человеке летающем» сразу подкупает очень личностная открытая, доверительная интонация. Один из авторов пьесы и идеи спектакля, Владимир Дегтяренко входит в качестве актера в квадрат, обозначенный по углам стопками книг и очерченный веревкой, замкнутый каркасом крыльев то ли летуна, то ли мельницы, – и попадает в магическое пространство. Здесь персонажу актера

невозможно быть неискренним и умалчивать о тайных движениях своей души и о своих житейских превращениях.

А они заданы уже самим нарядом. Персонаж входит в пространство игры в обычном бытовом прикиде, в смешной черной шапчонке – куцей панаме с опущенными полями... и в клоунских башмаках. Потому что с детства его мечта – стать клоуном. Ведь клоун дарит людям

радость! И эта погоня за мечтой то гонит его из дому, то возвращает на время домой. Жизнь в разных городах. В Павлодаре. В Алма-Аты. В Москве. Переезды. Перелеты. Учеба в разных институтах. Пока среди них не образуется именно цирковой. Красный диплом, удостоверяющий, что это теперь цирковой специалист и законно может быть клоуном, коверным. А ему расхотелось! Вдруг ясно стало, что учился «на автомате». А хочется чего-то иного. Менял профессии. Побывал клоуном на сцене, даже снимал что-то на телевидении. Работал санитаром в пси-

хушке. Становился коучем по саморазвитию. Все не то...

Перемещения во времени и судьбе и в занятиях обозначены просто. Переносом и перестановкой стопок книг. Передвижением столика то с круглым аквариумом-вазой, то с едой. Переменой головных уборов и пиджака на белый халат и обратно. И переменой интонации речи и тональности взгляда – от лукавosti до мучительного вопроса во взоре. Еще бы! В этих поисках себя и занятия по душе, в перемене мест и поисках и переменах съемных квартир сложена, но не сохранена семья. Утрачен первый ребенок. Утрачена мать. Промелькнула какая-то «вторая женщина». И возникла уже новая семья – где взаимопонимание и счастье. И – произошла встреча с мечтой. То есть, мечте и тому, кто ее искал, удалось при встрече узнать друг друга в лицо.

Я рассказываю о тексте – и о спектакле. Здесь текст, действие и актер прочно слиты друг с другом. Повторяю – интонация очень личностная и доверительная. Но никакого «нажима на чувства», ни какой сентиментальности и мелодраматичности. И никакого комикования – хотя на ногах клоунские башмаки, и какие-то события в жизни персонажа гротескны и комичны. И хотя речь то и дело заходит о полетности, но, даже когда актер по роли забирается на стул, он не использует расхожей и банальной имитации взмахов крыльев растопыриванием рук – даже в ироничном клоунском стиле. А ведь речь вправду о непрекращающемся полете. Как только в тексте и в спектакле возникает упоминание о первом в жизни персонажа перелете на самолете, в фонограмме начинает звучать голос стюардессы (звукорежиссёр - Евгений Ельцов).

Голос стюардессы ласковый, слегка ироничный, очень

дружелюбный... не сказать, чтоб сексуально манковый, но чуть-чуть с интонацией зазывного флирта. Включаясь рефреном после каждого большого эпизода, после каждой перемены в судьбе персонажа, стюардесса произносит знакомые всем сообщения по ходу полета. О готовности ко взлету и привязных ремнях, об экипаже и высоте полета, о скорости и полета и температуре за бортом, о проскальзывающих под самолетом городах и о входе в зону турбулентности. Вроде бы знакомые. Но тут они звучат с какими-то «отсебятинами. Неожиданными вставками. То есть, по сути, этот спектакль о том, что жизнь есть непрекращающийся полет в неведомое, за неведомым, за мечтой. И стюардесса в этом полете – судьба, а речь и действия ее всегда прихотливы и нестандартны. Потому что судьба очень долго и не сразу договаривается о согласии с мечтой. Или меняет облик мечты

– как меняются житейские роли персонажа и его наряды.

И полет все время будет в зоне турбулентности. Потому что стремление к мечте, увлеченность ею – это мучение для окружающих. Об этом их мучении – и о своем

мучении и страдании из-за этого – не раз говорит персонаж. Он то и дело возвращается к этой теме: погоня за мечтой словно делает его глухим и слепым по отношению к душам окружающих и близких. Но дело в том, что это неизбежно. Пока речь не заходит о женщине, ставшей главной в его жизни. И тогда она делает его тем, чем он в итоге стал. Об этом сказано с доброй иронией, через известный всем анекдот о фермере, Гейтсе и его жене. Но «главная женщина в жизни» - она же и воплощение судьбы, и воплощение мечты. Персонаж стал реально человеком летающим.

Он сначала пришел сотрудником в фирму, запускающую монгольфьеры – воздушные шары, поднимаемые горячим воздухом – для катания желающих. Потом сам создал такую фирму. Вот оно, воплощение мечты! Персонаж этой сценической моноистории стал человеком летающим: «homo volantus» - это стало его профессией, и она приносит радость людям, стремящимся хоть ненадолго очутиться в небесах.

И вот тут оговорюсь. Подробно рассказывая об этой пьесе и постановке – я, тем не менее, не безусловный их апологет. Не все принимаю в спектакле и в тексте. Или, скажем иначе, есть вопросы и сомнения. Вот теперь о них.

Мне кажется, что пьеса грешит многословием. Подробно стараясь рассказать о судьбе персонажа, его переживаниях и метаниях, авторы пьесы порой «забалтывают» внутренний действенный ряд. И забалтывается одна из серьезнейших тем, ухваченных в пьесе. Этот все более матеряющийся в поисках себя человек – и никак не взрослеющий! – в своем почти подростково-капризном неже-

лании отступить от мечты – вправду мучение и серьезная проблема для близких. Потому что человек всерьез увлеченный чем-то – неважно, чем: столярным делом, земледелием, вождением самолетов и грузовиков в дальних перевозках, строительством, изобретательством, художественным или научным творчеством – такой человек самодостаточен. И эта увлеченность, эта самодостаточность словно отгораживает его от окружающих. Ему хочется, чтобы все родное, привычное, дорогое – улицы родного города, материнский дом, родной сад всегда и везде были с ним. Но это остается только в глубине души - отпечатками дорогих сердцу воспоминаний. Ему мучительно трудно примирить поиск мечты и прозу жизни. А окружающим столь же мучительно трудно примириться с самим таким человеком, с его увлеченностью, с погруженностью в себя и в свою мечту, в поиск своего призвания.

Финал-то сюжета – радостный, обнадеживающий, счастливый. Тем более жаль, что в тексте переизбыток слов. Вот это «забалтывание» приводит к тому, что в спектакле актер почти не умолкает. Есть две большие сюжетные паузы. Но речь персонажа почти не прерывается. Персонаж, да, спешит высказаться. Но ведь и по сюжету – написано в тексте, хоть и неявно, и сыграно актером, - есть моменты, когда персонаж словно вглядывается в себя, вслушивается в то, что звучит в нем. Мне думается, режиссерски и актерски это требует «жизни в паузе», а не только в активном говорении.

И вот это многословие в тексте и в постановке затемняет очень важную, стержневую линию: «главной женщины», как воплощения судьбы и мечты, «стюардес-

сы полета своего избранника-мужчины. Видимо, только извращенное сознание театрального критика позволило мне предположить, что голос стюардессы – это голос «главной женщины» в жизни персонажа. В финале спектакля – и в финале фонограммы звучит диалог персонажа и «стюардессы». Он касается уже не полета на самолете, а полетов на монгольфьере. То есть она – не просто жена и мать детей, но и помощница в работе с пассажирами монгольфьеров.

Конечно, такие вещи в сюжете – в тексте и в поставленном по нему действе – совсем не нужно подавать «в лоб». Особый флер восприятия действия в том, что мы ощущаем какие-то скрытые, неявные, подспудные мотивы, и они создают особую таинственную привлекательность тексту и действию. Но желательно, чтобы они и не слишком «тонули» в избыточности слов, не «заигрывались» в самом спектакле.

*На фотографиях афиша
и сцены из спектакля*

Строганов Александр Евгеньевич –

драматург, поэт, писатель, член Союза писателей, Союза литераторов России, Гильдии драматургов России, член Русского ПЕН-центра. Доктор медицинских наук. Директор института клинической психологии, профессор кафедры психиатрии Алтайского государственного медицинского университета.

«Герои Строганова – личности болезненные, психически аномальные».

Евгений Соколинский

«Писатель Строганов проник в «тонкие миры». Где он там бродит, я не знаю. Но сюда к нам он выносит небывалые сумеречные цветы, на которые можно глядеть и глядеть, не отрываясь».

Нина Садур

Александр Строганов

Блуждающие

Пьеса в двух действиях

Действующие лица

Летягин Андрей Александрович, коммерсант, под 50**Магель Юлиан Эдуардович**, врач, под 50**Валерия**, за 30**Нина**, подруга Валерии, за 30**Бретузов Алексей Николаевич**, ее гражданский муж,
ближе к 80**Козельскис Иван Иванович**, бизнесмен, под 50**Крылоконь Игорь Петрович**, врач «Скорой помощи»,
под 60**Угрюмов Захар**, полицейский, около 40*Дом Летягина.**На диване Валерия, не шелохнется.**Сам Летягин на подоконнике, в крайней растерянности
теребит красный от крови носовой платок. Коротко с
опаской поглядывает в сторону бездыханной гостьи,
но тут же отводит взгляд.**Тишина.***Действие первое****Картина первая***Телефонный звонок. Летягин хватается трубку.***Летягин.** Что? что? где? где ты ходишь, Магель?!*Продолжительный звонок в дверь.**Летягин срывается с подоконника, устремляется в не-**видимый коридор.***Голос Летягина.** Закрывай скорее, ради Бога!**Голос Магеля.** Что с тобой?**Голос Летягина.** А В любую минуту могут явиться.**Голос Магеля.** Кто?**Голос Летягина.** А Закрывай, говорю тебе!**Голос Магеля.** Успокойся!**Голос Летягина.** А Все, Юлинька, конец!**Голос Магеля.** Угомонись, истеричка!**Голос Летягина.** А Юлинька, это – конец!**Голос Магеля.** На кого ты похож?! Нельзя же так,
честное слово.*Летягин и Магель входят в комнату.**Магель рассматривает Валерию. Летягин изучает ре-
акцию Магеля.**Магель невозмутим.***Летягин.** Ну, что ты молчишь? Скажи что-нибудь!**Магель.** Выпить у тебя есть?**Летягин.** Что выпить? Зачем выпить?**Магель.** Я бы от коньячка не отказался.**Летягин.** О чем ты говоришь?**Магель.** О коньяке.**Летягин.** Ты вообще понимаешь, что происходит?**Магель.** Не совсем.**Летягин.** Юлик, я тебя прошу, умоляю тебя...**Магель.** Успокойся, говорю тебе!**Летягин.** Как «успокойся»? Как можно успокоиться?**Магель.** Очень просто. Например, предложи другу
выпить. Например, коньячку. Вот именно.**Летягин.** Но это какой-то абсурд, Юлик!*Летягин подходит к шкафу, достает бутылку коньяка,*

бокал, протягивает Магелю.

Магель. А почему один бокал, Андрюша? Сам пить не будешь?

Летягин. Какое пить, какое там пить?!.

Магель. Ну, как знаешь. А я, с вашего позволения...

Магель, потюнув во рту первый глоток, пьет подчеркнута медленными глотками.

Летягин. Но это какой-то абсурд, Юлик!

Магель. Возможно. И скорее всего. А времена нынче такие, Андрюша. Абсурд одержал окончательную и бесповоротную победу. Прогрессивное человечество торжествует.

Летягин. Ты – свинья!

Магель. Так уж сложилось.

Летягин. Свинья!

Магель. Между тем, прекрасный коньяк! Напрасно ты отказываешься. *(Рассматривает этикетку.)* Армянский. Кто бы сомневался.

Летягин. Юлиан, прошу тебя, прекрати этот цирк! Не та ситуация.

Магель. А что за ситуация?

Летягин. Я же тебе вкратце описал. Ситуация безвыходная.

Магель. Не бывает безвыходных ситуаций. Довольно расхожая фраза, но суть отражает.

Летягин. И тотчас полиция, «Скорая», родственники, поняты...

Магель. Ты о чем?

Летягин. Имей совесть.

Пауза.

Магель. Уже вызвал?

Летягин. Кого?!

Магель. Полицию, «Скорую»?

Летягин. Типун тебе на язык! Никого я не вызывал, разумеется... Тебе позвонил, и все, разумеется... Вообще о чем ты говоришь?! Я даже не знаю, кого сначала вызывают, как вызывают. Что? что? что делать, Магель?

Магель. Для начала прийти в себя...

Летягин. Пропади ты пропадом!

Магель. ...и даже немного расслабиться.

Летягин. Ты алкоголик, Магель! Ты это знаешь?

Магель. А сам?.. Ай, хорош коньяк! Какое послевкусие! Шоколадом отдает.

Летягин. Алкоголик и свинья!.. И циник!..

Магель. Циник? Наверное. Так уж сложилось. Да я, в общем-то, и не скрываю. Вот именно... А знаешь, люди в белых халатах таковы в большинстве своем. Нет, мы, конечно народ благородный, самоотверженный, но с годами наступает усталость, как бы это лучше сказать? помутнение, что ли. Сумерки или туман, в зависимости от времени суток. Черты милых людей первоначально тускнеют, затем и вовсе стираются. Все делается похожими друг на друга. Как близнецы. Вот и тебя я сейчас с трудом узнаю. Как будто бы это ты, а с другой стороны – не ты. Снеговика напоминаешь. Весной. Понимаю, что заблуждение, но отделаться от этого ощущения не могу. И никаких эмоций по этому поводу не испытываю. Снеговик? Ха! Пусть будет снеговик.... Хотя немного страдаю.

Летягин *(с иронией)*. Страдаешь?

Магель. Вот именно. Не сказать, чтобы сильно, но все же немного грустно.

Летягин. Что ты мелешь, Магель? Глупости какие-то.

Магель. Отвлекаю тебя. Тебя, себя. Пытаюсь отвлечь.

Летягин. Форменным образом издеваешься.

Летягин забирает у гостя коньяк, возвращает его в шкаф.

Магель. И ни один мускул на суровом его лице не дрогнул, заметь... Ну, что, приступим к осмотру, раз уж ты настаиваешь.

Магель, потирая руки, подходит к Валерии.

Магель. Ну те-с, что мы имеем?

Щупает пульс, прикладывает ухо к груди, возвращается, усаживается на стул.

Летягин. Что там? что?!

Магель. Что да что? Да ничего... Давай, звони.

Летягин. Куда?

Магель. В «Скорую» для начала.

Летягин. Что с ней?!

Магель. Ничего... хорошего.

Пауза.

Летягин. Жива?

Магель. Нет.

Летягин. Как это?

Магель. Умерла.

Пауза.

Летягин. Почему?

Магель. Пока не знаю. Быть может, внутреннее кровотечение, возможно, травма. Вариантов много. Сейчас трудно понять... У тебя кровь на платке. Откуда?

Летягин. Это мое. Это у меня кровь носом шла.

Разволновался... Ошибки быть не может?

Магель. Ошибки быть не может.

Летягин. И что теперь будет?

Магель. Что-нибудь да будет. Вот именно.

Пауза.

Летягин. Это – конец!

Магель. Для нее – да.

Пауза.

Летягин. Я теперь сяду в тюрьму?

Магель. Не знаю.

Летягин. Сяду?

Магель. Не знаю.

Летягин. Сяду. (*Пауза.*) Как звонить?

Магель. Куда?

Летягин. В «Скорую».

Магель. Ноль три.

Летягин. Знал же.

Магель. Конечно, знал.

Летягин. Растерялся немного.

Магель. Вот именно.

Летягин набирает «ноль три».

Летягин. Да, здравствуйте. Карету, пожалуйста... «Скорую», да. Улица Красных фонарей, простите, вырвалось, это мы так шутим неумело, вырвалось от волнения, простите... Красных партизан, дом семьдесят три, квартира одиннадцать, пожалуйста... Женщина лет тридцати... семьдесят три, да... Красных... Женщина... Не знаю... внутреннее кровотечение или травма... Нет, не врач, но мой друг – врач, он говорит... он психиатр, но он все равно... но он все равно медицинский институт заканчивал... Не могу с уверенностью сказать, но не исключено, что мертва... но я могу ошибаться... Он тоже может ошибаться, он

психиатр, а это несколько иное... Я надеюсь очень, очень... Не дышит, кажется... Пульса нет, кажется. Но так бывает. Мне доводилось сталкиваться. Видите ли, я сам в прошлом ученый, физик... (*Магелю.*) Бросили трубку.

Магель. Приедут?

Летягин. Не знаю. Бросили трубку. (*Пауза.*) Черт его знает, откуда она взялась! Вылетела прямо из кустов. Сумерки, ничего не видно... Сумерки, понимаешь?.. Да, к делу не подошьешь... Я же у Козельскиса был. Ну, выпил. Даже не выпил – пригубил. Глоток шампанского, один глоток. Но им же все равно, глоток – не глоток...

Магель. Кому?

Летягин. Ментам... Я Козельскису говорил, пить не буду. Но он слышать ничего не желал. Ты же знаешь Козельскиса. Как банный лист, честное слово... Господи, зачем все пьют! Все время что-нибудь пьют. Все. Откуда такая жажда? Вроде бы не в пустыне живем...

Магель. Сам не пьешь?

Летягин. Бывает.

Магель. Мы – русские люди, Летягин. Ментальность. Всякая борьба, а также нытье по сему поводу не имеет перспектив.

Пауза.

Летягин. Еще ирландцы.

Магель. И ирландцы.

Пауза.

Летягин. Говорят, мы похожи.

Магель. Чрезвычайно похожи.

Пауза.

Летягин. Я же не знал, что насмерть, думал, она только сознание потеряла. Хотел в больницу, разумеется, разумеется. Потом, думаю, а что больница? А надо было в больницу. А я хотел как лучше... Думал, придет в себя, денег дам. Думал, тебе позвоню, ты ее подлечишь... ей денег дам. Так думал. Скверно думал.

Магель. Вот именно.

Магель поднимается, вновь подходит к Валерии, щупает пульс, прикладывает ухо к груди, возвращается.

Летягин. Нет?

Магель. Нет.

Летягин. Ужас, ужас! (*Пауза.*) Может, отнесем куда-нибудь, положим?

Магель. Как это?

Летягин. Ну, отнесем куда-нибудь, положим.

Магель. Куда?

Летягин. Куда-нибудь.

Магель. Так ты же уже позвонил.

Летягин. Куда?

Магель. В «Скорую».

Летягин. Как?

Магель. Ты в «Скорую» звонил?

Летягин. Черт! Черт!.. Черт бы побрал этого Козельскиса.

Магель. Козельскис ни при чем. Козельскис угостить хотел, угодить.

Пауза.

Летягин. Скажем, не было никого. Показалось, привиделось...

Магель. Кому скажем?

Летягин. Кто явится первым, тому и скажем.

Магель. А я куда смотрел?

Летягин. Как понять?

Магель. У тебя видения, я, врач, бездействую. Видения как раз по моему профилю.

Летягин. Ты все шутишь?

Магель. Следую твоей логике, не более того.

Летягин. А тебя спрячем... В ванную... Нет, они же захотят руки мыть. Этажом выше поднимешься, переждешь...

Магель. Сам-то себя слышишь?

Пауза.

Летягин. Скажем, да, действительно была такая женщина. Действительно, плохо чувствовала себя. Мы, действительно, испугались. А потом водички попила, оклемалась и ушла. Попила водички, оклемалась, взяла деньги, ушла... А ее спрячем покамест... В ванную.

Магель. Этажом выше отнесем, у батарееи положим.

Летягин. Почему у батарееи?

Магель. Там батарея.

Летягин. Да, точно... При чем здесь батарея?

Магель. Так просто вспомнил.

Пауза.

Летягин. Попила водички, оклемалась, взяла деньги, ушла.

Магель. Деньги – лишнее.

Летягин. Лишнее?

Магель. Лишнее.

Летягин. Да, о деньгах, пожалуй, не стоит. Действительно, при чем здесь деньги? Дались мне эти деньги!

Магель. Бред.

Летягин. Бред?

Магель. Бред.

Летягин. Хорошо, давай рассмотрим версию бреда. Допустим, я – алкаш. Неделю пил беспробудно, вот тебе и бред, и видения. С кем пил? С Козельским, например. А он подтвердит. Мы его научим, и он подтвердит. А ты, как психиатр, засвидетельствуешь... Слушай, Магель, забери меня к себе, а? Точно, забери, Юлик. Пожалуйста.

Магель. Куда?

Летягин. В больницу.

Магель. Зачем?

Летягин. Лечить.

Магель. От чего?

Летягин. От запоя, от видений. Ты же только что говорил, что я запойный.

Магель. Я о запоях не говорил.

Летягин. Но я действительно часто выпиваю, Юлик. Практически каждый день. А у нас по-другому не получается. Все какие-то терки, стрелки. Всем улыбаюсь, руки жму, анекдоты рассказываю. До изнеможения. Меня с души воротит от их рыл, а надо улыбаться. Этаким бодрячком выглядеть. Иначе скажут, сдулся. Не скажут, так подумают. А этого нельзя. А мне уже неважно. Понимаешь?

Магель. Понимаю.

Летягин. Терки, стрелки, терки, стрелки. Понимаешь?

Магель. Понимаю. Веретено.

Летягин. Что?

Магель. Веретено.

Летягин. Да, да... Нет, они хорошие. Терпят меня,

жалуют... От меня же разит, бывает... Вот как с этим запахом бороться? Вечно как заяц. А они терпят, жалуют. А я, вместо благодарности видишь что?

Магель. Имеешь право.

Летягин. Растратился. Жизнь свою растратил. По сусекам и папертям.

Магель. Началось.

Пауза.

Летягин. Люблю их... Люблю, люблю, люблю. Так себе говорю. Убеждаю себя... Нет, действительно люблю. Что я без них? Что и кто? (*Пауза.*) А дверь открытой оставим... Вот они приедут...

Магель. Кто?

Летягин. «Скорая», полиция, кто угодно. Приедут, ее, конечно, найдут. Где хозяин? А хозяйина нет. Где же он? В сумасшедшем доме, чего и следовало ожидать. А женщина как здесь оказалась? Да мало ли? Дверь открыта была, вот и зашла. А потом легла на диван и умерла... Предположим.

Магель. Так не возьмут тебя в больницу-то.

Летягин. Почему?

Магель. Ибо здоров как бык.

Летягин. Где же здоров?!

Магель. В зеркало посмотришь.

Летягин. А что там?

Магель. Ты, Андрюша, пышешь благополучием как колобок в духовке.

Летягин. Да?

Магель. Именно.

Пауза.

Летягин. Послушай, Магель, я ведь и покончить с со-

бой могу. Между прочим, промелькнула такая мысль.

Магель. Ты мне этого не говорил, а я не слышал.

Летягин. Промелькнула. Кроме шуток.

Магель. Ты мне этого не говорил, а я не слышал.

Пауза.

Летягин. Послушай, Магель, я – робкий, совестливый человек...

Магель (смеется). Ты?

Летягин. Робкий, совестливый человек. Слабый человек. Согласись, это – патология. В наше время слабость – патология.

Магель. Видишь ли, Андрюша, у нас не идиоты работают.

Пауза.

Летягин. А мы денег дадим.

Магель. Не возьмут

Летягин. Нет?

Магель. Нет.

Летягин. Почему?

Магель. Тебе в тюрьму хочется?

Летягин. Нет. Категорически. Что ты?! В тюрьму?! Ни за что!

Магель. Им тоже не хочется.

Пауза.

Летягин. Но это какой-то абсурд, Юлик!.. А если много денег?

Валерия. А Козельскис – это кто?

Картина вторая

Летягин, Магель, Валерия.

Летягин. (*Магелю шепотом*). По-моему она заговорила.

Магель (*Летягину шепотом*). Да, что-то такое показалось.

Летягин. То есть, ты тоже слышал?

Магель. Как будто слышал.

Летягин. Кошмар! Теперь она все расскажет.

Магель. Не исключено. Если помнит.

Летягин. Может не помнить?

Магель. Вполне.

Летягин. Но, по крайней мере она жива.

Пауза.

Магель. Полегчало?

Летягин. Не то слово! Ой, Юлик, я тебе так благодарен.

Магель. За что?

Летягин. Ты что-то такое сделал. Не знаю, что ты такое сделал...

Магель. Да ничего я не делал.

Летягин. Гипноз.

Магель. Не говори глупости.

Валерия. А Козельскис – это кто?

Магель (*Валерии*). Один смешной человек. Добрый вечер. Вы должны его помнить. С бородкой такой, заикается.

Валерия. Смешной человек?

Летягин. Очень, очень смешной.

Магель. Обхохочешься. Вы должны его помнить.

Валерия. Нет, не помню.

Летягин. Мы трое – друзья с детства. С раннего детства. Практически с рождения. Козельскис, Магель и ваш покорный слуга...

Валерия. Не помню Козельскиса.

Магель. А нас помните?

Валерия. Смутно. Как я здесь оказалась?

Летягин. Пришла. Точнее, я вас привел.

Валерия. Ты тоже был у Шумского?

Летягин. Да... тоже... у Шумского.

Валерия. Ты знаешь Шумского?

Летягин. Не совсем. Точнее, совсем не знаю. Я был у соседей.

Валерия. У Шумских соседей нет. У них коттедж.

Летягин. Я был в соседнем коттедже.

Валерия. У Марголенов?

Летягин. Нет, у других. У Козельскисов. Это имя уже звучало сегодня. Совсем недавно. Три друга, помните? Я вам рассказывал.

Валерия. Смутно. Голова болит.

Летягин. Скорее всего, вы их не знаете... Козельскисы вам знакомы?

Валерия. Нет.

Летягин. Вот видите. Но это не имеет значения... Вот я погостил у Козельскисов, и вышел от них, чтобы как раз поехать домой. И в это время вы как раз вышли от Шумских. Вам было плохо. Вы упали и сильно ударились. Вот я вас поднял, ну и привез к себе.

Валерия. Зачем?

Летягин. Ну, как же?

Валерия. Зачем?

Летягин. Вызвать врача... И вот я вызвал врача. Вот, кстати, прошу любить жаловать, Магель Юлиан Эдуардович, хороший врач. Очень хороший врач. Юлиан Эдуардович. Друг детства. Один из тех трех друзей. Прошу любить и жаловать. (Наиграно смеется.) Буквально как три мушкетера. Козельскис, Магель и

ваш покорный слуга... Мушкетеров помните?

Валерия. Да, было что-то такое. Давно.

Летягин. А я – Летягин. Андрей Александрович. Прошу любить и жаловать. Можно запросто Андрей. Я люблю, когда запросто. Немного наивно. Немного наивный такой человек. Я. Волнуюсь немного. (Смеется.) Так и не повзрослел, наверное. Вы нас полюбите, вот увидите.

Валерия. Кого?

Летягин. Всех.

Пауза.

Валерия (Магелю). Вы действительно врач?

Магель. Вот именно... Действительно врач. Магель Юлиан Эдуардович.

Пауза.

Летягин. Не могу сказать, что детство выдалось трудным, но, если не лукавить, было непросто. В детстве...

Валерия. Валерия.

Магель. Как?

Валерия. Меня звать Валерия.

Летягин. Очень, очень хорошее имя. Редкое. Очень приятно, Валерия. Очень... К слову, я у Козельских не пил. Нисколько. Козельские настаивали, но я – ни-ни.

Валерия. Что так?

Летягин. Ну, как же? За рулем. Я, когда за рулем, ни грамма не позволяю себе. Ни при каких обстоятельствах.

Валерия. А я позволяю себе.

Летягин. Это плохо. Это очень плохо. Знаете, мне приходится много работать. С документами, цифрами, схемы сложные, чудовищно сложные схемы, устаю

зверски, и вот я заметил...

Валерия. А я не понимаю, что такое «плохо».

Летягин. Совсем?

Валерия. Совсем. (Магелю.) А вы врач?

Магель. Врач, да. Магель. Юлиан Эдуардович.

Летягин. Прошу любить и жаловать.

Пауза.

Валерия. Магель, Магель... Да, что-то такое припоминаю.

Магель. Серьезно?

Валерия. Да, что-то такое припоминаю.

Магель. Вот и хорошо... Не хотел говорить, но ваше лицо мне тоже показались знакомым, Валерия. Больных много, милые черты со временем стираются, все как в тумане, однако что-то остается в памяти. Так, отдельные фрагменты. Брови там, губы... Ваши глаза запомнил, Валерия. Запоминающиеся глаза.

Валерия. Вы – циник?

Магель. Что?

Валерия. Андрей говорил, что вы циник.

Магель. Не знаю, не знаю.

Пауза.

Валерия. Магель?

Магель. Юлиан Эдуардович.

Валерия. Нет, не то. Ошиблась. Сначала показалось что-то знакомое, а потом поняла, что ошиблась. То был Вагель, не Магель. Вагель, кажется. И он – не врач... А вы в карты играете?

Магель. В каком смысле?

Валерия. В прямом.

Магель. Разве что в дурачка. Крайне редко.

Валерия. А я гадаю. Иногда. Дурная привычка. У меня много дурных привычек... Мне кажется, вы должны хорошо играть. Циники хорошо играют. Я немного знакома с этой публикой.

Магель (*смеется*). Нужно будет попробовать.

Валерия. Только не жульничайте. Это опасно. И это – не ваше. Вы и так будете выигрывать.

Магель. Полагаете?

Валерия. Уверена.

Магель. Нужно будет попробовать.

Валерия. Непременно попробуйте... Знаете, у меня очень болит голова, Юлиан Эдуардович. Не надо было шампанское пить. У меня после шампанского всегда так... Я к Шумскому больше не пойду.

Магель. И правильно сделаете.

Валерия. А у вас, доктор, есть что-нибудь от головной боли?

Магель. Коньяк. Я в таких случаях рекомендую коньяк.

Валерия. Вы, действительно, алкоголик?

Магель. Разве чуть-чуть.

Пауза.

Летягин. (*Валерии*). А вы давно пришли в себя?

Валерия. А я была не себе?

Летягин. Не знаю.

Валерия. Разве дремала немного. (*Магелю*.) Коньяк убьет меня.

Магель. Что вы? Коньяк? Ни в коем случае.

Валерия. Не бойтесь, доктор, что коньяк убьет меня?

Магель. Ни в коем случае.

Валерия. Видите, что со мной шампанское сделало?

Магель. Коньяк и шампанское ни путать, ни мешать не

следует. Мой вам совет – всегда делайте выбор в пользу коньяка, Валерия. От шампанского решительно откажитесь.

Валерия. Отказаться?

Магель. Решительно.

Валерия. А я люблю. Иногда. Но, вероятно, вы правы.

Магель. Чистый яд. Кто его вообще придумал, это шампанское!

Летягин. Французы. Судя по названию. И потому, что пенится.

Магель (*Валерии*). А вам доводилось бывать во Франции?

Валерия. Каждое лето. (*Летягину*.) Я теперь так живу, Андрей.

Летягин. А я о Франции только мечтаю. Не имею возможности. Так уж случилось. Своего рода невыездной. Кредиты, долги, прочие обязательства. Ирония судьбы. Обожаю Францию, а поехать не могу. Сейчас уже не так, а прежде очень хотелось. Знаете, Валерия, одно время меня чрезвычайно интересовала биография Бернадотта. Его взлет, если помните, начинался во Франции...

Валерия. Не помню.

Летягин. Я в молодости увлекался историей. Я в молодости был совсем другим человеком. «Другим» можно опустить, правильно сказать – был человеком. Без «другим». Но судьба-злодейка сложилась таким образом... Еще в детстве, а детство, не сказать, чтобы выдалось трудным, но...

Валерия. Очень интересно, но если можно – в следующий раз... Извини ради Бога. Голова

раскалывается.

Летягин. Нет, никаких обид. Разве я не понимаю? Я все понимаю.

Валерия. В следующий раз ты непременно поведаешь мне биографию Брандота...

Летягин. Брандотта.

Валерия. Биографию Брандотта. Мне любопытно.

Пауза.

Летягин. Только вы мне напомните.

Валерия. Обязательно.

Магель. И все же, что с вами случилось, Валерия?

Валерия. Когда?

Магель. У Шумских.

Валерия. Перепила шампанского.

Магель. И только?

Валерия. Возможно что-то еще. Возможно, ударились.

Летягин. Или кто-то ударил?

Валерия. Ударил? Да, пожалуй... Нет. Не знаю. Очень болит голова. И я бы хотела умыться.

Летягин. Я вас провожу.

Валерия. Не нужно, я помню, где ванная.

Валерия поднимается, выходит из комнаты.

Летягин. Как она сказала?

Магель. «Хочу умыться».

Летягин. Она сказала, что помнит, где находится ванная.

Магель. И что?

Летягин. Значит, она бывала здесь раньше?

Магель. Брякнула, не подумав.

Летягин. Нет, Юлик, здесь что-то не так.

Магель. Похоже, с памятью у нее проблемы.

Летягин. Не мудрено.

Магель. Вот именно.

Летягин. И что теперь делать?

Магель. Ничего не делать.

Летягин (*пытается смеяться*). Ничего не делать. Это я люблю. (*Улыбается.*) Видишь, уже могу шутить. Хороший признак, правда?

Магель. Очень.

Летягин. Вот уж сколько раз ты выручал меня

Магель. Перестань.

Пауза.

Летягин. А что, если она действительно была здесь? Что если знает меня? Обращается на «ты». Обратил внимание?.. В каком году я купил эту квартиру, не помнишь? Может быть, она путает меня с прежними хозяевами?

Магель. Не о том ты, Андрюша, толкуешь.

Летягин. Нет?

Магель. Сейчас главное выяснить, помнит ли она, кто ее убил.

Летягин. Как «убил»? Что значит «убил»? Она ходит, разговаривает. Ты же видишь.

Магель. Шучу, шучу. Ты шутишь – я шучу. Шутим. Хорошо.

Летягин. Хороший признак?

Магель. Очень.

Летягин. Твоими бы устами да мед пить.

Возвращается Валерия. На ходу сушит голову полотенцем, улыбается.

Валерия. Совсем другое дело.

Магель (*Валерии*). К столу, к столу, будем пить коньяк.

Валерия садится за стол. Летягин достает коньяк, организует закуски.

Магель наполняет бокалы.

Валерия. Не узнала себя в зеркале. Какая-то другая женщина на меня смотрит. Забавно и жутко одновременно. Это все шампанское?

Магель. Несомненно. Яд.

Валерия. Сколько раз говорила себе, не пей шампанского, но Шумский...

Магель. Мерзавец.

Валерия. Именно, мерзавец.

Магель. Он отравил вас. С какой целью?

Валерия. А вы знаете Шумского?

Магель. Никак нет. Бог миловал.

Валерия (*Летягину*). Андрюша, а ведь ты должен знать Шумского.

Летягин. Кто?

Валерия. Ни «кто», а «кого». Шумских ты должен знать. Во всяком случае, Илью. Или я с ними познакомилась уже после тебя?

Летягин. В каком смысле, «после тебя»?

Валерия. Уже после того, как ты меня бросил.

Летягин. Я... вас? Бросил? Простите, вы меня с кем-то путаете, Валерия.

Магель. Предлагаю выпить за непредвиденные приятные знакомства и прочие чудеса, коими так щедро дарит нас судьба. За вас, прекрасная Валерия.

Валерия. Благодарю.

Летягин. Но это какой-то абсурд.

Выпивают.

Летягин (*Валерии*). Мне показалось, вы намекали на то,

что мы с вами уже встречались.

Валерия. Можно и так сказать.

Магель. Ложные воспоминания, ложные радости. Знаете, долгие годы практики привели меня к следующему умозаключению. Мы проживаем свою жизнь, как бы это лучше выразиться? в бессознательном состоянии. Что мы помним? Так, отдельные фрагменты. Отцовскую порку, первый звонок, какие-нибудь незначительные мелочи – моченые яблочки, фибровый чемодан или занавеску в горошек. Никчемные ситуации, бессмысленные поступки. Грешки тоже, конечно, помним, но выборочно. В целом – марево. Бродим по неведомому миру сомнамбулами. А что-то важное, значительное, напротив, опускаем, точно не было того и этого. Притом беды и радости чужих людей пестуем и лелеем, как будто это случилось с нами. Иногда кажется, будто невидимая вуаль покрывает всех нас. Этакая коллективная совесть, что ли. Или тоска. Скорее, тоска, вот именно... Что такое сочувствие? Кто его знает?.. Что он Гекубе? Что ему Гекуба?.. Как там у Шекспира? Весь мир – театр, а люди в нем – актеры? Не актеры – блуждающие огни. Нет, не огни, погасли огни – просто блуждающие.

Валерия. Нечто невообразимое вы изрекли, Юлиан Эдуардович. Понять невозможно, а плакать хочется. А мне не привыкать. Мой теперешний гражданский муж, в известном смысле философ, еще сложнее изъясняется. Бретузов Алексей Николаевич. Может быть слышали? Значительный человек. Он в высших сферах за стратегию отвечал. Теперь на пенсии, но стремления и связи сохранил. Значительный человек.

Летягин. Коллективная совесть. Да, есть такое... Вот я вам расскажу. Однажды я украл монеты. У соседа своего, товарища. Он с отцом жил. Мать у них умерла, и они жили вдвоем, товарищ мой и его отец. Сколько мне было? Годика три, не больше. Сосед был намного старше. Было ему, наверное, лет пятнадцать. Я с ребяташками постарше водился, смышленным рос. Вот я был приглашен в гости, где мне была представлена коллекция трофейных монет. Австрийских, немецких, всяких. Я такой роскоши никогда не видел! Огромный короб!.. Как-то рука сама потянулась – одну, другую за пазуху, когда никто не видел. Про себя думаю, монет много, хозяева не заметят. Ребенком смышленным рос... Очень захотелось. Всепоглощающий импульс. Вне желания и сильнее, чем желание. Кража – острое ощущение. Смесь страха и восторга. До тошноты... Словом, украл. И что вы думаете? В коридоре, при прощании, когда я наклонился, чтобы обуться, монетки посыпались из меня как из худого мешка. Какой стыд я испытал в то мгновение! Кажется, даже уменьшился в размерах. Да точно уменьшился. Вот они возвышаются надо мной. Они и так высокими были, метра под два ростом, а мне в то мгновение показалось – метров пять. Вроде бы ничего не говорят, а я как будто слышу их голоса. – Стыдно, маковое зернышко. Стыдно, маковое зернышко! Почему маковое зернышко?.. Я это к чему? В словах их читается осуждение, в интонации же – ни презрения, ни осуждения. Скорее растерянность. Точно такая же, что и у меня. Даже сочувствие, показалось. Даже понимание, показалось... Стыдно, маковое зернышко. Так странно... Это позже они принялись

шантажировать меня. Дня через три. А первоначально растерянность и стыд. То же, что и у меня...

Магель. Шантажировали?

Летягин. Я родителей очень боялся, так что... Шантажировали, да. Не упустили случая, как говорится. Но, справедливости ради, длилось это недолго. Получили свое, и отстали... Но это – потом, а сначала растерянность и стыд. То, что ты говоришь – коллективная совесть. Но это быстро проходит. Быстро прошло. У них. А у меня осталось. На всю жизнь.

Валерия. А что они хотели от тебя?

Пауза.

Летягин. С тех пор, при виде денег, в особенности большого количества денег, не важно, монеты это или банкноты, я испытываю в точь такую же тошноту. Как тогда в коридоре... Даже если это какие-нибудь счета или что-то в этом роде, бумаги, где деньги только упоминаются... С тех пор они не отпускают меня, деньги. Деньги – мое наваждение. (*Улыбается.*) Так я сделался рабом. И это уже навсегда.

Валерия. Ты не рассказывал.

Летягин. Нельзя такое рассказывать. Это сейчас. Разволновался... Наверное, не надо было.

Магель. Вот она, деталь, и вот она вуаль.

Летягин. Деталь и вуаль.

Пауза.

Магель. Пример, конечно, не совсем удачный...

Летягин. Уж столько лет прошло, а у меня эта история из головы не выходит. А прежде? когда мы жили по соседству? а мы долго жили по соседству. Можешь себе представить. Мы же с ними каждый день виделись.

Почти что каждый день... Иногда они улыбались. Самое отвратительное – их улыбки...

Пауза.

Магель. И куда тебя занесло, брат Летягин?

Летягин. Не знаю. Вспомнилось. Переволновался.

Магель. А я тебе говорил – прими коньячку.

Летягин (Магелю). Нет, это не жизнь. Подумай, как я живу, Юлик?

Магель. Нормально живешь.

Летягин. Какое там!

Магель. Забудь.

Летягин. Какое там!

Пауза.

Магель. А ты не задался вопросом, какую цель преследовали эти большие люди, когда тебе, ребенку, показывали свои сокровища?

Летягин. Просто показали.

Магель. А я тебе так скажу, вводили в прелесть. Вот именно...

Летягин. Не знаю, не знаю.

Магель. Они же фактически изнасиловали тебя.

Летягин. (*Взрывается.*) Не говори так!.. Никогда больше так не говори!

Магель. Прости.

Пауза.

Летягин. Это моя жизнь! И только моя!.. И никогда больше так не говори!

Магель. Прости. (*Пауза.*) Может быть, примешь коньячку?

Пауза.

Летягин. Это ты меня прости.

Магель. Давай забудем.

Пауза.

Летягин. А хочешь знать, чем я себя успокаивал? Тебе – как психиатру... Говорил себе так – настоящие воры свои преступления продумывают. Действуют хладнокровно, расчетливо. Нет, - говорил я себе. – То, что со мной произошло – другое. А однажды прочитал или услышал спасительную фразу – «бес попутал». Ах, какая роскошная фраза! Бес попутал. Как просто, подумать только! На все случаи жизни. Бес попутал. И все! И никаких проблем... Но, откровенно говоря, что-то не получается. Так, чтобы окончательно отпустило, не получается.

Валерия. И тогда ты возненавидел людей.

Летягин. Нет, что вы? Я людей люблю. Вот и тех своих обидчиков, кажется, полюбил. Странное дело, но что-то такое...

Магель. Стокгольмский синдром.

Летягин. Не знаю. Может быть. Тебе виднее, какой там синдром... Люблю. Даже какого-нибудь пешехода или попутчика. Всякого проходимца понять пытаюсь. Приходится. Я, по долгу службы, дело имею, главным образом, с проходимцами... Подаю всегда. Нищим, бродягам. Непременно подаю... Обидчиков прощаю. И щеку подставляю. Вот я как раз тот человек, что щеку подставит. И даже с легкостью. Хотя в Бога не верю. Не воспитали. Да и не складывается как-то. Ну, тут уж что-то одно, или Бог, или Маммона... Нет, нет, людей люблю. Не сказать, чтобы до невозможности, но люблю. И прощаю. И готов жертвовать. Наверное. Просто не приходилось. Так, чтобы всерьез. (*Пауза.*) Вот что это

было со мной, кто скажет?.. Я – о той приснопамятной краже. Наваждение, испытание, проверка на вшивость, перст судьбы?

Магель. А что, если, в самом деле, бес попутал?

Летягин. Говорю же – не верующий.

Магель. Беда.

Летягин. Думаешь?

Магель. Беда, беда.

Пауза.

Валери (Летягину). А сейчас чем ты занимаешься, Андрей?

Магель (смеется). Ворует.

Летягин (Магелю). Зачем ты?

Магель. Шучу, шучу, шучу.

Пауза.

Валерия (Летягину). Скажи, только честно, ты за мной следил?

Летягин. Как следил? зачем следил?

Валерия. Не бойся, я не в осуждение. Даже напротив.

Летягин. Не понимаю.

Валерия. Все ты понимаешь. Но дело твое, если хочешь, не говори.

Летягин. Вы меня с кем-то путаете, Валерия. Вы меня, конечно, извините, но...

Валерия. Да успокойся, я зла на тебя не держу. Если хочешь, будем делать вид, что не знаем друг друга. Это даже романтично.

Летягин. Не понимаю.

Валерия. А что ты делал у коттеджа? Никаких Козельских там нет, и не было никогда. *(Пауза.)* А знаешь, Андрей, я даже рада, что ты меня бросил.

Я как будто возродилась. Первое время переживала, конечно, как переживала бы всякая женщина, которую практически нагишом выставили за дверь.

Магель (смеется). Летягин? За дверь нагишом? Исключено.

Валерия. Нагишом в том смысле, что у нас ничего не было. Денег он не зарабатывал. Я – тоже. Так что, можно сказать, ходили голыми. А знаете, как выставил? Замолчал. То есть совсем замолчал. Физики и так народ неразговорчивый, а здесь за два года ни единого слова. Можете себе представить?.. Однажды, когда я мыла пол, наступил мне на руку, и так стоял. Как будто в задумчивости. Долго. Я кричала, от боли слезы из глаз катились, а он стоял не шелохнувшись. Очень долго. Целую вечность. Я даже подумала. – А что если это навсегда? Вот после этого окончательно решилась уйти.

Пауза.

Магель. Жуткая история.

Валерия. Запросто могла лишиться руки.

Магель. Жуткая история.

Валерия. Согласны со мной? *(Пауза.)* А иногда приходит в голову, может быть, он и не хотел меня обидеть, на самом деле задумался.

Летягин. Вот.

Валерия. Физики так задумываются, я знаю. А иначе они бы атомную бомбу не изобрели. И на Луну бы не полетели... Физики, композиторы... мечтатели. Они же все со странностями. С другой стороны больших странностей я за Андреем не замечала... Бывало, и я задумываюсь, не без этого... А вы, бывает, задумываетесь, Юлиан Эдуардович?

Магель. Обязательно.

Пауза.

Валерия. Скорее всего, я ему опротивела.

Летягин. Это все не про меня. Физиком я только числился. Получил соответствующее образование, но, собственно физиком никогда не был. Задумываются, Валерия – это когда идея какая-нибудь, гипотеза, а у меня идей никаких не было, и быть не могло. К сожалению, я бездарен и ленив. На это мне еще в студенческие годы указывали. И педагоги, и сокурсники. Так что это вы меня перепутали с кем-то, уважаемая Валерия.

Пауза.

Валерия. Ребенка нашего, Андрюша, я не доносила, потеряла. А был златокудрый мальчик. Похож на тебя, как две капли воды, только златокудрый и красивый, прости за подробности... Но все к лучшему. Теперь наши жизни устроены. Мы – состоятельные люди, не так ли?.. Ты состоятельный человек, Андрюша?

Магель. Состоятельный. Очень. Вот именно.

Пауза.

Валерия. Что было дальше?.. Стала выпивать. Крепко. Мальчика пришлось отдать на воспитание хорошей бездетной паре.

Магель. Простите, но вы, кажется, сказали, что случился выкидыш.

Валерия. А это уже другой случай. Другой ребенок. От другого мужчины. Тоже Андрюша. Златокудрый. Чем-то на тебя похож, Андрей, только красивый. (Магелю.) У меня все дети на Летягина похожи, вне зависимости от того, кто природный отец. Вот, кстати, почему так, доктор?

Магель. Любовь, детка.

Валерия. Я сначала тоже так думала, а потом пришла к выводу – глупости это все. Фантазии. Сами придумываем себе и любовь, и несчастья. Никто не виноват, кроме нас самих... Стала выпивать. Дело до больницы доходило... А потом пришла в себя, как ты говоришь, Андрюша, «оклемалась», занялась делом. Торговала, все такое. Немножечко разбогатела. Вот Шумский помогал и другие. Словом, встала на ноги... Я и Шумскому Андрюшку родила, но мы сделали так, что как будто это его жена родила. (Смеется.) Обманули ее. Ночью в кровать подложили ребеночка, она утром проснулась – сюрприз. Откуда ребеночек? Родился. Кто родил? спрашивает. Так ты же и родила. А как живот, все такое?.. Дикость, конечно, но... Материнский инстинкт сработал. Нашли врача, который объяснил, что так бывает. Редко, конечно, один случай на миллион, но бывает... А во мне материнский инстинкт как-то поугас. Стыдно признаться, но мне не их не жалко, деток моих...

Магель (смеется). Да вы, Валерия, просто Медея какая-то.

Валерия. Кто такая Медея?

Магель. Одна легендарная женщина. Трагическая история.

Валерия. Что вы? Самая обыкновенная история. Таких историй тьма-тьмущая. И финал замечательный – куча детей... Я и сейчас беременна. Будущий отец – очень хороший человек. В годах. Сильно в годах. Из высших эшелонов. Бретузов Алексей Николаевич. Может, слышали? Одно время его имя было не слуху. Стратег,

философ, моя гордость. *(Смеется.)* Между прочим, тоже задумывается. Но на руку пока не наступал. А уже не наступит, у меня теперь домработница... Какая-то аномалия, честное слово. Рожая и рожая, рожая и рожая... Андреем назову... А у тебя, Андрюша, дети есть?

Летягин. Не случилось.

Валерия. Хочешь, я и тебе рожу? *(Смеется. Магелю.)* Только взгляните на его лицо. Как будто гадюку проглотил. *(Летягину.)* Дети – это хорошо, Андрюша. Очень хорошо... Ну, все! Забыли, забыли. Кажется, я созрела для коньяка!

Магель. За детей!

Выпивают.

Валерия. И, не смотря ни на что, я бы согласилась попробовать снова.

Летягин. Что попробовать?

Валерия. Вернуть наши отношения, Андрей. Может быть, теперь мне удалось бы тебя разговорить. Я ведь толком и не пыталась. Ты молчишь, и я молчу. *(Магелю.)* Шесть лет молчали.

Летягин. Шесть лет?

Валерия. Без малого. Кроме того, ты, пройдя свой скорбный путь, наверняка осознал, что наступать на руку женщине и стоять на той руке шесть часов негоже.

Летягин. Валерия, вы замужем, позвольте вам напомнить.

Валерия. Это гражданский муж. То есть сожитель.

Магель. Чудовищное слово «сожитель». Сродни таракану.

Валерия. Кроме того у него уже есть одна семья. Там

шестеро детей.

Магель *(Валерии)* .Скажите, Валерия, что значит для вас число шесть?

Валерия. Ничего... *(Летягину.)* Я несчастлива, Андрей. Живу без надежды.

Летягин. Вы носите ребенка от него.

Валерия. От Бретузова? *(Смеется.)* Откуда тебе знать, чей это ребенок?.. Я часто вспоминаю наше прошлое. Слишком часто. Кроме того, мальчик все равно будет похож на тебя. Это только говорится, что мой последний гражданский муж – будущий отец. На самом деле он суррогатный отец. На самом деле все мои дети, Андрей – это твои дети... Я рожая только мальчиков. Согласись, это преимущество. Мужчины всегда мечтают о мальчиках. И назову я будущего ребенка Андреем Андреевичем. Думаешь, совпадение? Нет, Андрей, это – не совпадение... Разве тебе не хочется наследника?

Летягин. Валерия, милая...

Валерия. Милая. Как приятно!

Летягин. Зачем вам это? Я – порочный, безнравственный человек. Кроме того, я жадный...

Валерия. Нисколько не жадный.

Летягин. Я люблю деньги. Ненавижу, но люблю. Более всего. Ваши бесконечные дети будут многочисленно страдать, то есть, ваши многочисленные дети будут бесконечно страдать. И что это за брак без чувств? Мы же больше не испытываем чувств. Ни вы, ни я, никто. Я понимаю, вы – жертва обстоятельств. Но и я – жертва обстоятельств. Если вдуматься, мы все – жертвы обстоятельств.

Магель. Блуждающие.

Летягин. Обидчики наши, слава Богу, здоровы, и кто знает, что случится с вами, со мной, со всеми нами? Завтра, послезавтра, через год?

Валерия. Не загадывай, Андрюша. Никогда не загадывай. Вот пока я загадывала – на меня одни только камушки сыпались. А как только загадывать перестала, тотчас Алексея Николаевича встретила, стратегического человека.

Летягин. Хороший?

Валерия. Хороший, но скучный.

Летягин. Не обижает?

Валерия. Тем и обижает, что скучный. Почему должна жертвовать собой? Во имя чего?

Магель. С годами я понял, друзья мои – не бывает отдельно обидчиков и жертв. Всяк одновременно является и обидчиком, и жертвой. Жертва провоцирует обидчика, тем самым выступая в роли обидчика, обидчик же является своего рода жертвой, ибо поставлен в такие условия, что не может не нанести обиды. Иными словами, загнан в угол. То же относится и к палачам. Палачей, напомню, никто не отменял.

Валерия. Вот, как раз, то – о чем я думаю.

Входит Козельскис, громоздкий и хмельной. Обрушивается на стол бутылку шампанского. Шумно усаживается, вальяжно вытягивает ноги.

Козельскис (слегка заикается). Нет, нет, и еще раз нет, Магель! Ни за что не соглашусь с тобой. Я покуда раздевался в прихожей, невольно подслушал ваш разговор. Ни за что не соглашусь с тобой. Палач – это палач, а жертва – жертва. Полюса. Без полюсов мир просто перевернется как ржавая баржа. И еще раз пере-

вернется. И так будет вертеться юлой, пока не потопнет окончательно. И не смотря ни на что, мы любим жизнь! Слава той женщине, что умудряется рожать детей в духовной тесноте. Слава! (*Валерии.*) Позвольте представиться – Козельскис Иван Иванович, друг этих вот двух охламонов.

Летягин. Как ты вошел?

Козельскис. Так у вас дверь нараспашку.

Картина третья

Летягин, Магель, Валерия, Козельскис.

Козельскис (*Летягину*). Послушай, Андрей, только умоляю, не торопись меня перебивать. А что, если, в самом деле?

Летягин. Что?

Козельскис. Что, если, в самом деле, тебе покончить со своей холостой жизнью? Скажу откровенно, мне девушка нравится. (*Валерии.*) Валерия?

Валерия. Валерия.

Козельскис (*Летягину*). Мне Валерия нравится. Девушка бойкая. Сколько можно бобылять, питаться хлебными крошками и выть на луну? Будем дружить домами, пить шампанское по пятницам. (*Валерии.*) Вы любите шампанское?

Валерия. Очень.

Козельскис. И я обожаю. (*Летягину.*) Будем по пятницам пить шампанское, играть в лото, а если хочешь, в подвижные игры на свежем воздухе. Уже пора, знаешь, в нашем возрасте начинать как-нибудь двигаться. Кроме того, насколько я понял, вас связывает какое-никакое прошлое. Да, не всегда удачное, но это

была, как говорится, проба пера. Вы были молодыми и нищими. Были лишены радости, вот что я тебе скажу. А юность без радости – это как ласточка без ног. Этой теме даже стихи посвящены. Мне очень нравится. Когда слышу, невольно слеза наворачивается. Хотя стихи детские. Летать, вроде бы может, а на веточке передохнуть уже не получается. Или на проводах. Они обыкновенно на проводах живописно так устраиваются. Обожаю. И молодость обожаю! А, между тем, впереди старость Андрей. Захочется моченых яблочек, а кто их вымочит? кто подаст?.. Подумай хорошенько. Пойдут, действительно, детки. Захочется детского топота, безудержного смеха. А дома тишина как в склепе. Куда годится? Невольно рука к рюмке тянется. Разве не так? (Валерии.) Скольких детей вы обязуетесь родить Андрею?

Валерия. Да хоть шестерых.

Магель (Козельскису). Зачем ты, Ваня?

Козельскис. Что?

Магель. Зачем дразнишь его?

Козельскис. А что такого я сказал? Оказывается, у него была семья. Я лично не знал. Ты знал?

Летягин. У меня не было семьи.

Козельскис. Нет?

Летягин. Нет.

Козельскис. На нет и суда нет... Подумалось, может быть что-то изменить. Исключительно из добрых побуждений.

Магель. Ты дурак?

Козельскис. Все, сняли тему... И что так возбуждаться? Или вы меня не знаете? Язык мой – враг мой.

Пауза.

Летягин (Магелю). Юлик, я реально схожу с ума.

Пауза.

Козельскис. Нет, все же скажу. (Магелю.) Он же в одиночестве сопьется. (Летягину.) Ты же в одиночестве сопьешься, Летягин. Вот ведь я о чем. Не более того. Вино – планида одиноких сердец.

Магель. Козельскис!

Козельскис. Сняли тему... И что я вечно лезу со своими советами? Дороже обходится, честное слово.

Пауза.

Летяги (Козельскису). Ваня, пойми, Валерия – случайная женщина. У нас, разумеется, ничего не было, разумеется...

Валерия. Кто случайная женщина?

Летягин (Козельскису). И, как ты знаешь, быть ничего не могло... Требуется пояснений?

Валерия. Я – случайная женщина?! (Летягину.) Если у нас ничего не было, зачем, в таком случае, ты пытался меня убить? (Козельскису.) Он, Иван Иванович, пытался меня убить.

Козельскис. Зачем?

Валерия. Вот и я задаюсь вопросом, зачем. И не нахожу ответа. Убить беременную женщину, это нужно иметь серьезный мотив... Может быть, ревность?

Козельскис (Летягину). Ревность?

Летягин. Какая ревность? При чем здесь ревность?!

Козельскис. Валерия утверждает, что ты ее ревновал... Если в ее словах есть хотя бы доля правды, выбрось это из головы, Андрей. Раз и навсегда. Ревность чрезвычайно опасна. Из ревности жуткие преступления

совершаются. Наш с тобой дворовый дружок Алимов, помнишь такого с заячьей губой? Первоначально себя порезал, показалось мало, домочадцев порезал. Соседей порезал, сапожника в сапожной будке порезал. Слушай, собаку порезал, уличная собака не сумела убежать. Можешь себе представить?.. Слушай, вернулся, облил дом бензином. Но поджечь не успел – кровью истек. Все кровью истекли... Пожарных порезал, они на запах бензина слетелись, а уж потом кровью истек. Слава Богу, поджечь не успел, а то быть пожару. (Валерии.) А как именно он хотел убить вас, Валерия?

Валерия (на глазах слезы). Раздавил меня машиной.

Козельскис (*Летягину*). Андрюша, это правда?.. Но это уже никуда не годится. Никто не лезет в твою личную жизнь, но это – слишком. (Валерии.) Может быть, случайно?

Валерия. Да это не важно. И то, что раздавил меня – не важно. Но он не хочет признать меня.

Козельскис. Не хочет признавать?!

Валерия. Не хочет.

Козельскис (*Летягину*). Андрей, почему ты не хочешь признать Валерию?

Летягин. Потому что Валерия – случайная женщина. Я тебе уже говорил. Случайная женщина случайно оказалась в моем доме. Я ее не знаю.

Козельскис. Да как же «не знаю», когда мы уже час сидим с ней за одним столом, болтаем о том, о сем?! Как же «не знаю»?!

Магель. Иван!

Козельскис (*Магелю*). Отстань! (Валерии.) Упрямуству-ет... А знаете, Валерия, давайте так порешим – пусть,

как хочет. На шута он нам сдался? Видите, какой он недотрога. (*Летягину*.) Ты – недотрога. Слышал?.. Что молчишь?.. Я тебе, Андрей, так скажу. Случайностей в природе не бывает. Это только кажется, случайность. На самом же деле – промысел, провидение. И если Валерии или нам с Магелем, или любому другому человеку было предписано оказаться здесь и сейчас, значит, так тому и быть. И вот тебе доказательство – мы здесь. И сейчас. Не вчера, слышишь, не завтра, а именно здесь и сейчас. И происходит движение судеб исподволь, незаметно. Как будто само по себе. Так, сидим, болтаем о том, о сем. И Валерия, конечно, с нами. Хорошая девушка, очень хорошая. Лично я бы к ней присмотрелся. А ты – как знаешь.

Козельскис шумно откупоривает шампанское, наполняет бокалы.

Козельскис. За его величество случай!

Магель. С языка снял.

Выпивают.

Магель. Судьба судьбой, но все же человек иногда, пусть не часто, может пытаться совершать выбор, принимать решения и совершать самостоятельные поступки. По крайней мере, пытаться.

Козельскис. Пытаться может. Почему нет? На здоровье, пусть пытается. Но если судьбе угодно, черта с два попадет.

Магель. Куда попадет?

Козельскис. Да хотя бы кончиком нити в игольное ушко.

Магель. Если не с похмелья, может и попасть.

Козельскис. А это уже если судьбе будет угодно.

Видишь, как получается?

Магель. Мне кажется, ключиком от этого замочка служит бескорыстность. Правильность выбора предопределена степенью бескорыстности.

Козельскис. Да, но всякая бескорыстность содержит в себе долю корысти.

Магель. Не всегда.

Козельскис. Всегда.

Магель. А неосознанный порыв души?

Козельскис. А что такое душа? Можно ли ее пощупать? Извлечь и представить, как субъект и объект?

Магель. Усыновление.

Козельскис. Как?

Магель. Усыновление, удочерение...

Козельскис. А вот я тебе расскажу историю из жизни неких Жовчуков.

Магель. Так и сыплет анекдотами.

Козельскис. Не анекдот – случай из жизни. Была такая семья Жовчуков. У них дача располагалась неподалеку от нашей. Шапочное знакомство. Так, пару раз на берегу озера встречались на рыбалке, здоровались, не более того.

Магель. Судя по тому, как ты заранее открещиваешься от них, Жовчуки совершили что-то предосудительное.

Козельскис. Ты слушай, не перебивай... Итак, Жовчуки эти усыновили мальчика. Долго оформляли документы, история, как ты знаешь, непростая. Те еще мытарства! Наконец, дело было сделано, и Егорка, так звали мальчика, обрел дом. Егорка был мальчиком неказистым. Горбатенький, с тиками. Заикался как я. Много хуже чем я. Разобрать, что он там лепечет, мож-

но было, только приложив значительные усилия. Жовчуков предупреждали – мальчик из проблемной семьи. Его настоящий отец был чем-то наподобие колдуна. Его приглашали в поля изгонять змей. Ясное дело, змеям не нравилось, что их изгоняют, колдуна они не любили, всячески стремились избавиться от него. Так он и погиб от укуса гюрзы. Но не о том речь. Хотя история любопытная. Вот как он их изгонял? Какие-то заклинания, наверное? Какие-то ритуалы? Один сведущий в таких делах человек говорил, достаточно такому колдуну справиться малую нужду на подорожник и гадюк как не бывало. Но речь не об этом. Вернемся к Егорке и его новоиспеченным родителям, Жовчукам то есть. Как я уже говорил, оформление документов на усыновление – процедура невозможно хлопотная. Да ты и без меня знаешь. Однако Жовчуки упорно занимались этим делом. Притом сами не то, чтобы нищенствовали, но близко к тому. Впроголодь жили, можно и так сказать. По тем временам многие так жили... Такая деталь – у них на двоих одна лыжа была. Как они зимой в лесу с одной лыжей управлялись? Как-то управлялись. Не о том речь. Хотя деталь существенная. Так вот. Среди сирот встречались прекрасные дети, сущие ангелы. Однако Жовчуки выбрали, прямо скажем, уродца. Почему выбор пал именно на уродца? Разумеется, первая мысль, что приходит в голову – из жалости. Из жалости к кому? К Егорке как будто, то есть к тому безнадежно больному некрасивому мальчику. Бескорыстие?.. Что скажешь?

Магель. Не знаю. Наверное.

Козельскис. То-то и оно. Замечательно похоже. На

деле же выяснилось – не из жалости к Егорке вся эта катавасия была затеяна, но с тем, чтобы посредством Егорки вызывать жалость к себе. Так на них, Жовчуков, никто внимания не обращал. Да они из дому-то не выходили, чтобы на них внимание обращать. А теперь что же они сделали? Нарядили Егорку в матросский костюмчик. Понятно, с тем, чтобы подчеркнуть его убогость. Я понимаю, когда в матросский костюмчик одевают мальчика ладного, миловидного. А здесь? Согласись, можно было бы подобрать что-нибудь попроще, поскромнее. Но у Жовчуков были иные цели и задачи. И далеко идущие планы. Итак, нарядили Егорку в матросский костюмчик. Уж лучше бы они ему купили костюм пожарного с касочкой. Мальчик мог бы играть в пожарного. Но об этом позже. Нарядили в матросский костюмчик. Явили контраст, так сказать. И принялись фланировать. Первоначально – по соседям ходить, как будто «на минуточку», а потом – и во все по незнакомым людям. Как будто за солью, или, например, справиться, когда свет отключат, когда машина за мусором приедет или еще что-нибудь в этом роде. Вот вам, Валерия, интересно будет. Вы-то уже не застали, ваше поколение не застало. В те времена за мусором специальные машины приезжали. В кузове размещался специальный механизм, наподобие пресса, и мусор превращался в этакую разноцветную массу. Очень любопытно было наблюдать, как это происходит. Я любил наблюдать... Между делом об отце-колдуне рассказывали. Егорке с этой целью даже змейку деревянную купили. Понятно, с тем, чтобы высветить его темное родство. А Егорка, надо сказать, отца своего

совсем не помнил. Хотя и тянулся к нему изо всех сил... А такие змейки на черноморских курортах продавались. Курорты в те времена замечательные были... Вот вам, Валерия, интересно будет. Фонтаны, сталинский ампир. А мороженное? Какое было мороженное? Не о том речь. Заставляли мальчика стихи читать. Преимущественно Агнию Барто. Не трудно догадаться, какая там выходила мелодекламация. Невольные зрители рыдали. Не понаслышке знаю. Жовчуки с сынишкой и к нам как-то раз заглянули. Мальчик, когда услышал, что я немного заикаюсь, ручками ко мне потянулся. – Вы мой папа? (На глазах слезы.) Вы мой папа?.. Во мне все оборвалось. Точно молния по мне прошла... Следовательно, хотя и образовались в Егоркиной жизни Жовчуки, как родителей своих он их не опознал, и бессмысленный поиск отца в душе продолжал...

Магель. Ваня, очень долго.

Козельскис. Что?

Магель. Чем дело-то кончилось?

Козельскис. Добрые люди стали Жовчукам давать деньги, провизию, одежонку, все такое. Аферисты, известное дело, округлились. И Егорка...

Магель. Ваня-а-а!

Козельскис. Кончилось все, конечно, печально. Такие истории непременно печально заканчиваются. Расплата не заставила себя ждать. Однажды ночью мальчонка добрался-таки до спичек, которые были ему категорически запрещены, и хату целенаправленно подпалил. Сгорели все. И Жовчуки, и сам Егорка. Как говорится, и белка, и свисток. И костюмчик, и змейка... Вот такая бескорыстность, и такое милосердие.

Пауза.

Валерия. Кошмар!

Козельскис. Именно.

Валерия. Теперь они мне сниться будут.

Козельскис. Не исключено. Мне часто снятся.

Пауза.

Магель. Допустим, я соглашусь. Допустим. Эти истории с усыновлением часто с душком оказываются. Соглашусь. А вот, к примеру, кошка? Зачем кошек в дом тащат? Животное бессмысленное, мыши давно уже перевелись. А мы тех Мурок кормим, поим, лечим, чистим шерстку. Беседуем с ними. Пытаемся беседовать.

Козельскис. Стоп!

Магель. Что?

Козельскис. Вот оно! Беседуем с ними. Ты сказал, не я. И тотчас попал в ловушку. Беседа, дорогой мой – это не тят-ляп, беседа – это уже серьезно. Сущностная необходимость. То есть, подсознательно, приобретая кошку, мы рассчитываем на удовлетворение потребности в беседе.

Магель. Да, но беседа в данном случае носит односторонний характер. С тем же успехом мы можем беседовать со шкафом или диваном. Вот именно.

Козельскис. Передергиваешь карту.

Магель. Не передергиваю.

Козельскис. Что же ты никогда не слышал, как разговаривают кошки?

Магель. Да разве можно невнятное «мяу» назвать речью?

Козельскис. Невнятное?! Тысяча интонаций, голуба

моя. Тысяча! И если человечество не умудрилось изучить их язык, это не означает, что его не существует. Равно, как и собачьего, птичьего, овечьего и прочих диалектов.

Магель. Диалектов?

Козельскис. Да, я бы назвал кошачий язык диалектом.

Магель. Ну, это уже слишком.

Козельскис. Не слишком.

Пауза.

Валерия. Нипочем не догадаешься, о чем они думают, эти кошки.

Козельскис. И пока мы не разучимся врать себе, так и будет.

Пауза.

Магель. Откровенно говоря, не хотелось бы поднимать тост за кошек.

Козельскис. А я настаиваю! Именно тост, и именно за кошек. Воистину они никак не заслужили столь упорного отрицания.

Магель. За кошек?

Валерия. За кошек!

Козельскис. За кошек!

Магель. Вот именно.

Выпивают.

В комнату врывается Нина.

Нина (кричит, будто издалека). Лера, что они с тобой сделали?!

Валерия (кричит, будто издалека). Нина, наконец-то!

Нина. Что они с тобой сделали?!

Валерия. Все хорошо, Ниночка, все хорошо!

Нина. Лера, ты на себя не похожа!

Валерия. Знаю. Я видела себя в зеркале.

Нина. Будто бы совсем другой человек. Лера, это ты?

Валерия. Это я, Нина.

Нина. А где Валерия?

Валерия. Здесь. Это я, Нина.

Нина. Это правда?

Валерия. Конечно.

Нина. А что случилось?

Валерия. Голова болела.

Нина. А теперь?

Валерия. Уже не болит.

Нина. Как будто бы другой человек.

Валерия. Это после шампанского.

Нина. Ты пила шампанское?

Валерия. У Шумских.

Нина. Ты была у Шумских?

Валерия. Шумский угощал шампанским и бананами.

Нина. Но ты на себя не похожа.

Валерия. У меня после шампанского всегда так.

Нина. А почему ты кричишь? Ты не слышишь, Лера?

Валерия. Слышу.

Нина. А почему кричишь?

Валерия. Ты кричишь – и я кричу.

Нина. Как будто бы не слышишь меня.

Валерия. Слышу очень хорошо.

Нина. Все хорошо?

Валерия. Все замечательно.

Нина усаживается за стол.

Нина. Когда ты позвонила, у тебя был такой голос. Мне показалось, что-то случилось.

Валерия (*сияет*). Нина!

Нина. Голос у тебя был такой, как будто бы что-то случилось.

Валерия. Нина!

Нина. У тебя ничего не случилось?

Беззвучно входит Бретузов. Сделав пару шагов, становится таким образом, что присутствующие не видят его.

Валерия поднимается из-за стола, подходит к Летягину, обнимает его плечи.

Валерия. А посмотри-ка, Нина, кто это?

Нина. Кто?

Валерия. Не узнаешь?

Нина. Нет.

Валерия. Ты его не знала?

Нина. Нет.

Валерия. А это мой Андрейка.

Нина. Андрейка?

Валерия. Андрейка.

Нина. Хороший Андрейка.

Валерия. Хороший?

Нина. Очень хороший.

Валерия. Красивый?

Нина. Очень.

Валерия. Он мой принц!

Летягин освобождается от объятий Валерии, пытается встать.

Валерия (*удерживает Летягина*). Андрей, не уходи, прошу тебя. Я больше не буду.

Валерия возвращается на свое место.

Валерия (*Нине*). Смутился. И немного обиделся.

Нина. Обиделся? На что?

Валерия. Не любит, когда я называю его Андрейкой.

Летягин. Я не люблю, когда обо мне говорят в третьем лице.

Валерия. (Нине.) Хотел уйти.

Летягин. Я не люблю, когда обо мне говорят в третьем лице.

Нина (*Летягину*). Но вы вернетесь?

Летягин. Я никуда не ушел.

Нина. Вернетесь?

Летягин. Вернусь.

Валерия (*Нине*). Обязательно вернется... Ой, да что же я? Нина, знакомься, это мои новые друзья – Юлиан Эдуардович Магель, доктор, а также Иван Иванович Козельскис... (*Козельскису*.) Простите, Иван Иванович, я не знаю вашей профессии.

Козельскис. Бизнесмен. То есть, человек дела. Я, видите ли, сторонник русского языка. Так что «человек дела». По-моему звучит не хуже, чем бизнесмен. А, пожалуй, что и лучше.

Нина. А я – Нина.

Козельскис. Простите, а по отчеству?

Нина. Просто Нина... А какой у вас бизнес, Иван Иванович?

Козельскис. Вы хотели спросить, каким делом я занимаюсь?

Нина. Да.

Козельскис. Признаться, уже и не помню. Запустились в лихих девяностых. Как говорится, запустили маховик. Оказалось, запустили удачно. С тех пор мелет и мелет, мелет и мелет...

Магель. Маховик мелет?

Козельскис. Маховик.

Магель. Что мелет?

Козельскис. Муку мелет. Все подряд мелет. Говорю же, не помню. Он – сам по себе. То есть, моего участия уже не требуется.

Нина. А сейчас чем занимаетесь?

Козельскис. Встречаюсь с друзьями, пью шампанское. Одним словом, живу.

Нина. Разумеется, женаты?

Козельскис. Разумеется. Но это ни о чем не говорит.

Нина. О чем не говорит?

Козельскис. Ни о чем.

Нина. Ну да, ну да. (*Летягину*.) А вы, Андрей – бывший муж Валерии?

Летягин. Я не знаю такую женщину. То есть, не знал до сих пор.

Нина. Но теперь познакомились?

Летягин. Теперь познакомились.

Нина. Понравилась вам Валерия?

Летягин (*иронично*). Очень.

Нина. А вы чем занимаетесь, Андрей?

Летягин. А я – тот самый маховик.

Нина. Выходит, работаете с Иваном Ивановичем?

Летягин. Исключительно по части шампанского.

Нина. Но уже успели полюбить?

Летягин. Кого?

Нина. Валерию.

Летягин. Очень.

Бретузов выходит из своего укрытия. В руке пистолет.

Бретузов (*Валерии*). Вижу, ты недавно помыла голову?

Валерия. Болела.

Бретузов. Голова болела?

Валерия. Болела, да. Голова.

Пауза.

Бретузов. Вся помылась?

Валерия. Почему?

Бретузов. Приняла ванную?

Валерия. Нет, только голову помыла.

Бретузов. В предвкушении?.. Что молчишь?

Валерия. Не знаю, что сказать.

Бретузов. Правильно. Что тут скажешь?

Нина (*Бретузову*). Здравствуйте, Алексей Николаевич.

Бретузов (*Валерии*). Вот, собственно, и все. В подобной ситуации лишних слов, думаю, не требуется?.. Как там, Нина, у классика? Бац?

Нина. Не знаю.

Бретузов. Ты же любишь классиков?

Нина. Не знаю.

Бретузов. Как он там говорил?

Нина. Кто?

Бретузов стреляет в Валерию.

Валерия падает.

Бретузов. Бац!

Действие второе

Картина первая

Магель, Бретузов, Козельскис и Нина за столом. Пьют чай.

Валерия на диване, не шелохнется.

Бретузов. Куда делся этот прохиндей?

Магель. Ушел за коньяком. Разве вы не видите, в

доме кончился коньяк. Хозяин не предполагал такого количества гостей. Вот именно.

Бретузов. Ушел куда?

Магель. Ушел за коньяком.

Бретузов. А что, благородное собрание уже не может обходиться без горячительного?

Козельскис. Обидные вещи вы говорите, Алексей Николаевич, честное слово.

Бретузов. Должное. В окно постучалась беда. Фигурально выражаясь. В подобного рода ситуациях надобно освещать и указывать. Окиньте взором. Вы же вымерли практически. Не взирая на молодость, ваше поколение – реликты. Разрушили все. Силенок-то не меряно. Бесконечная зима. Эпидемии. Все – благодаря вам. Все не можете согреться. Чем занимаетесь? Виселицу для жирафа строите? Воздушные акведуки тянете? Мошны штопаете?

Магель. Какое богатство метафор!

Бретузов. Я, уважаемый, не знаю вашего имени-отчества, в ваших оценках не нуждаюсь... А где, собственно, виновник торжества?

Козельскис. Вы имеете в виду Летягина?

Бретузов. Летягин – не Летягин, не знаю. Андрей, кажется. Хозяин дома. Куда делся хозяин дома?

Магель. Вы уже спрашивали. Ушел за коньяком.

Бретузов. Как бы не так! Бежал. Трусливо бежал с поля брани. Напакостил и бежал. По-видимому, парень из робкого десятка этот бывший муж. Ничего удивительного в том, что он бросил девочку с шестерыми детьми. Было бы десять – с десятерыми бросил бы... Фактически мать-героиню... «Мать-

героиня»! Кому я говорю? Кого увещаваю? Вы и слов таких не знаете.

Нина (*Бретузову*). Не было у нее детей, и мужа не было никогда. Это всего лишь мечта. Мечта о муже. И детях.

Бретузов. Детей не трожь, Нина. Дети не должны страдать. Мать-трясогузка – сколько угодно, а дети ни при чем.

Козельскис. Вы хотели сказать «вертихвостка»?

Бретузов. Я, уважаемый, не знаю, как вас по имени-отчеству, в отличие от вас, умею четко формулировать свои мысли. Пока вы мешком под стол ходили, я уже стратегические планы составлял... Как видите, у меня прекрасное чувство юмора. Другой бы сказал, «пешком под стол ходили». Я же фразу немного переиначил, получилось смешно. Кто знает толк в перевертышах – охотно смеются, тем самым продлевая себе жизнь. Иные жизни имеет смысл продлевать. А некоторых – тотчас в расход. На том стоим. Я и мои товарищи. Те, кого с опытом и наградами вышвырнули на помойку, видите ли, ко двору вам не пришлись. Ну, что же, живите вне плана и побед.

Нина (*плачет*). Она ранимая и жизнерадостная была, а вы ее убили. За что, Алексей Николаевич?

Бретузов. Не убил. К сожалению. Но убью. Еще не вечер.

Нина. Да как же не убили?! Как же не убили?!

Бретузов. Разве я произвожу впечатление выжившего из ума?..

Бретузов бросает пистолет на стол.

Бретузов. Пугач. Я, извольте видеть, покуда еще соек толченым стеклом не кормлю, чтобы стрелять из

настоящего оружия. Хотя наградное оружие имеется. Откровенно говоря, пули жалко. Это я наперед объявляю, если у кого-либо из присутствующих возникнет соблазн надругаться над беспомощным стариком.

Магель закатывается от смеха. Смеется долго. Пытается, но не может остановиться.

Бретузов. Полейте его кто-нибудь водой.

Магель. Простите, нервное.

Бретузов. Видите, до какого состояния вы себя довели?

Нина направляется к Валерии, тормошит ее.

Нина. Валерия, вставай. Алексей Николаевич пошутил. Вставай, Лера. (*Присутствующим.*) Не встает.

Магель. Пускай детка поспит. Вот именно. Ей нужно отдохнуть.

Бретузов извлекает из внутреннего кармана пиджака бутылку водки, протягивает Магелю.

Бретузов. У меня по-простому, по-русски. Водочка. Разливайте.

Магель разливает водку.

Выпивают.

Магель. А вы потрясающий человек, Алексей Николаевич!

Бретузов. Держитесь меня, не пропадете.

Магель. И собеседник интересный!

Бретузов. Беседа – великое искусство, молодой человек! Когда бы ни беседа, мы бы ни за что не смогли отличить людей мнимых от людей подлинных. И вечно ходили бы в дураках, что не мешает нам быть таковыми и при полном молчании!.. Я им говорил, и тем, что наверху, и тем, что на самом верху. Прежде чем решать

вопросы экономического, космического, ведического и всякого другого характера – прежде отсортируйте. Отделите зерна от устриц. Им как раз устрицы были явлены, вот они целыми днями их обсуждали. А, между делом, вершили государственные дела. Но к тому времени к моим советам уже не очень прислушивались... Возьмите красные и синие химические карандаши, говорю им, и твердо проведите линии. Не обязательно на карте, пусть это будет самый обыкновенный листок в клеточку. Но только сделайте это твердой рукой. Раз и надолго. И себя спасете, и тех, что за чертой останутся!.. Где там? Они уже забыли как выглядят химические карандаши. А, не исключено, что и не знали никогда. В лучшие годы, я бы их, нисколько не иронизирую, просто вывел бы во внутренний дворик, да и расстрелял бы. Спросите, зачем? А я вам скажу. Потому что так было принято. Таковы были условия игры... Теперь осуждаю, конечно. И себя осуждаю. Потому что так принято... Всегда был неумолим в своем стремлении следовать линии победителей. Какой бы кривой ни была бы эта линия. Неумолим и бескомпромиссен. И ни разу не ошибся в своем выборе. Соблазны и разночтения, молодой человек – не для меня... Вот это и есть стратегия. Стратегия и тактика одновременно... Но правду люблю. И справедливость. Хотя, с годами осознал – это великая глупость. Не будет справедливости. Теперь спрашиваю себя – а нужна ли она вообще?.. Этот и другие вопросы душат. Задушили уже... Голова совсем не отдыхает.

Магель. Ах, какой собеседник! Воистину, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Пауза.

Бретузов (*шепотом*). Что у них с Валерией?

Магель. У кого?

Бретузов. У товарища вашего.

Магель. Ничего.

Бретузов (*тихонько смеется*). А я приблизительно так и предполагал. Потому и выстрелил. Как «Аврора». Не напомнило вам?

Магель. Неожиданная мысль.

Бретузов. Сложными ассоциациями пренебрегать нельзя. Ни в коем случае... Жизнь нельзя упрощать. Ни в коем случае... Упрощая жизнь, мы, тем самым обесцениваем ее... С другой стороны, и пугачем, знаете, иногда убить можно. Хочется напомнить известные слова – будьте бдительны. Как видите, я и цитатами не брезгую. Дабы не складывалось впечатление, что мои построения и заключения высосаны из пальца. Только вдумайтесь – шестьдесят пять лет в строю. И нога в стремя не ослабевает. Еще хожу на танцы и с норвежскими палочками. Соответственно, мужская сила в полном порядке.

Магель. А не складывается у вас впечатления, уважаемый Алексей Николаевич, что всякое убийство есть акт подсознательный? Нечто наподобие пароксизма. Припадка, то есть. Даже если преступление и продумано предварительно, то есть, когда накануне составлен план, в момент собственно совершения преступления, человек отключается. Как будто рукой его водит некто другой. Не он сам... Вот эксперты определяют, вменяем – невменяем. А возможно ли вообще существование таких-то критериев, когда мы не

умею с уверенностью сказать – кто мы? откуда? куда? идем или на месте стоим? И когда провозглашено – чему быть, того не миновать.

Козельскис. Сколько веревочке не виться...

Магель. Я как раз давеча проводил мысль о том, что жизнь свою мы проживаем, себя не помня.

Козельскис. И не ведая. Я бы еще добавил «не ведая».

Магель. И не ведая. Отсюда ошибки, которые коверкают судьбы осужденных, судей, а также, в последствие, их семейств. Вот я вам приведу пример. Клинический случай, вызвавший множество споров в экспертном сообществе. Давняя история. Не менее пятнадцати лет. Некто М., назовем его М., так как, на мой взгляд, расследование еще не окончено, так вот этот самый М. убил. Не просто так убил – отрезал голову случайному человеку, оговорюсь, будто бы случайному человеку, который случайно заглянул к нему в гости, возможно, перепутав адрес. Да, людей М. недолюбливает. Воевал в горячих точках, сидел в тюрьме, лишился обеих ног и левой руки. Так что недолюбливать людей, согласитесь, основания имеет. Гостя жизни лишил по причине неопознанной. Гостя не звал, не ждал. Что произошло и каким образом не знает. Не помнит. Вообще не помнит тот ужасный день. Как и многие дни своей жизни, ничемной и легендарной одновременно. Но страдает. От греха не отказывается, вину признает целиком. Наказание понес, как если бы целенаправленно убил. Говорит, что вину принял с радостью, ибо, по воле провидения, всевозможные преступления совершал регулярно. Ими не вдохновлялся, но и не противился им. Хотя в данном происшествии сомневается. И в

госте сомневается. И в себе сомневается. Временами. Порой прискорбное событие категорически отрицает, порой гордится собой. Как узником совести. Заложник беспросветных буден. Вот именно. Он как дикобраз среди свинок. Так думает о себе. Возможно, что так оно и есть. Кто знает, кто мы, что мы? Я рассказывал ему о пророчествах, когда все мы превратимся в стадо свиней. Слышали о таком пророчестве?.. Речь о Промысле. Как всегда. Понимаете, чей Промысел я имею в виду? Верите в Промысел? Впрочем, это не имеет значения. От того, верите вы или нет, ничего не изменится. Ведь так?.. Для того чтобы превратиться в свинью вовсе не обязательно жрать помой и валяться в грязи. Такие метаморфозы – процесс скорее нравственный, духовный... Дикобраз среди свинок. Вишь, как повернул? Ну, что же, дикобраз, так дикобраз. Его не переделать, дикобраза-то. Дикобразами в отличие от свиней рождаются, Алексей Николаевич. Видите, как получается?.. Порой от нашего М. можно услышать безнадежное «поделом». К чему и кому относится «поделом» - не поясняет. Выяснить же, подразумевает болезненный жертву или палача, не представляется возможным. Он всегда в движении. Мнения, суждения меняет на лету. Громокипящий кубок. Колба алхимика. Чаще всего прискорбное происшествие относит к разряду мистики или фальсификаций. Иногда представляет галлюцинацией, или провокацией. Или наветом, или словоблудием, или вовсе пусканием ветров. Но допускает, что подобное несчастье могло иметь место. С ним или с кем-либо другим... Да ради Бога! – так говорит. – Ибо головы отрезают сплошь

да рядом, - говорит. – Так как это его, человечества, излюбленное занятие с незапамятных времен, с того момента, когда оно осознало свое превосходство и абсолютную власть над прочими тварями аккуратно по причине владения этим органом, беспощадно изуродованным разумом. Так говорит. Декларирует, что многократно наблюдал подобное явление на войне, в тюрьме, на рынках, во время путешествий и загородных прогулок, в бане, на пикниках и на рыбалке. Признал вину, ибо «как не признать, когда на трупе попался»? А это уже сарказм. Милиция нагрянула к нему недели через две, когда следы преступления, если таковое и было, простыли навсегда. А то и через три недели. Могу ошибаться, хотя в таких делах точность требуется. Но я – не следователь. Был бы следователем – другой коленкор, другой спрос... Голову отрубил лопатой. Труп выносил в большом мешке из-под муки. Голову – отдельно в авоське. При этом пел. Что именно исполнял – не помнит. И пел ли вообще, не помнит. Лично я ни разу не слышал, чтобы М. пел. Потом, у певцов совсем другой характер. И во внешности его нет ничего общего с любимцами муз. О том, что пел, сам он узнал от соседей. Будто бы звучало что-то легкомысленное. Из оперетки. Почему пел? На мой взгляд, от страха... Что-либо анализировать, размышлять, вообще думать решительно отказывается. Возможно, наигрывает слабоумие... Соседи наблюдали за перемещениями Можайского с мешком и авоськой более часа. Непростое дело человеку без ног и руки избавляться от трупа. Это посложнее, чем, нежели проникнуть в приснопамятное игольное ушко, раковину или ушную раковину.

Пожалуй, даже сложнее, чем покорить Монблан. Согласитесь, при современной технике и снаряжении покорение Монблана уже не выглядит диковиной... Да и выносить останки решился не сразу. Какое-то время голову в тумбочке держал. Возможно, беседовал с ней. Вот это на него похоже. Но то, что пел? Наверяд ли... Точно не пел. Так думаю. Больше, чем уверен. Хотя, сомнения остаются, разумеется... Впрочем, ни тело, ни голова жертвы до сих пор не найдены. Что, безусловно, смущает, и побуждает к разночтению. Быть может, в мешке и тумбочке, а позже в мешке и в авоське содержалось совсем не то. Арбузы, картофель, капуста, мусор... все что угодно. А, может быть, был спрятан другой человек. И необязательно мертвый. Предположим, пьяница или женщина. В порядке допущения. Почему нет? Или животное. Кабан или медведь. Или чучело кабана или медведя. Или крупная птица. Та же цапля, например. Или кабарга. Вот именно. Или пара-тройка росомах. Почему нет? В порядке допущения. Но, извольте видеть, мысли об убийствах и расчленениях с некоторых пор приобрели столь гремящую актуальность, что не трудно догадаться, какая версия происшествия стала основной для соседей и следствия. Поскольку разобраться в неведомых событиях довольно сложно, практически невозможно, посадили его спешно. По-хорошему такой процесс должен был бы лет на пять-семь затянуться. Это же нужно сопоставить существующие и вымышленные события, определить приоритеты, провести ряд экспериментов с тем же содержимым мешка и тумбочки, а, в последствие, мешка и авоськи, назначить

свидетелей, как убийства, так и его отсутствия, свериться с законодательством, наконец. Сами посудите, когда и кому этим заниматься?.. Так что, все в мире относительно и неведомо одновременно. И влиять в особенности решительным образом на судьбы других людей мы права не имеем, ибо, как сказано, но не усвоено, не ведаем, что творим... Что скажете?

Бретузов. Либеральная идея. Скорее затея. Прямой путь к распаду.

Магель. К распаду чего?

Бретузов. К распаду всего. Вы, как я понимаю, на развал государства нашего нацелились? Так вот, я вам скажу, если ваши мысли провести до логического завершения, то есть, до очередной сдачи Порт-Артура, развалится всё и все. Наподобие Вавилонской башни или сахарного домика, включая его карамельных обитателей. В зависимости от предпочтений.

Нина. Сахарный домик, какой он? Я никогда не видела.

Бретузов. Сладкий... (*Магелю.*) Между тем я мог бы с вами согласиться. С единственной оговоркой. Виноваты все. И всегда. Сам человек по происхождению и в сущности своей – преступник. Его земная жизнь – суд. Уж не знаю, страшный или потешный. Смерть же его – приведение приговора в исполнение. А убивает он или не убивает, осознанно убивает или при помутнении рассудка – не имеет большого значения. Вообще не имеет значения. По большому счету и вы, и я, все должны сидеть. Камер хватит – эвона какое строительство повсеместно развернулось.

Козельскис. Но вот вопрос – если всех посадить, кто же в таком случае будет нас охранять? (*Смеется.*) Вот ваша

конструкция и распалась. Как сахарный домик.

Бретузов (*Козельскису*). Это, с какой стороны посмотреть.

Козельскис. Что вы имеете в виду?

Бретузов. Вот вам с какой стороны удобнее?

Козельскис. Что?

Бретузов. Смотреть.

Козельскис. Все равно.

Бретузов. Равнодушие. Примета безвременья.

Пауза.

Магель. Нет, как вам это нравится? Ария из оперетки. Нелепость. С другой стороны, какая разница? Исполнял бы «дубинушку», разве это что-то изменило бы? Только представьте, «Дубинушка».

Бретузов. «Дубинушка» естественно не годится. «Дубинушка» - гимн миллионов.

Магель. А сами-то вы, Алексей Николаевич, верите, что он убил?

Бретузов. Откуда мне знать?

Магель. Но любопытно, не правда ли?

Бретузов. Нисколько.

Козельскис. И тотчас сами же проявили равнодушие.

Бретузов. Нисколько. Исключительно рацию.

Магель. Согласитесь, представленное мной событие носит характер трансцендентный, метафизический. Впрочем, как и всякое событие нашей жизни. Хоть убийство, хоть пускание мыльных пузырей, хоть угадывание чисел, хоть продажа меда, хоть прилаживание петли... К числам у меня свой счет. Вот как вы думаете, дьявол – это кто или что? Случись изобразить, каким бы вы его представили? Как принято,

ряженным с козлиной бородкой? Словом, кто таков дьявол, по-вашему?

Бретузов. Не знаю. И знать не желаю.

Магель. Число... Мысль не моя – мнение вполне авторитетных людей.

Бретузов. И кто, по-вашему, авторитетные люди?

Магель. Имен называть не буду, но, поверьте, есть люди, темой владеющие не понаслышке.

Картина вторая

Магель, Бретузов, Козельскис и Нина за столом.

Валерия на диване.

Входит Летягин, в руках сумки. С ним врач «Скорой помощи» с медицинским чемоданчиком.

Летягин. Да, вот сюда, пожалуйста, проходите.

Летягин передает сумки Магелю, подводит врача к Валерии.

Врач осматривает Валерию. Поднимается. Только сейчас обращает внимание на присутствующих.

Крылоконь. Добрый вечер. Устал немного, сразу не поздоровался.

Летягин. Что, доктор?

Крылоконь. К сожалению, ничего утешительного.

Летягин. Что с ней?

Крылоконь. Мертва к сожалению.

Пауза.

Нина пронзительно кричит.

Умолкает.

Магель. Ну, в общем, я уже констатировал...

Нина (*исступленно кричит*). Нет!

Пауза.

Бретузов (*Крылоконю*). Она в положении, может быть, это имеет значение?

Крылоконь. Какой срок?

Бретузов. Недели три-четыре.

Валерия. Шесть недель.

Бретузов. Шесть недель. Я подумал, может быть, это имеет значение?

Крылоконь. К сожалению, уже нет.

Пауза.

Бретузов. Подумал, может быть, плод удастся сохранить?

Крылоконь. Увы.

Нина (*кричит*). А вы сделайте что-нибудь!

Крылоконь. К сожалению, бессилен.

Нина. Сделайте!

Крылоконь. Невозможно.

Нина. А вы все равно сделайте!

Пауза.

Летягин (*Крылоконю*). А как давно она умерла?

Крылоконь. Более точно покажет вскрытие, но я предполагаю, часа два-три назад.

Нина. Ходила, разговаривала с нами!.. И сейчас говорила. Вы не слышали разве?! Не слышали?! Только что, буквально только что...

Крылоконь. Это особенно ранит. Примите мои соболезнования.

Нина. Нет!

Крылоконь. Совершенно искренне.

Валерия. Нина, оставь его в покое. Он – циник. Все врачи циники. (*Вздыхает.*) Несчастливые люди.

Нина (*Крылоконю*). А вы сделайте что-нибудь, вы

можете!

Летягин идет за стол, наливает полный бокал водки, выпивает одним залпом.

Магель. А какова причина смерти, доктор?

Крылоконь. Возможно отравление. Или внутреннее кровоизлияние. Похоже, перенесла травму. Она не падала, не ударялась?..

Валерия. Я не помню. У меня что-то с памятью. И ужасно болит голова.

Крылоконь (*Магелю*). Давно она здесь?

Магель. Недавно.

Крылоконь. Это ваша супруга, простите?

Магель. Нет.

Крылоконь (*присутствующим*). Но среди вас есть кто-нибудь ее родственники?

Бретузов. Я – ее гражданский муж. Это я в нее стрелял.

Крылоконь. В каком смысле?

Бретузов. В прямом.

Крылоконь. Но я не видел пулевого отверстия.

Бретузов. Разумеется. Я ее люблю.

Крылоконь. А должно быть?

Бретузов. Что?

Крылоконь. Пулевое отверстие должно быть?

Бретузов. Откуда ему взяться?

Пауза.

Козельскис (*Крылоконю*). Ну, что вы стоите как на перроне, честное слово. Бросайте свой чемоданчик. Идите за стол, доктор. Просим вас, проходите, пожалуйста. Чем богаты, как говорится.

Крылоконь. Надо вызвать полицию.

Козельскис. Успеется с полицией. Как на перроне,

честное слово. Проходите за стол.

Козельскис двигает стул, на котором сидела Валерия.

Козельскис. Вот местечко вам. Здесь как раз Валерия сидела. Девушку Валерией звали.

Валерия. Нет, нет. Мое место прошу не занимать. Я уже встаю.

Козельскис (*Крылоконю*). А тогда вот сюда, пожалуйста. Здесь вам еще лучше будет.

Козельскис показывает свободный стул.

Крылоконь. Неловко.

Магель. Какая может быть неловкость?

Крылоконь. В аккурат на вашем вызове машина забарахлила. Ехать дальше нет возможности. Водитель пытается починить. Предполагаю, это – надолго. Молодой парнишка, неопытный.

Валерия встает с дивана, усаживается на свое место.

Валерия (*Летягину*). Помнишь, Андрей, раньше над диваном коврик висел? Трогательный такой, с олешками.

Бретузов (*Валерии*). Что ты такое говоришь, Валерия?

Валерия. Воспоминания. Картинками, кадрами. Как кино. Кинокамера. Кино.

Бретузов. И с какой целью ты это говоришь?

Валерия. Просто так.

Бретузов. Просто так, знаешь – это с горки катаются просто так.

Валерия. Странно, маму вижу, сестру маленькую вижу, даже одноклассника своего, Мотю Крутиформиса, вижу, а вас, Алексей Николаевич, не вижу. Почему так? (*Магелю*.) Юлиан Эдуардович!

Магель. Что, детка?

Валерия. Скажите, почему так?

Магель. Что, детка?

Валерия. Маму вижу, сестру маленькую Олю вижу, даже одноклассника своего, Мотю Крутиформиса, вижу, а Алексея Николаевича, не вижу. Почему так?

Магель. Не знаю, детка. (*Крылоконю.*) Давно на Скорой?

Крылоконь. Сорок лет без малого.

Магель. А в психбригаде не работали?

Крылоконь (*улыбается*). Магель?.. Юлиан Эдуардович?

Магель (*улыбается*). Он самый.

Крылоконь. А я – Крылоконь.

Магель. Да помню я. Игорь...

Крылоконь. Петрович.

Магель. Чертяка!

Магель и Крылоконь обнимаются.

Магель (*Крылоконю*). Ну, давай же, выпьем поскорее. За встречу! (*Присутствующим.*) Друзья мои, встретились два старинных друга. Два старинных врача. Фактически Чук и Гек. Прошу поднять бокалы. За нас. За всех нас!

Выпивают.

Бретузов (*Летягину*). Вспоминает тебя.

Летягин. Кто вспоминает, кого вспоминает?

Бретузов. Не строй из себя дурака. Тебя вспоминает. Хочет вернуться.

Летягин. Не вижу.

Бретузов. Чего ты не видишь?

Летягин. Ни повода, ни причин. Некому возвращаться, и некуда.

Бретузов. Хочешь сказать, светелка остыла?

Летягин. И не было никогда светелки.

Бретузов. Как-то у тебя все очень просто.

Летягин. Именно так. В данном конкретном случае.

Бретузов. Бессовестный ты.

Летягин. Я бы попросил...

Бретузов. Бессовестный! Проходимец!.. Хочешь отделаться от нее?

Летягин. И от нее и от вас, вместе с ней.

Бретузов. А ты хотя бы представляешь себе, с кем имеешь дело?

Летягин. А зачем мне это?

Бретузов. Ну как же? Может быть, можно что-нибудь исправить? Не исключено, что я мог бы помочь. Я многим помогал.

Летягин. Не в моем случае.

Бретузов. Не говори так. Даже если очень трудно, даже если кажется, что невозможно, пробовать нужно... Какие вы хлипкие! Все ваше поколение. Отчего так? Кормили вас, вроде бы, хорошо. Как вообще вы воевать собираетесь?

Летягин. Не вижу.

Бретузов. Чего?

Летягин. Причин воевать.

Бретузов. А пугач мой на столе видел?

Летягин. Видел.

Бретузов. И что скажешь?

Летягин. Ничего.

Бретузов. А знаешь разницу между моим пугачем и боевым оружием?.. А никакой разницы между моим пугачем и боевым оружием нет.

Летягин. Поздравляю.

Летягин хватает со стола пистолет, прячет его в карман.

Летягин. А теперь хочется услышать, что вы скажете?

Бретузов. Скажу, что ты дурак. Верни на место, это – не игрушка.

Летягин. Надеюсь, этот бесконечный допрос теперь прекратится?

Пауза.

Бретузов выпивает.

Бретузов (Магелю). Никогда не знаешь, каковы причины, и каковы последствия. Оно ведь как бывает? Проснулся утром, за окном мороз клочьями с веток свисает, поблескивает, трещит. Случаются такие студеные дни. Птички остывают, ледышками с неба падают. Замерзают так, что сразу и не поймешь, птичка это или что-нибудь другое, совсем даже и не птичка. Как быть? Видишь, что в природе творится – вернись в кровать, укройся верблюжьим одеялом, лежи, дыши, грейся. Не спится – читай. Ноги в кипяток с горчицей – очень хорошо. Так нет же, не лежалось ему. Отправился обсуждать. А что обсуждать? С какой целью обсуждать? Спроси – не знает. Все что-то обсуждают, обсуждают. Обратили внимание? Вся эта болтовня – пустая трата времени. Ибо сказано – как оно было, так оно и будет. Ложись и спи. И благодари Господа за то, что угол теплый имеешь. Нет же, поперся. Ну, известно, чем дело кончилось. К вечеру напился пьяным, рухнул в сугроб и замерз безвозвратно.

Магель. Кто? О ком речь?

Крылоконь. Такие ситуации – сплошь, да рядом.

Магель. Да, но Алексей Николаевич имеет в виду какого-то конкретного человека?.. (Бретузову.) О ком речь, Алексей Николаевич? Кто?

Бретузов. Да кто угодно. Эдаких храбрецов пруд пруди. Мог бы, конечно, и благополучно до дома добраться, но это скорее исключение. А принято, заметьте, считать наоборот, будто бы чрезвычайным происшествием является как раз гибель в сугробе. Опять перевертыш. Только несколько иного свойства. Улавливаете?.. Они то и дело нам перевертыши подбрасывают. Последнее время особенно часто.

Козельскис. Кто?

Бретузов. Да кто угодно. Эдаких умников пруд пруди. Те же душеприказчики... Душеприказчиков развелось!.. Словом, причины и последствия предугадать невозможно. Хочешь – рискуй, твой вопрос. Только зачем? Никакого благородства в риске нет. Только хронические заболевания. (Смеется.) Еще удачная шутка... А то, что ваш Андрей людей не любит – подлинный факт. Не только что Валерию. Так что чисто формально петелька-крючок завязываются. Но исключительно по формальным признакам. А как дело было на самом деле – загадка. Если вдуматься, всякое убийство – загадка.

Летягин (Бретузову). Я никого не убивал. Слышите? Это, скорее вы убили. Да вы и убили! Все видели!

Бретузов (Магелю). Есть желанные дети, а есть желанные убийства. Бывает, когда тот самый последний шаг, выстрел, удар, ранение, удушение и прочее оказывается вне понимания и осознания. Как бы за чертой. То есть в будущем маньяке присутствует и

торжествует заложенное с детства недоумение, и даже негодование по поводу всякой расправы. Незатейливый вопрос, как это, жизни лишиться? является для него привычным, самым по себе разумеющимся. Возможно ли такое? – Как бы спрашивает себя будущий душегуб, столкнувшись с насилием. Никак невозможно. – Отвечает сам себе. И позже, и всегда. А руки сами по себе душат и губят. Прискорбно и неотвратимо. Вот что это за явление? Из какого разряда? Увечье? Недуг?

Магель. Возможно.

Крылоконь. Такие ситуации – сплошь, да рядом.

Бретузов. Эх, когда было бы все так просто... Но людей наш герой не любит. Факт. То есть подбивка темная. Факт. И, главное, меняться не желает. Я ему – возлюбил ближнего, возлюбил. Пересиль себя, удивись, прости, порадуйся. Нет. Ответ – нет...

Летягин (Бретузову). Это вы о ком? С кем вы беседовали?

Бретузов. Так-то оно, конечно, ему зацепиться не за что – у них это взаимно. Не любят друг друга любовник моей жены и люди, люди и любовник моей жены. Калекка, одним словом. А где вы видели добрых калек? Замечено, даже когда улыбаются, там, внутри у них собаки лают. Впрочем, и здесь бывают исключения... Я, к примеру, совсем другой человек. Люблю и точка! Наперекор ветрам, как говорится. Какой-нибудь червь, прости, Господи, струится под ногами, казалось бы, возьми, да и растопчи. Нет же, я его непременно возлюблю. Рассмотрю, найду в нем торжество природы, да еще и заявлю об этом. Ножки поищу на всякий случай. Вдруг у него ножки неприметные все же имеются? Стало быть,

не червь. А кто? Как понять и объяснить?.. Ищу. Долгие годы ищу. Нелегкая планида. Вам-то это хорошо известно... Ничего, как-нибудь. Непростое дело, согласитесь.

Магель. Точно так.

Бретузов. Хотя, ножки – не показатель.

Магель. Вот именно.

Бретузов. Насколько я понимаю, вы врач?

Магель. Врач. Да.

Бретузов. Оно и пациентам вашим того надобно – дабы рассмотрели и выслушали. Собственно, вот и вся медицина. Не прав?

Магель (смеется). Прав.

Бретузов. Если не прав – спорьте, настаиваю.

Магель. Прав.

Пауза.

Бретузов (Валерии). Валерия, собирайся, пора нам домой. Кажется, я немного захмелел. Напоили старика молодые волки. Собирайся, голубушка.

Крылоконь (Бретузову). Никак невозможно. Сейчас полиция приедет.

Бретузов. А зачем нам полиция?

Крылоконь. Так положено.

Бретузов. Да вы здесь, как я посмотрю, какой-то детектив разыгрываете?.. Валерия, собирайся, голубушка.

Летягин (Бретузову). Послушайте, перестаньте здесь командовать. Это, в конце концов, мой дом!

Магель (Бретузову). Дело серьезное, Алексей Николаевич.

Бретузов. Не понимаю.

Магель. Речь идет о смерти.

Пауза.

Бретузов. О чьей смерти?

Валерия. О моей смерти, что тут непонятного?

Пауза.

Бретузов. Погодите-ка... Валерия, ты что, умерла?

Валерия. Похоже на то.

Нина (*исступленно кричит*). Нет!

Пауза.

Летягин (*Бретузову*). А знаете что, Алексей Николаевич? А я вам ее, пожалуй, не отдам, Алексей Николаевич. И делайте со мной что хотите. Быть может, я ее пока не полюбил, мне это сложно, но я справлюсь, я научусь. Она будет рожать мне детей. Потому что дети – это хорошо... И даже если вы убьете меня – я теперь не отступлюсь. Потому что у меня никогда не было цели, а теперь вот появилась цель... А если понадобится, я сам рожу от нее. И детки наши будут похожими на нее, не важно, живую или мертвую... А если ситуация сложится таким образом, что она не сможет рожать детей, если то, что сказали доктора – правда, и она мертва, я сам буду рожать от нее детей. И никто не сможет осудить меня...

Картина третья

Валерия, Летягин, Магель, Бретузов, Козельскис, Нина, Крылоконь и Угрюмов за столом. Угрюмов составляет протокол.

Угрюмов. А оно, знаете, как-то принято нас ненавидеть. Мы народ невеселый, но я вам так скажу, мы – последний редут.

Козельскис. Совершенно с вами согласен.

Угрюмов. Последняя надежда.

Козельскис. Это, несомненно так... Скажите, ее убили?

Угрюмов. На мой взгляд убили. Но могла умереть и сама. Вскрытие покажет. Зачем бежать впереди паровоза?.. (*Валерии*.) Скажите, вас убили или вы умерли своей смертью?

Валерия. Не знаю. Не помню.

Угрюмов (*Крылоконю*). Насколько я понимаю, у нее проблемки с памятью?

Крылоконь. Да, есть немного.

Валерия (*Угрюмову*). Еще головная боль. Непрекращающаяся. Я уже докторам жаловалась. Теперь вот и вам жалуюсь. Может быть, вы мне поможете.

Угрюмов. Вы разыгрываете меня, что ли? Пытаетесь разыгрывать меня, что ли?

Валерия. Нет.

Угрюмов. Я – офицер полиции, если вы не заметили. И разные розыгрыши сейчас не уместны. Вообще в домах покойных шутить как-то не принято, если вы не знаете.

Валерия. Простите.

Угрюмов. Если доктора не помогли, я, навряд, ли смогу вам помочь. Лично я в таких случаях принимаю аспирин или анальгин. Мне помогает. Но помогут ли эти лекарства вам, как мертвому человеку – не знаю. Мое мнение – попробовать можно. И лучше поискать таблетки сейчас, потому что в морге таковых может не оказаться.

Валерия. Все же решили отправить меня в морг?

Угрюмов. Думаю, вам и самой будет интересно узнать причину смерти.

Валерия. Скорее всего, это – отравление.

Угрюмов (*пишет*). Указывает на отравление... А кто вас отравил, не помните?

Валерия. Сама. Исключительно сама... Купила в магазине бутылку шампанского, очень пить хотелось, выпила, прямо всю бутылку сразу. Выпила и... умерла... наверное.

Угрюмов. Да какое там «наверное»? Умерла. Непреложный факт... А в каком магазине покупала?

Валерия. Скажите, как вас звать, товарищ лейтенант?

Угрюмов. Старший лейтенант.

Валерия. Как вас звать, товарищ старший лейтенант?

Угрюмов. А какое это имеет значение?

Бретузов (*Угрюмову*). Будьте добры представиться.

Пауза.

Угрюмов (*с недоумением смотрит на Бретузова*).

Угрюмов. Захар.

Валерия. В каком магазине покупала – не помню, Захар. Что-то еще помню, а вот этого как раз не помню.

Угрюмов (*пишет*). Ну, что же, так и запишем.

Валерия. Запишите, пожалуйста.

Пауза.

Угрюмов. А в каких отношениях вы состоите с хозяином квартиры?

Валерия. Это мой муж.

Угрюмов. И вы также говорили, что... вы говорили, что вашим мужем также является... (*Заглядывает в протокол.*) Бретузов Алексей Николаевич.

Валерия. А это мой гражданский муж. Но я буду с ним разводиться.

Угрюмов. С гражданским мужем развод не требуется.

Валерия. Правда? Вот, хорошо. Я просто не знала.

Угрюмов. То есть, у вас, получается, два мужа?

Валерия. Ни одного.

Угрюмов. Но вы говорили, что хозяин квартиры... (*Заглядывает в протокол.*) Летягин Андрей Александрович...

Валерия. Это мой бывший муж. Я к нему возвращаюсь.
Пауза.

Угрюмов. Куда возвращаетесь?

Валерия. К Летягину Андрею Александровичу.

Бретузов. Валерия, хорошо подумай!

Угрюмов (*Валерии*). Вы едете в морг.

Валерия. Зачем?

Угрюмов. На вскрытие.

Валерия. Значит, после вскрытия.

Угрюмов. Ну, это если отпустят.

Валерия. Отпустят.

Нина. Пусть только попробуют не отпустить.

Угрюмов. Значит от... (*Заглядывает в протокол.*) Бретузова Алексея Николаевича вы уходите?

Валерия. Ухожу.

Угрюмов. А что так? Не пожилось?

Валерия. Не помню.

Пауза.

Угрюмов. Он вас бил?

Валерия. Не помню.

Угрюмов. Но такие вещи, как правило запоминаются.

Бретузов. Вообще, насколько я знаю, она имеет право на адвоката.

Угрюмов. Да, имела бы такое право, когда была бы жива.

Бретузов. Произволом не попахивает? Нет?

Пауза.

Угрюмов. Вы законник?

Бретузов. Что значит?..

Угрюмов. Законник?

Бретузов. Не понимаю.

Угрюмов. Тогда, пожалуйста, из уважения к сединам, помолчите, пожалуйста... Дойдет очередь и до вас.

Пауза.

Магель (*Угрюмову*). Простите, Захар. Разрешите обратиться?

Угрюмов. Пожалуйста.

Магель. Я вижу вы устали. Быть может, не откажете в любезности немного перекусить.

Угрюмов. Вопросы не понял.

Магель. Я вижу вы устали. Быть может, не откажете нам в любезности угостить вас.

Пауза.

Угрюмов. Речь об угощении?

Магель. Именно.

Угрюмов. Вы же видите, я работаю.

Магель. Всего лишь небольшая пауза, и вы продолжите.

Пауза.

Угрюмов. Прямо вскипело все! Терпеть не могу, когда начинается... Адвокаты, законники, все такое...

Магель. Усталость. В вас говорит усталость. Выпьете рюмочку, закусите хорошенько, она и пройдет. Как рукой снимет.

Угрюмов. Рюмочку?! Да вы что! Ни в коем случае! Я на дежурстве!

Крылоконь. И я на дежурстве, товарищ старший лейтенант, но, как видите, немного согрешил. И

чувствую себя намного лучше. За день набегался – столько вызовов! Просто рекомендую как врач с огромным опытом. Если хотите жить долго, иногда не отказывайте себе в удовольствиях.

Угрюмов. А сколько вам лет?

Крылоконь. Да уж скоро шестьдесят.

Пауза.

Угрюмов. Вы же на меня и напишете потом.

Магель. Как можно?!

Пауза.

Угрюмов (*смотрит на Бретузова*). Вот старик напишет. Взъелся на меня за что-то...

Магель. Нет, нет, я за него ручаюсь, как за самого себя. Мы с ним большие друзья. У нас вообще крепкая компания.

Пауза.

Угрюмов (*Бретузову*). Напишешь, старик?

Бретузов. На черта ты мне сдался.

Пауза.

Угрюмов. Не знаю, как поступить.

Козельскис. Да что тут думать?!

Пауза.

Угрюмов (*Валерии*). Ваши друзья предлагают немного отдохнуть. Настаивают. Что скажете?

Валерия. А что я должна сказать?

Угрюмов. Не спешите?

Валерия. Не спешу.

Угрюмов. Не возражаете, если я немного перекушу?

Валерия. Пожалуйста, пожалуйста. Я и сама выпью с вами с удовольствием. В морге вряд ли подадут.

Угрюмов (*смеется*). Это точно.

Магель накрывает Угрюмову. Наполняет бокалы.

Угрюмов выпивает, с жадностью принимается за еду.

Присутствующие наблюдают за ним.

Магель. Забавно получается – у нас весь вечер сегодня, так или иначе звучит тема криминала, и в завершении, пожалуйста, настоящий полицейский.

Козельскис. Вишенка на торте.

Угрюмов. Будет еще и торт?

Козельскис. Образно.

Угрюмов. Образные люди?

Козельскис. В каком смысле?

Угрюмов. Образные люди?

Козельскис. Можно и так сказать.

Пауза.

Угрюмов. Обувь прохудилась, черт.

Козельскис. В каком смысле?

Угрюмов. Ботинки дырявые. Ноги мокрые.

Козельскис. Не повезло.

Угрюмов. Уж это точно.

Пауза.

Козельскис (Угрюмову). А скажите, много у нас вообще, преступлений? Есть, конечно, официальная статистика, но хотелось бы знать объективную картину.

Угрюмов. До тысячи.

Козельскис. До тысячи чего?

Угрюмов. До тысячи.

Пауза.

Козельскис. А убийств?

Угрюмов. И того больше.

Магель. Опасная работа.

Угрюмов. Работа, конечно, опасная. Совершенно с вами

согласен.

Пауза.

Магель. Нервная.

Угрюмов. Очень... Это вы в безопасности как будто. Вам гарантировано как будто. А нам не гарантировано.

Магель. Нет?

Угрюмов. А кто нам гарантировать-то будет? Сами подумайте...

Магель. Это так.

Угрюмов. Последний редут.

Магель. Да.

Пауза.

Угрюмов. Позади Москва.

Магель. Да.

Пауза.

Угрюмов. Все всех боятся. Только вида не подают... Если крысу в угол загнать, она поневоле бросаться начнет... С ней кто дружит-то?

Козельскис. С кем?

Угрюмов. С крысой?

Нина (Угрюмову). Ужасные вещи вы говорите.

Угрюмов. Что за ужасные вещи?

Нина. Крысы. Я крыс боюсь.

Угрюмов. А не надо их бояться. Что они вам плохого сделали? Ничего не сделали. Людей нужно бояться. Это – правда. А крысы – умницы. Я знал одну, у родственников жила, по отцовской линии, в клетке жила – такая умница!.. (*Нине.*) Вы, наверное, добрая?

Нина. Очень.

Угрюмов. Добрым людям, конечно, нелегко. Но их мало. Очень мало добрых людей... Жалобу накатать –

это, пожалуйста. А так, чтобы посидеть, поговорить по-людски... (Магелю.) Спасибо вам.

Магель. Да о чем вы?!

Пауза.

Угрюмов. Нас другими рисуют. А мы – другие.

Магель. Я знаю.

Пауза.

Угрюмов (*улыбается*). Даже про ботинки вам рассказал.

Магель. Почему не поделиться?

Угрюмов. Спасибо.

Магель. Не за что.

Пауза.

Угрюмов (*Магелю*). А вы вообще часто так собираетесь?

Магель. Нет, что вы?

Козельскис. Лишь иногда.

Магель. А в таком составе вообще в первый раз... Вот – Валерия...

Угрюмов. Покойная?

Магель. Покойная, да... Игорь Петрович, доктор, вообще здесь случайно. На вызов риехал. Машина сломалась, вот и...

Угрюмов (*Крылоконю*). Сломалась машина?

Крылоконь. Да, сломалась.

Угрюмов. Прямо на вызове?

Крылоконь. Так бывает. Редко, но бывает.

Угрюмов. Именно на этом вызове?

Крылоконь. Так получается.

Угрюмов. При это вы с хозяином... (*Заглядывает в протокол.*) Летягиным Андреем Александровичем состоите в приятельских отношениях?

Крылоконь. Нет, в приятельских отношениях я состою с Магелем Юлианом Эдуардовичем. Мы вместе учились. Давно. Коллеги.

Угрюмов. Вот как получается?

Крылоконь. Да, так получается.

Пауза.

Угрюмов. А что с машиной?

Крылоконь. Водитель пытается починить.

Угрюмов. Хороший водитель?

Крылоконь. Мальчик молоденький. Но аккуратный.

Угрюмов. Аккуратный?

Крылоконь. Очень.

Пауза.

Угрюмов. В толк не возьму, зачем вы так?

Магель. Как, простите?

Угрюмов. Ну вот это... адвокаты там, законники и прочее. Это же главным образом аферисты. Самые настоящие.

Бретузов. Довольно странны рассуждения ваши.

Угрюмов. Я о жизни толкую. Видите, как?.. (*Бретузову.*) А вы считаете, порядок не нужен?

Бретузов. Напротив.

Угрюмов. Полиция не нужна, тюрьмы не нужны? (*Заглядывает в протокол.*) Бретузов Алексей Николаевич, так думаете?

Бретузов. Напротив. Мало того. Еще несколько минут назад, я как раз говорил о том, что в той или иной степени мы все преступники, и, фигурально выражаясь, по нам плачет тюрьма.

Угрюмов. Плачет, согласен.

Бретузов. Но это фигурально выражаясь.

Угрюмов. А пока вы фигурально выражаетесь... *(Заглядывает в протокол.)* Бретузов Алексей Николаевич, злоумышленник чистит ваш дом, поджигает или поджидает за углом с кастетом. Так?

Бретузов. Все же я надеюсь...

Угрюмов. Потрошить вас. Так?

Бретузов. Почему потрошить?

Угрюмов. А как? А что с вами делать?..

Нина *(Угрюмову).* Ужасные вещи вы говорите.

Угрюмов. А вот бояться как раз не надо. И в тюрьме тоже, знаете, люди сидят.

Бретузов. Я не оспариваю...

Угрюмов. Иногда в тюрьме даже спокойнее... У нас есть люди, которые вообще предпочитают места лишения свободы... То, что там происходит – так оно и на воле происходит. Даже в большей степени. Так?

Бретузов. Не знаю.

Пауза.

Угрюмов *(Бретузову).* И обратите внимание, сколько в нас терпения? Во мне. Ведь я все это время терплю вас. Ни разу не ударил. Даже голоса не повысил... Обратили внимание?

Бретузов. Обратил.

Угрюмов *(Бретузову).* Вы, наверное, хороший пожилой человек, но маленько заблудились. Егоза?.. Трудно успокоиться, соглашусь. Сам такой... Сейчас все маленько заблудились. Это пройдет... *(Смеется.)* А дай вам в руки оружие, пожалуй, первым палить начнете.

Бретузов. В кого?

Угрюмов. Да во всех. *(Пауза.)* Или взять изнасилования. Кому этого хочется?.. Не знаю, кому-то, может

быть и хочется. Вот и в местах лишения свободы случается. Зачем скрывать?.. Но это извращенцы... Но их много. Это вы сейчас обратили внимание на то, сколько извращенцев, потому что вам показывать начали. А мы с ними давно живем... Они всегда были... В этой части я бы пересмотрел... Оно, тюрьма, конечно, не самая лучшая школа в этом смысле... Но все равно школа... У нас и поют. И неплохо поют. Сами же наши песни слушаете. И любите... В этом смысле... *(Заглядывает в протокол.)* Валерия, в морге вам поспокойнее будет. *(Смеется.)* С нами дружить надо. От нас будущее зависит, ни от кого больше... Раскаяться никогда не поздно. Только не нужно запускать. Это, знаете, не бумажный змей. *(Смеется.)* Даже если только мысль в голову пришла, еще ничего не сделал, а только мысль в голову пришла, зайди в отделение, поделись... Все эти разговоры – как в камеру заходить, да что с тем полотенцем делать? Ты человеком будь прежде всего... А так посмотришь вокруг – исключительно образные люди... *(Валерии.)* Между тем, кто-то же вас убил? И, не исключено, он где-то рядом. Да точно рядом. Земля, знаете, маленькая. Я на снимках из космоса видел.

Летягин поднимается из-за стола, приставляет к виску револьвер, стреляет.

Нина *(исступленно кричит).* Нет!

Летягин стреляет во второй раз.

Магель, за ним и остальные смеются.

Летягин стреляет в третий раз и падает замертво.

Долгая пауза.

Гильдия драматургов России объявляет о наборе слушателей в школу–студию драматурга.

Занятия начнутся с 01 октября 2021 г. в г. Москве и будут проходить 1 раз в неделю, каждую субботу. Для иногородних слушателей будут организованы занятия по Skype каждое воскресенье по индивидуальному расписанию.

Продолжительность каждого занятия 2 часа.

Записаться на занятия можно будет с 01 сентября по электронному адресу info@gprussian.ru.

Более подробная информация находится на сайте Гильдии драматургов России (www.gprussian.ru) в разделе Новости.

Валерий Веларий

Пьесы и проза автора публикуются в ряде печатных и интернет-СМИ. Соавтор с А. Чугуновым двухтомника пьес. Постановки в профессиональных театрах, молодежных студиях. Многолетний активный участник различных проектов чток и показов пьес (как на сценах репертуарных и независимых театров, так и в интернете).

Член правления РОО «Гильдия драматургов России».

Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси», лауреат и дипломант ряда других конкурсов драматургии и прозы.

Ценит игру с формой, нелинейное изложение сюжета, полижанровость и неожиданные фабульные ходы.

Валерий Веларий

В НЕБЕСА И ОБРАТНО

*почти поэма, почти мистическая,
почти техно-хоррор*

Действующие лица

Душа Машины

Судьба

Страсть

Мацевич Лев Макарович - флотский капитан-лейтенант, эсер-революционер, инженер, изобретатель, один из первых русских авиаторов – и первый русский летчик, погибший в катастрофе воздушного судна

Котельников Глеб Евгеньевич - отставной артиллерийский поручик, изобретатель ранцевого парашюта, актер-любитель

Великий князь Александр Михайлович - глава отдела воздухоплавания, затем шеф Императорского военно-воздушного флота

Столыпин Петр Аркадьевич - председатель Совета министров Российской империи

Эсерка, Боевик, Жена Мацевича, Шаляпин, Секретарь, Офицер-жандарм

Актеры и актрисы – тоже персонажи этого сюжета

Актеры и актрисы по ходу событий берут на себя роли главных и второстепенных персонажей.

Выходит Душа Машины. В руках листы бумаги. Оглядывает пространство.

Душа Машины. Я Душа Машины. И пусть сейчас тысяча девятьсот десятый год. Осень. Ясный полдень. Санкт-Петербург. Комендантское поле превращено в летное. Для всероссийского праздника воздухоплавания. Все готовы к выходу? Зарядились! Чтоб я не подгоняла. Я знаю то, чего не знают другие. Кто кого хочет уничтожить. Прямо на празднике. Кто грохнется оземь сам по себе. Или ему помогут. (*Глядит в бумаги.*) А, это потом. Но все равно мы в Санкт-Петербурге. Столица Российской империи. Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Нет, поэт Александр Блок тоже потом. Но он был на празднике воздухоплавания и все видел. Ну, ночь. Начало двадцатых чисел сентября тысяча девятьсот десятого года. Эсеры-максималисты террором против высших сановников хотят изменить режим власти в стране. Перед заседанием их партии на конспиративной квартире эсербоевик в кителе инженера почтово-телеграфного ведомства и эсерка-террористка уточняют задание.

Боевик. Что за спешка? И при чем тут Всероссийский праздник воздухоплавания?

Эсерка. На показательные полеты приедут члены императорской фамилии и правительства. Пусть Лев Мациевич, он лучший пилот, возьмет в полет, смотря по обстоятельствам, Сергея Витте или премьер-министра Столыпина. И с ним вместе разобьет самолет.

Боевик. Ценой своей жизни? Положим, с Витте я давно

хочу разделаться.

Эсерка. Витте теперь не фигура. Пусть Мациевич уничтожит Столыпина.

Боевик. Уже есть решение комитета?

Эсерка. Сегодня утвердим. А Мациевичу сообщу я. У нас с ним завтра встреча.

Боевик (*сняв китель, выйдя из роли*). Никого не надо грохать. Ни чьей ценой жизни.

Душа Машины. Так. Это твое мнение? Или ты от лица персонажа?

1-й актер. Мы о страсти к полетам? Или о политике? Столыпин-то уцелел. В тот раз.

1-я актриса. А Мациевича за это грохнули свои.

Страсть. Ты веришь в эту дурацкую историю?

Судьба. Но в результате ее Глеб Котельников изобрел ранцевый парашют.

1-й актер. Да неинтересно мне все это... (*Уходя.*) Лучше в преф рубиться.

Душа Машины. Понятно. Перерывчик. Вопрос: будем спорить о политике? Трепаться о страсти к полетам в небеса? Вообще о страстях? Об играх судьбы? Или займемся делом? Нам дана задача: разыграть этот сюжет. Нравится он кому-то или нет. Сегодня примериваемся. Но распределения ролей пока никто не отменял. Я Душа Машины. Ты Судьба. А ты Страсть. Это сквозные персонажи. Остальные роли каждый пробует по вкусу.

Судьба. Пока сгоняем пульку? Одни бабцы. Твой-то партнер слинял. Но не мухлевать.

Страсть. Тоже страсть.

Судьба. Мухлевать? Твой-то без мухлевки киснет.

1-й актер (*вернувшись*). Мухлеж в карты тоже игра. А

политика мухлеж в дерьме. Потому мне про это и на хрен неинтересно.

Душа Машина. Меня не колышет. Подрядились на работу? Значит, не отлыниваем.

Страсть. Так пульку гоняем? (*Лениво.*) На деньги? А трансляция включена?

1-я актриса. Со сцены? Из кабинета главного? Или из загробного мира?

Судьба. По правильному теперь, из виртуала. Онлайн. Заставят услышать.

Душа Машина. Эй! Кто на подхвате? Стол подгоните. Сами. Без рабочих сцены.

Актеры выкатывают стол. Он завален аксессуарами, костюмами. Душа Машины сдвигает все предметы в сторону. Садится на стол, кладет рядом листы с текстами.

Откатите чуть вбок. Да, вместе со мною. И немного назад.

Стол подвигают. Душа Машины, тасуя карты, поглядывает в листы.

Карты не повод прерывать работу. Одно другому не мешает.

1-я актриса. В картишки люблю. Расчет. Навык. Выдержка. А прочие страсти? Не.

2-я актриса. Любовь, что ли? Сердечные чувства?

1-актриса. Сердечные дразги? Как кое-кто кое с кем по твоим чувствам как танком?

Душа Машина. Не виляйте задницей в сторону. Мы сейчас про другие страсти.

Страсть. Ага. Мы сейчас не про любовь. Но любая страсть от сердца. Сдавай.

Судьба. Любая страсть кончается падением.

Страсть. А начинается с полета.

Душа Машины. С чего начнем? Издалека? Нет? Какие предложения?

Судьба. Может, сперва представим героев? Парни, готовы? Алё! Есть кто наготове?

Душа Машины. Рулю тут я. По ходу, как условились, каждый примеривает роль, которая по нраву. Берёте на столе, что нужно из костюмов и вещей.

Один из актеров выбирает из вещей на столе летный шлем. Другой фуражку.

2-я актриса. Страсть. Душа Машины. Судьба. Вы кто: ангелы? Демоны? Гении?

Душа Машины. Так. Эдак уроемся в трепологию. Начинаем просто. Конкретно.

Страсть. Когда я смотрю в небо... В неведомый мир. Меня так и поднимает.

1-я актриса. Ты это всерьез?

Страсть. Любая страсть полет. В никуда. На крыльях. Без них. Поэзия души и ума. Художеств. Изобретательства. Сорвешься, твердь земная размажет в пыль. Или тебя размажут.

Судьба. Пафосно! Прямо таки колыбельная. Сейчас засну.

Душа Машина. Оба наших героя российские инженеры. Изобретатели. Прирожденные! Стали знамениты. Флотский офицер, капитан-лейтенант Лев Макарович Мацевич.

Выходит Мацевич. Отдает офицерский поклон.

Какая статья! Всегда говорила: тебе к лицу старинная военная форма.

2-я актриса. А можно личное не припутывать?

1-я актриса. Фи! Глупо ревновать к демонам или ангелам.

Душа Машины. Я не слышала. Идем дальше. Мациевич отличный организатор. Первый в мире разработал идею авианосцев и авианесущих корабельных соединений. И революционер-подпольщик. Эсер-боевик. Но один из первых русских авиаторов. И первый русский летчик, погибший в катастрофе воздушного судна.

Судьба. Всё. Уже сплю. Загробные истории лучше всего транслировать во сне.

Душа Машины. Глеб Евгеньевич Котельников. Артиллерийский поручик в отставке.

Выходит Котельников. В цивильном. Строгий, но в чем-то артистичный облик.

3-я актриса. А чем тебе этот плох? Художественно изящен. Нет?

Душа Машины. Я не слышала. Ко времени этой истории Котельников актер-любитель.

Котельников изображает кавалерственный поклон.

Хочешь, забирай себе. Потом. Когда доковыляем к финалу. И все лишние слиняют или поубиваются. Котельников изобрел надежный ранцевый парашют. Чтобы безопасно спускать человека с неба на землю. Прославивший его имя. Но это потом. Пока свободен. (2-й актрисе.) Кто у нас тут жена главного героя?

1-я актриса. Ха! А он еще и женатик.

Душа Машина. Только не выделываться. Без капризов.

2-я актриса. Я умею держать себя в руках. До поры.

Душа Машина. Котельников! Вас Шаляпин ждет. В оперном театре Народного дома.

Котельников уходит. К Мациевичу подходит его жена.

Санкт-Петербург. Тысяча девятьсот девятый год Жена провожает Мациевича на прием в Адмиралтействе.

Жена Мациевича. Ты уверен, что великий князь Александр Михайлович поймет?

Мациевич. Я надеюсь. Ведь именно он настоял на создании в нашей армии авиационных войск и школы для них. К кому идти с моим докладом, как не к нему?

Жена Мациевича. Я подожду тебя здесь.

1-я актриса. То есть, как бы здесь. Но пока может уйти в тень?

Душа Машины. Ну да. Мациевич пусть останется.

1-я актриса. То есть, всё равно при тебе.

Душа Машины. Я не слышала. Мациевич уже вроде как в приемной в Адмиралтействе. Ждет решения по своему проекту. И какой проект! Да вы слушайте! О, мой герой!

1-й актер. О, мой герой! Это ты от себя? Или от имени Души Машины?

1-я актриса. Поэтично. Романтично. Но перебор с экзальтацией. Слезливо-сопливо.

3-й актер. Машина должна прикипеть душой к повелителю. (2-й актрисе.) Как считаешь?

1-я актриса. Она бы сыграла сдержаннее. На скрытом нерве. Не переигрывая. Я права?

2-я актриса. Как мне сказано, я ушла в тень. До поры.

Душа Машина. Я учту. Мациевич предложил императорскому военному ведомству проект авианосца. Первый в мире! Корабль, который будет нести на себе самолеты!

Судьба. Двадцать пять самолетов на борту. Палуба для

взлета и посадки. Разгонная лебедка. Электрическая! Тормозные сети. Проект сильно опередил свое время.

Душа Машины. Герой всегда опережает время. Вообще вне времени.

Страсть. Ага. Мешает всем нормальным.

Судьба. Адмиралтейство. Кабинет великого князя Александра Михайловича, главы отдела воздухоплавания Российской армии. Секретарь зачитывает шефу справку.

Секретарь. Капитан-лейтенант Мацевич. Лев Макарович. С отличием закончил Харьковский политехнический институт и Николаевскую морскую академию. Талантливый инженер. Проявил себя на постройке броненосца «Иоанн Златоуст» в Севастополе. Увлечен новой модой – авиацией. Подал проект создания авианесущих кораблей и их применения в военных действиях на море.

Выжидательно смотрит на великого князя.

Великий князь (листая бумаги, размышляет

вслух). Любопытный проект. Но какой-то вычурный. Летательные аппараты на военном корабле. Они и на суше не очень надежны. А сколько денег надо! На фантазии. А я отвечаю за благополучие мною же предложенных авиационных частей. Нет, мы не можем дать согласия. *(Секретарю.)* Подготовьте в правительство наши соображения. Рекомендуем не выделять на прожект капитан-лейтенанта Мацевича государственных средств. Отправьте по инстанции. А такую энтузиастичность надо поддержать. Господин Мацевич увлечен летным делом. Уже прошел ускоренное летное обучение. И может быть нам очень полезен. Пригласите господина Мацевича.

Секретарь вводит Мацевича. Тот раскладывает на столе чертежи, расчеты. Великий князь попутно проглядывает отдельную справку.

(Читая, про себя). Докладная сысского ведомства: «по некоторым данным Мацевич еще в 1905 году примкнул к революционным группам. После их разгрома и обезвреживания вступил в члены боевой организации эсеров».

Оглядывает Мацевича и его бумаги. Помолчав, выносит вердикт.

Передо мной заключение комиссии относительно вашего проекта. Некоторым проект кажется фантастикой, а не передовым инженерным решением. Другие склонны поддержать. Но вот мое решение. Это прожектерство. Копию резолюции получите в канцелярии. Зачитываю. «Самолеты на военных кораблях – чушь! Следствие увлечением новой модой – авиацией!» Но...

1-я актриса. Жена Мацевича может вернуться? Нуж-

на?

Душа Машины (*глядит на Мациевича*). Ну, пусть.

Появляется Жена Мациевича. Мациевич возвращается к жене.

Жена Мациевича. Что?

Мациевич. Это прожекторство. Мой проект. Мнение великого князя. Но при этом...

Жена Мациевича. Что? Не тяни.

Мациевич. Меня командируют в Париж. Изучать мировой авиационный опыт и практические навыки в авиационной школе авиаконструктора Фармана.

3-й актер. Мы будем пересказывать всю предысторию?! И что Мациевич при заказе самолетов у Фармана не дал попусту растратить казенные деньги? И что в Париже снова сошелся с эсерами-боевиками?

2-я актриса (*выходя из роли Жены*). А. может, сразу к главному?

1-я актриса. Я тебя понимаю. Устала. Пусть бы уже решил: или завязал, или на разрыв. Ну, или грохнулся.

2-я актриса. Дура.

Душа Машины (*2-й актрисе*). Ну, если ты не против, то к главному. Судьба, диктуй.

Судьба. Середина сентября тысяча девятьсот десятого года. Мациевича вызывают из Парижа в Санкт-Петербург. Как ведущего пилота на Всероссийский праздник воздухоплавания. Эсеры-боевики срочно разрабатывали план покушения на высших чинов государства.

Боевик. Вы уже передали Мациевичу приказ комитета?

Эсерка. Сейчас сообщу. Вы будете свидетелем. Проследите за его реакцией.

Боевик. А если Мациевич не выполнит?

Эсерка. Отступничество будет наказано. Возьмете это на себя. Вот он. Отойдите в тень.

Появляется Мациевич. К нему подлетает Душа Машины.

Эсерка. Лев Макарович, вы точны.

Мациевич. О чем таком срочном вы хотите переговорить?

Эсерка. Вы так страстно отдаетесь вашим техническим делам, что...

Мациевич. Вы хотите сказать, я манкирую работой на революцию?

Эсерка. Но ясно же, где ваше сердце! И мысли.

Почти выйдя из роли, в сторону Души Машины.

И что она кружит вокруг нас? Будто сами не справимся. (*Мациевичу.*) Над чем сейчас бились после перевода из Севастополя в Петербург? От товарищей по партии не может быть секретов.

Мациевич. Продолжал доработку предложенных мною проектов противоминных заграждений и защиты кораблей от торпедных атак. В Севастополе работал на постройке броненосца «Иоанн Златоуст». На эллинге Лазаревского адмиралтейства. Здесь был назначен на Балтийский завод. Наблюдателем за постройкой подводных лодок

Эсерка. Вы, конечно, полезны делу революции на вашем посту. Там у вас большие возможности. Добывать кое-что. Но сейчас...

Душа Машины (*Эсерке*). Кышь! (*Тянет Мациевича в свою сторону.*) Не слушай её! Ты из другого мира.

Эсерка Я понимаю ваши чувства. Укреплять

техническую мощь Родины. Создавать защиту от врагов. Ну, и так далее. Но при этом вы защищаете неправедных правителей страны. И укрепляете силу их армии. Так что напоминаю: любовь к Родине можно проявлять иначе. (*Тянет Мациевича на себя.*) Уничтожая ее тиранов. И ломая их государство.

Страсть и Судьба с интересом наблюдают странный танец втроем.

Страсть. Вот интересно. Как у него душа не рвется? Между страстью к любимому делу. И страстью к политической справедливости?

1-я актриса. Ты сейчас о его жене и о Душе Машины?

Душа Машины. Я бы попросила не отвлекаться.

Судьба. Сама не отвлекайся. Особенно на тех, кто любит выслуживаться.

Глянув на Душу Машины, эсерка почти интимно подхватывает Мациевича под руку.

Эсерка. Вы работаете фактически на царя и его сатрапов. Они вас еще так порадуют!

Мациевич. К чему вы клоните?

Эсерка. Партия поручила мне передать вам ее важное решение. Вы избраны для исполнения важной миссии. Здесь мы почти на виду. Отойдем подальше.

Скрываются в темноте. Душа Машины остается в задумчивости.

Стпасть. Это факты? Домыслы? По правде? Опора на документы и свидетельства?

Судьба. А хотя бы на легенды и слухи. Не ты ли мне говорила: познать умом жизнь невозможно. Надо прожить. Так или эдак. Потом, в документах и в домислах, все перевернут.

Душа Машины. Итак. Конец сентября тысяча девятьсот десятого года. Комендантское поле в Санкт-Петербурге. Стоянка аэропланов. Мациевич готовится к полету.

Мациевич. Пожалуй, что первому предложу лететь со мной сегодня главе правительства Столыпину. Он сударь понимающий и решительный. Если он ухватит правильное решение проблемы, то заставит отступить твердолобых бюрократов. Даже если они из императорского дома и царских кровей. Как мой начальник великий князь Александр Михайлович. Главное, чтобы аппарат не подвел.

Душа Машины (*почти вплотную к Мациевичу*). Я дрожу от нетерпения.

К ним подходит эсерка.

Эсерка. Хороша погода. Как раз, чтобы без помех улететь в небеса.

Мациевич. Как вам удалось сюда пройти? К стоянке самолетов никого посторонних не пропускают. Только членов императорского дома.

Эсерка. Лев Макарович, вы не забыли о нашем общем решении? Столыпин здесь.

Мациевич. Я помню. Хотя... Жаль! От Столыпина

многое зависит. В развитии дела.

Эсерка. Дело у нас одно. Великая идея! Освобождение России от сатрапов. А двигать технический прогресс? Уничтожим сатрапов. Освободим место для новых людей. Они...

Душа Машины (Эсерке). Отойди! Не чади в чистом эфире! Пилот мой! Я его!

Эсерка. Надеюсь, вы не трус.

Мацкивич. Немедленно уходите. Вас заметят. И это помешает.

Эсерка (уходя). Партия уверена в вас.

Душа Машины. О, мой повелитель! Когда ваша железная рука ложится на рычаги управления... О-о-о! Я готова безоглядно отдаться страсти! В полет! О-о!

Душа Машины поправляет и застегивает Мацкивичу тужурку.

1-я актриса. Ну, ё-ё-е! Пользуясь своим положением, так откровенно. Я бы не стерпела.

2-я актриса. Ничего. Он еще у меня долетается.

Судьба. Что за прыжки вбок? События идут своим чередом. Столыпин!

Выходит Столыпин. С интересом оглядывается. К нему идет Мацкивич.

Минуточку. Кто-то не готов? Мне теперь, что ли, гонять вместо рулящего?

Все застывают, кто где был.

Душа Машины. А, ну да. Чей сейчас выход? Столыпина сопровождал офицер-жандарм.

Один из актеров, давясь чаем, спешно переодевается из облачения великого князя Алексея Михайловича в мундир жандармского офицера.

Судьба. Мацкивич из всех высокопоставленных зрителей предложил испытать чувство полета премьер-министру. А, может, выбрал его по тайному намерению.

Страсть. Ты же только что сообщила: это приказание организации. Покушение.

Судьба. Я не настаиваю. Но так интереснее.

Мацкивич (подходит к Столыпину). Ваше превосходительство! Позвольте пригласить вас на прогулку в поднебесье. Ощущения необыкновенные.

Столыпин. Да. Таких острых впечатлений у меня еще не было.

Мацкивич. Вас знают как мужественного и решительного человека.

Столыпин. Готовьте аппарат.

Мацкивич отходит к Душе Машины. Они начинают танец подготовки к взлету.

К Столыпину приблизился жандармский офицер.

Офицер-жандарм (Столыпину, негромко). Ваше превосходительство...

Столыпин. Да?

Офицер-жандарм (корректно, но настойчиво). Мы бы не рекомендовали вам испытывать судьбу, ваше превосходительство.

Столыпин. В чем дело?

Офицер-жандарм. Против вас злоумышляют. Революционеры-радикалы.

Столыпин. Мне ли не знать. Что ж? Праздновать труса? Прятаться в каземат?

Офицер-жандарм. На вашу жизнь уже было совершено несколько покушений. Капитан Мацкивич... который сейчас предложил вам лететь... Он неблагонадежен.

Столыпин. Перед нынешним праздником ваше ведомство проверяло всех досконально. Мациевич, насколько я знаю, отличный офицер. Патриот. Болеет за судьбу наших армии и флота. Прекрасный инженер. Замечательный пилот.

Офицер-жандарм. Прошу меня выслушать, ваше превосходительство. Он и прежде, по некоторым сведениям, якшался с радикалами. Для них террор и убийства главный метод борьбы с властью. Есть подозрения, что во время командировки в Париж Мациевич встречался с крайним левым крылом эмигрантов. С эсерами-боевиками. Вдруг сегодня...

Столыпин. У вас только предположения? Или точные сведения?

Офицер-жандарм. Нет. Увы. Но...

Столыпин. Благодарю за беспокойство. Я лечу.

Жандарм отходит. Столыпин оказывается у летательного аппарата. Мациевич запускает мотор. Душа Машины «завибрировала».

Мациевич (*Столыпину*). Все готово, ваше превосходительство.

Столыпин. Судя по блеску ваших глаз... Возможность взлететь вас возбуждает.

Мациевич. Когда ощущаешь вибрацию мотора, такое чувство, словно машину сотрясает скрытая страсть. И рвется на волю.

Душа Машины. А то!

Страсть. Вот! Страсть должна быть неудержима. Иначе это не страсть.

Столыпин. Воля страстям... Ведет к катастрофе.

Душа Машины. Но если страстями правят твердая и

умелая рука и дерзкий ум...

Мациевич. Позвольте, я помогу вам расположиться.

Столыпин. Я готов. Летим.

Душа Машины. Летим!

Они втроем начинают танец взлета. Страсть подходит к Судьбе.

Страсть. Откуда известно то, что ты нам хочешь сейчас навязать?

Судьба. Позже, когда разбирались в происшедшем... Ходили упорные слухи.

Страсть. Слухи это по моей части. Но то, что боевая организация эсеров поручила Мациевичу объявить Столыпину приговор? Прямо в полете? Легенда.

Судьба. Возможность. Одна из возможных возможностей.

Страсть. Не играй словами. Документов нет.

Судьба. Твое место сейчас там, где бушуют страсти.

Страсть вмиг оказывается сбоку и слегка сзади «аэроплана». Душа Машины впереди. За ней Мациевич. За его плечом, чуть наклонившись вбок – Столыпин.

Мациевич (*Столыпину, вполоборота*). Господин председатель Совета министров! Руководством партии социалистов-революционеров и ее боевого крыла я уполномочен объявить: мы приговариваем вас к смерти. Во имя революции и светлого будущего России. За чудовищность лично ваших и правительственных антинародных действий,

Столыпин (*наклонившись вперед*). Что? Не слышно! Ветер в ушах. И мотор...

Мациевич. Я сказал громко. И четко. Вы всё расслышали. Ваше последнее слово? И не повторяйте,

будьте добры, эти ваши лживые слова о том, что нам, борцам за светлое будущее, нужны великие потрясения, а вам, государственным мужам, великая Россия.

Столыпин. Ради успеха покушения вы готовы совершить самоубийство?

Мацевич. Ради великого дела я готов пожертвовать собою.

Столыпин. А если мои слова о великой России не ложь? Если это стремление в моем сердце? И за это я готов платить самой большой ценой. Моею жизнью.

Душа Машины. Какой высокий полет!

Страсть - вплотную к Столыпину и Мацевичу; кладет руки им на плечи и во время их реплик вглядывается поочередно в одного и в другого.

Выходят все занятые в работе. Наблюдают за происходящим.

Столыпин. Вы крещены? Самоубийство грех. Жизнь дар свыше, и никто не вправе сам...

Мацевич. Это жертва ради великой идеи. Мне простится.

Столыпин. Ваше верность вашим товарищам-революционерам борется с чувством долга перед Родиной. Вы присягали. Не только царю. Стране. Ее народу. Защищать. Ваши честь и слово офицера! Сколько сил вы положили во имя технической мощи Родины. Эти полеты доказательство вашей правоты. Если сейчас мы упадем... Вдребезги все надежды.

Мацевич. Найдутся другие. Продолжат.

Столыпин. Не всякие годны. Не просто сильные и отважные. Но умелые. Знающие. Способные проложить путь и научить других.

Страсть. Полет бесконечен и страсть истинна, если они кончаются гибелью!..

Душа Машины. Это моя мысль. Не у всех талант к страсти. И не всякий талант страстен.

Мацевич. Петр Аркадьевич, вы... вашей властью и вашим влиянием... возможно ли преодолеть косность чиновников на высших государственных постах? Чтобы делу не препятствовали.

Столыпин. Я понимаю, о ком вы.

Мацевич. Я направлял в военное ведомство проект об авиации на флоте. Но...

Столыпин. Косности в управлении страной немало. Не спорю. А среди ниспровергателей власти немало разумно мыслящих. Государственно. И это не оспариваю. Но ваши друзья-радикалы... Вдумайтесь. Они готовы погубить со мною вас, талантливого изобретателя и инженера. Со всеми вашими идеями и проектами. Им наплевать на развитие страны. На высокое техническое и научное развитие! Они ничего в этом не понимают. Им нужна власть. Чтобы переиначить все под свой нрав.

Мацевич. Петр Аркадьевич, я не склонен сейчас и здесь обсуждать моих соратников.

Столыпин. Я ценю вашу сдержанность и щепетильность.

1-й актер. Все равно съехали на политику. А вроде обещали о другом.

Страсть. От избытка чувств некоторые не находят слов.

Душа Машины. Как он хорош в полете, мой повелитель!

Судьба. Ты это по роли? Без иронии?

Душа Машины. Чувствовать его руки... как они направляют! Это не противоречит роли?

1-я актриса. Ты уже хорошо ощутила умелость его рук?

Душа Машины. А кое-кому тоже хочется?

2-я актриса. Ну, и кто у нас заворачивает на сторону?

Судьба. Да, это всерьез. Фарш назад не провернешь. Не отменить, того, что будет.

3-й актер. В страстях до расшибона долетаешься.

Столыпин. Полет с вами подарил мне незабываемые впечатления. Но о вашем проекте. Я знаю, ему не дали ход. Но я не знаком с его сутью. Ваш доклад о проекте направьте мне.

Мацевич. Будет исполнено. Сразу, как закончится летный праздник.

Столыпин. О том, что было в полете... Никто не узнает. Мое честное слово порукой.

1-я актриса. А это уже торг.

Судьба. Почему нет? Торговля двигатель прогресса. И перемен в судьбах.

Мацевич (*чуть наклонившись вперед*). Идем на посадку. Приготовьтесь.

2-я актриса. Торг, не торг. А что выбрал Мацевич, мне не ясно. (*С вызовом.*) Пока.

Душа Машины. Пока передышка. В полетах.

1-я актриса. Герой всегда идет неясною тропой. Чтоб другие не лезли под ноги.

2-я актриса. Дура.

Душа Машины. А мы продолжаем. Ясность скоро наступит.

Столыпин исчезает. Актеры-«механики» помогают Мацевичу наладить машину.

Судьба. В тот день полеты завершились благополучно и впечатлили всех.

Появляются эсерка и боевик.

Эсерка. Комитет поручает вам сделать то, что должно.

Боевик. Что произошло? Что-то помешало? Он струсил?

Душа Машины. Мой повелитель не трус!

Судьба. Мацевич не трус. Но это не меняет сути.

Эсерка. Шанс упущен. Вы приведете приговор отступнику в исполнение.

Боевик. Не стрелять же! Могут не дать.

Эсерка. Переоденьтесь механиком. Вам помогут пройти к аппаратам.

Боевик. Но долго мне там нельзя задерживаться.

Эсерка. Вы инженер. На месте быстро поймете, что нужно сделать.

Душа Машины. Двадцать четвертое сентября. Завершающий день показательных полетов. Оперный театр Народного дома в Санкт-Петербурге. Эй, Шаляпин и Котельников, опаздываете! Заснули? Долго мне еще всех подгонять?

Появляются Котельников и Шаляпин.

Шаляпин. Минуточку, Глеб Евгеньевич. А репетиция?

Котельников. Я отпросился.

Шаляпин. Куда так торопитесь? На свидание?

Котельников. Сегодня последний день праздника воздухоплавания.

Шаляпин. Эх, душа-человек! На сцене вы еще любитель. Но подаете надежды. Да.

Котельников. Не могу сегодня пропустить. Ожидается нечто необыкновенное.

Шаяпин. Раздвоение души? Изобретательская жилка и военная косточка тянут к аппаратам? Дрожь мотора. Стремительное движение... Я понимаю. Сам люблю авто. Или вам, голубчик, нравится наблюдать как рискуют летуны?

Котельников. Федор Иванович, не в этом дело. Вернее, и в этом. Страшно рискуют пилоты. Открою секрет. Хочу придумать удобное и надежное средство спасения.

Шаяпин. Наслышан об этом вашем секрете. Дома мастерскую соорудили. Я тоже люблю мастерить. Да ведь вы на что замахнулись! В одиночку.

Котельников. Длинный и скорбный синодик подгоняет меня! Необходим простой и полезный прибор для спасения от гибели в случае аварии летательного аппарата.

Шаяпин. Найдутся умы и умелые руки. А у вас художественный дар, голубчик. Когда вы на сцене в роли... разве вы не улетаете в нездешний мир?

Котельников. Статистика ужасная! В авариях гибнет все больше авиаторов.

Шаяпин. Чем больше будет полетов, тем больше жертв. Но летать будут. Да ведь и на сцене... На слуху смерти артистов на вершине роли. В занебесной высоте. И, знаете... Когда я пою, мой голос будто уносит меня неведомо куда. Без крыльев.

Котельников. Я понимаю. Но средство спасения, парашют, необходимо.

Шаяпин. Взлететь в небеса и безнаказанно, живым, вернуться на землю? Без крыльев.

Котельников. Можно сказать и так.

Шаяпин (напевает). «Чому я не сокіл, чому не літаю?»

Чому мені, Боже, ти крила не дав? Я б землю покинув і в небо злітав...»

Котельников. Федор Иванович, извините великодушно. Опаздываю!

Шаяпин. Ну, не задерживаю. Ваш замысел благороден. Удачи!.. Но хорошенько подумайте над моими словами. Поверьте мне: ваше сценическое будущее вас не обманет.

Шаяпин и Котельников расходятся. Душа Машины танцем их провожает.

Душа Машины. Внимание! Приготовились, чей выход. *Снова летное поле.*

Судьба. Стоянка аэропланов. Туда проник боевик-эсер. Он улучил минуту, когда великий князь Александр Михайлович отвлек внимание Мациевича и его механиков.

Великий князь. Лев Макарович, под занавес праздника все ждут чудес.

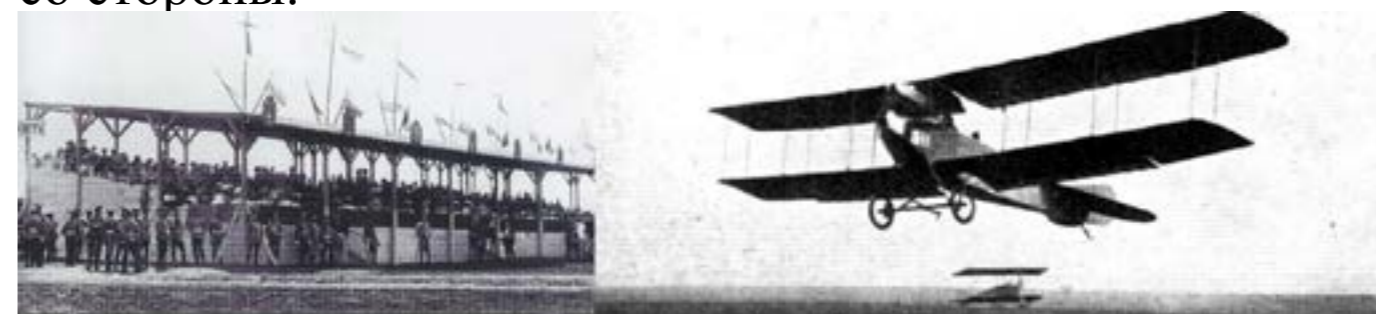
Мациевич. Ну, это как водится, ваше высочество.

Великий князь. Покажите-ка ваше мастерство и знание дела.

Мациевич. Ваше высочество, вы хотите что-то предложить?

Великий князь. Э-э... Покажите сегодня что-нибудь эдакое!

Мациевич. У меня на сегодня есть план. Без подсказок со стороны.

Великий князь. Господин пилот! *(Помолчав.)* Учитываю нашу разницу в чинах, в общественном положении, в субординации и в возрасте, наконец, я мог бы сурово окоротить вас. Но... Хорошо. Я понимаю: момент ответственный. Вы напряжены. Тогда буквально один вопрос. Пока есть несколько минут. Поговорим спокойно. Без чинов.

Мацевич. Я к вашим услугам, ваше высочество.

Душа Машины. Вот-вот! Поставь на место высокородного зазнайку!

Страсть. Опять суешься! Ну, схлестнулись амбиции военных косточек...

Судьба. Тем более, что уже ничего не изменить.

Великий князь. Скажите, Лев Макарович, откуда ваша неприязнь ко мне?

Мацевич. Вашими усилиями создана авиация в армии России. И вы же не дали ход моему проекту авианосных корабельных групп.

Великий князь. Мы будем здесь дискутировать о техническом назначении кораблей и аэропланов? И о колоссальных тратах на ваш прожект из будущего?

Мацевич. Я флотский военный инженер. И я досконально изучил авиационное дело, Я понимаю, как совместить...

Мацевич и Великий князь молча внимательно изучают друг друга. Боевик почти танцевально пытается отвлечь-отвести Душу Машины от Мацевича.

Страсть. Что он делает?! С аэропланом! Вон тот! Его тут раньше не было!

Душа Машины. Он подпиливает растяжку крыла! Держите его!

Судьба. Я же говорю: все идет своим чередом. Ничего не изменишь.

Оглянувшись на великого князя и Мацевича, прервав фигуру «танца», боевик скрывается.

Душа Машины. Никто не видит. Исчез.

Великий князь. Рискну быть нескромным. Напомню.

Страсть. Да уж. Таким скромность не с руки.

Великий князь. Как вы верно подметили, именно я настоял на создании отдела воздухоплавания. И именно я предложил отправить вас в Париж, в летную школу Фармана.

Мацевич. Тогда почему вы против проекта? У специалистов есть другое мнение.

Мацевич и Великий князь опять меряются изучающими взглядами.

Душа Машина. О, мой повелитель! Погибну, но не подведу тебя.

3-я АКТРИСА. У нас, что, актерский роман выносятся из гримерки на сцену?

1-я актриса. А его прячь не прячь...

Судьба. Среди зрителей появляются жена Мацевича, Котельников.

Великий князь. Вы о чем-то условились с премьер-министром Петром Аркадьевичем Столыпиным? Во время полета?

Мацевич. Еще ничего не решено.

Великий князь. Если правительство вас поддержит, я, возможно, не стану возражать.

Мацевич. Я приму к сведению ваши слова, ваше высочество.

Великий князь. Что ж... А пока время вашему мастер-

ству, капитан-лейтенант.

Мацевич. Я подниму аппарат на максимально возможную высоту.

Великий князь отходит. К Мацевичу подходит жена.

Жена Мацевича. Прошу, не рискуй. Не делай лишнего. У меня душа не на месте.

Мацевич. Сегодня ты увидишь то, что невозможно.

Жена Мацевича. Что ты задумал? Ты что-то решил?

Страсть. Мацевич не трус. *(Душе Машины.)* Ты согласна? Если хочет чего решить...

Судьба. То должен обдумать. Но решение уже принято. Не им.

Жена Мацевича. Мне не нравится твое лицо. Оно непроницаемо.

Мацевич. Я обдумываю, как исполнить. Займи свое место. Дите волнуется.

Жена отходит. Мацевич идет к Душе Машины.

Страсть. Полундра! Что за отсебятина? Мы что, теперь о том, как Мацевич, кляня себя за отказ от революционного долга, решил самоубиться, обрушив аппарат?

Судьба. Кто теперь может знать? А вдруг?

Душа Машины. Иди ко мне! Я жду.

Душа Машины и Мацевич рядом, как перед танцем. Пилот «запускает мотор».

1-й актер. Идите вы с вашими чуйствами, знаете куда...

2-й актер. Только что разыграли, как Мацевич обещал после полетов прислать Столыпину свой проект. И на тебе! Кто вписал? Вы чего сами себе противоречите?

Судьба. Почему бы не порассуждать о разных версиях? Они возникли уже тогда

Страсть. А как же насчет того, что ничего не изменить?

Насчет predeterminedности?

Душа Машины. Ты чувствуешь, я дрожу от предвкушения!

Котельников. Полет инженерной мысли так же артистичен, как сочинение стихов.

Страсть. Полет мысли и полет воображения одинаково чувственны!

Душа Машины. Взлет! Взлет!

Котельников. Мацевич мастер. Как будто рожден летать! Какая красота...

Судьба. Но какой чудовищный риск для пилотов. Сколько их разбилось.

Котельников. Не я первый ищу способ спасения летчика. Парашют! Но удачных и надежных конструкций пока нет.

Страсть. Летательный аппарат поднимается все выше. Публика с восхищением следит. И вдруг на трибунах единый вздох ужаса.

В полете Мацевича и Души Машины что-то изменилось.

Котельников. Лопнула растяжка! Аппарат разламывается на части.

Душа Машины. Мои крылья сложились. А тебе их не передать... Ты падаешь. Ты летишь! Без крыльев. Молча. Еще миг... И уже не здесь... Всегда будем вместе!

Котельников. Пилот выпал! Камнем летит вниз. Если бы парашют...

Судьба. Он не нарушил присяги. Но не выполнил приказ товарищей по партии. И увидел только один выход из этой ситуации.

2-й актер. Опять? Твоя версия?

3-я актриса. Все, что тут наворочено про Мациевича, говорит об одном. Суицид не его путь. У него планы. Разговор со Столыпиным. У него жена, ребенок.

Судьба. Официальная и общепринятая версия: отказ техники. Хотя...

Душа Машины. Все, что общепризнано, то неинтересно.

2-й актер. Ты, значит, потворствуешь?

1-я актриса. У неё свой интерес.

Душа Машины. Мы взлетели. Зачем нам возвращаться?

Котельников. Мациевич падал молча. Следом, распавшись на две части, рушился аэроплан. Глухой удар. И снова крик толпы.

Появляются Столыпин и офицер-жандарм.

Офицер-жандарм. Пилот не был ничем закреплен в аппарате. Этого не водится.

Столыпин. Если бы это спасало при падении... Но я направлю соответствующее распоряжение в отдел воздухоплавания.

Столыпин и офицер-жандарм уходят.

Котельников. Тело Мациевича, упавшего с высоты... Внешне не повреждено. Крови чуть. Но не поднять. Санитары сперва не знали, как и подступиться. Одежда как мешок. Набитый чем-то раздробленным. Бесформенным. Горячим. Если бы был парашют...

Судьба. Капитан Лев Макарович Мациевич стал первым русским пилотом, погибшим в крушении аэроплана. После его гибели были разработаны привязные ремни. И летчики с той поры пристегивались ими. А то ведь в полете, из исправной машины, выпадали.

Душа Машины. То, что упало на траву из поднебесья... Это не мы. Мы улетели в небо и не вернулись.

Судьба. Официально: это был несчастный случай. Что же еще! Техника подвела.

Душа Машины. Помнишь, я показывала вам стихотворение? Написано сразу после гибели Мациевича. «И зверь с умолкшими винтами/ Повис пугающим углом...» Первую строку помнишь? «Летун отпущен на свободу».

2-я актриса. А ведь правда. Он летал Полминуты. Без крыльев. Но летал.

1-й актер. Падал. Без крыльев летают только на парашютах.

3-й актер. Плавно опускаются с небес. И то порой разбиваются.

Судьба. Повторяю для слабослышащих. Подозрения, что Мациевич погиб неслучайно, возникли уже тогда.

1-й актер. Ну, фффсе. Дурь пошла. Кто со мной сгонять пульку?

1-я актриса. А если бы вообще без крыльев. И лететь!
Страсть. Да. В небеса. И обратно. Без крыльев. Чтоб повезло. Вопреки всему. Как чудо.
1-й актер. Завелись. Кто о политике. Кто о чудесах.
Судьба. В толпе потрясенных зрителей девушка, в слезах, достает из сумки платок. Ветер порывом разворачивает его.
Котельников. Вот! Парашют будет не зонтичный. А ранцевый. Удобный и надежный, Из ранца его будет выталкивать пружина.
Страсть. Ага, все просто? Р-раз! Порыв ветра! И, потрясенный, сходу придумал.
Судьба. Сама знаешь, так бывает. А тут, вроде, были свидетели. Почти не легенда.
1-й актер. Почти не легенда. Вроде были свидетели... Ну-ну.
Судьба. Еще много всего будет... И купец Ломач, владелец знаменитой гостиницы «Англэтэр». Он помог Котельникову деньгами. Испытания в Париже. Студент консерватории прыгал с парашютом Котельникова с моста в Сену. Ну, не об этом сейчас речь.
Душа Машины. Мы улетели в небо и не вернулись. И наш полет вечен.
Душа Машины и Мацевич танцуют. Она ведет в танце.
(2-й актрисе.) А вдову Мацевича ждут в Адмиралтействе.
Жена Мацевича. Я тоже умею ждать. И пережду вечность.
Судьба. Спустя какое-то время. Снова Санкт-Петербург. Снова Адмиралтейство. Кабинет великого князя

Александра Михайловича. Он стоит под портретом императора Николая Второго. Смотрит то в документ в руке, то на вдову Льва Мацевича.
Великий князь. Мы с вами в вашей горе. Вместе с вами скорбим над этой утратой. Это указ его императорского величества. *(Зачитывает.)* Вам, как вдове погибшего героя-авиатора, назначается пенсия. 1800 рублей в год. А также вашей дочери, 600 рублей в год.
Судьба. Поэт Александр Блок тоже был в роковой день на Комендантском аэродроме. И откликнулся стихотворением «Авиатор». А, ну да. Про поэтизмы не по моей части.
Страсть. Блок с чувством читал стих «Авиатор» со сцены в Народном доме. «Летун отпущен на свободу...» Котельников слушал из-за кулис. «Или восторг самозабвенья/ Губительный изведаль ты,/ Безумно возалкал паденья/ И сам остановил винты...»
Судьба. Разразилась мировая война. Исчезла империя. Возникло новое государство.
Душа Машины. А мы улетели в небо. И не вернулись.
Судьба. Потом новая мировая война. Множеству пилотов спасли жизнь парашюты Котельникова. Его вывезли из блокадного Ленинграда в Москву. Он умер там в конце 1944 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Это место паломничества парашютистов. Возникло поверье. Если к веткам деревьев над могилой Котельникова привязать ленточку... Ну, которая для затяжки парашюта! Парашютисту будет сопутствовать удача.
Страсть. Это уже мистика. Это по моей части. Что за манера перехватывать чужие слова!

3-й актер. Будем сооружать дерево?

2-я актриса. И развешивать ленточки. Непременно от парашютов?

Выходит тот, кто был Мацевичем. В руках лента.

Душа Машины. Обмозгуем в следующий раз.

2-й актер. Как же некоторые любят рулить в своих интересах.

3-й актер. Зато откровенно.

1-й актер. Пульку тоже распишем в следующий раз?

Страсть. А можно повязать простую ленточку?

Душа Машины. Вполне. Любой может, кто рвется летать. С крыльями. Или без них.

Тот, кто был Мацевичем влетает ленту в прическу Души Машины.

Все свободны.

КОНЕЦ

В России 2023 год объявлен годом великого русского драматурга А.Н. Островского, ему бы исполнилось 200 лет.

В преддверии юбилея своим взглядом на позицию А. Островского и на его роль в области театра и драматургического искусства делится известный болгарский публицист, театровед, профессор **Орлин СТЕФАНОВ**

А.Н. Островский как теоретик театра и наша ответственность

Великий русский драматург Александр Николаевич Островский завещал не только свои замечательные драмы, интерес к которым не затухает и сейчас. Его наследие включает и продуманные напутствия о назначении театрального искусства, о высоких критериях, по которым можем оценить непосредственно протекающие процессы в художественной сфере. Размышляя о сцене и драматургии, он увидел и сформулировал, как они соотносятся с ценностями человеческого общежития, и какой – соответственно – надлежит быть политика в область прекрасного: что следует поощрять, от чего – как бы заманчиво не выглядели результаты – надо отказываться...

Огромный опыт, накопленный Островским, помог ему увидеть тонкие, но роковые зависимости, которые недоступны для внешнего наблюдателя. Даже критика ограничивается только готовыми результатами, и при том – как язвит сам драматург – частенько остается на

уровне фельетона. Еще хуже, когда она обслуживает односторонние тенденции и личные «стратегии». Поэтому этой фаланге на поле театральных баталий достается немалая доля писательского скептицизма и заслуживает особое внимание. При том, желание отдельных служителей в «храме Мельпомены» обзавестись верными алелуичиками, не снижается от того, что в наши дни способы зафиксировать на видеоролике ход спектакля не меняет такое стремление приручить отдельные критические перья (или сайты). Потому что театр невозможен без атмосферы живого общения между сценой и зрителями.

У Островского ясно заявлена потребность синтеза. В сохранившихся записках, речах он указал, как соотносится написание драматургического текста с текущей ситуацией в театрах, в театральных канцеляриях, среди актерского сословия. Выявлена и ориентация на зрителей с их вкусами, потребностями, да и просто финансовыми возможностями...

Если сценическая судьба пьес Островского была не совсем безоблачной, в этом проявляла себя особая настороженность официальных властей. Цензура не разрешила для постановки такие пьесы как «Свои люди – сочтемся», хронику о Минине и Пожарском, а объявленную премьеру «Доходное место» отменили в самый последний день! Соответственно, еще в своей «ранней» статье «Обстоятельства, препятствующие развитию драматического искусства в России», Островский ставит на первом месте театральную цензуру. Как «отдельная и изолированная от общей», она «строже и подозрительнее других цензур» (Цит. Островский, А. «Вся жизнь – театру». М., 1989, с. 150. Дальше в скобках указыва-

ется только страница). Драматургу сорок лет, и ему еще предстоит солидный творческий путь, но, хотя бы и без подписи, он бросает прямое обвинение в косности официальных институций. Автору или переводчику данной пьесы пройти эти препоны бывает попросту невозможно.

В своих рассуждениях о бедности русского репертуара Островский указывает, что цензура не удостоивает отброшенных авторов прямым общением, и они просто не имеют право на апелляцию. Все проводится через театральные конторы и не сообщаются ни мотивы отказа, ни рекомендации по улучшению текстов. Своим чередом проявляется и сковывающая сила страха: а не обречены ли усилия по написанию произведения, которому не суждено увидеть свет ramпы? «При настоящем же порядке – обобщает Островский – автор теряет труд и драгоценное время» (150).

Резко высказывается драматург и о некоем театрально-литературном комитете, в учреждении которого и в его реальных действиях он раскрывает странные скольжения и трансформации. С одной стороны объявлены намерения «очистить сцену от пошлых французских переводов». Однако же состав комитета подменен: «лучшие литераторы» не захотели мириться с «бесплодностью своих занятий» и остались... «только люди неизвестные в литературе или не имеющие никакого авторитета» (151). И что же, компетентность потеряна, а вместе с тем присвоено право судить известных, любимых публикой авторов. В отношении же переводных главнейшее дело пошло просто вверх тормашками:

«Проходят самые пошлые водевили, и не прохо-

дят умные и дельные пьесы, переведенные писателями с авторитетом и людьми, известными своей образованностью» (153).

Островского огорчают и другие приемы для ограничения серьезного воздействия на публику значительных сценических произведений. Он прослеживает, как при составлении афиш проводится коварный умысел. Дни недели, а также и периоды театрального сезона предполагают разную интенсивность посещаемости. Именно поверхностным поделкам предоставляются более выигрышные дни, когда публика охотнее предается театральному времяпровождению...

Нелегко сказать, но Островскому доводилось испытать и прямые унижения от начальствующих вельмож. Возмущение от несправедливого к нему отношения сорока шестилетний драматург высказал недвусмысленно, описывая:

«Чувство горечи, ощущаемое при сознании правоты от всякой несправедливости, и тот непонятный конфуз и столбняк, который находит на всякого правого человека при виде, что его честность заподозрена» (167).

И, несмотря на сопротивление и чванство всевозможных канцелярий и комиссий Островский неустанно отстаивает функции и задачи высокого искусства, не упуская из внимания именно воплощения драматургии на сценические подмостки. Он говорит о «поругании театрального искусства спекуляциями». В пространной «Записке о положении драматического искусства в России в настоящее время» Островский доказывает потребность «образцового», народного, национального театра не для того, чтобы ввести единственно возможный

стиль игры, не ради однообразия, которое в более поздние времена превратится в догматический канон «психологического театра». Он выступает как раз, против шаблонов, видя в них препятствие для воспитания «народного самопознания».

Основная опасность для людей – это когда они подчиняются «холодной рассудочности», «полудиким, хищническим и чувственным инстинктам» (197). Как великий гуманист, Островский отстаивает облагораживающую миссию театра, считая, что ему наиболее под силу «совершать над дичком культурную прививку» (198). В этом он проявляет себя как вдумчивый психолог и теоретик. В очень синтезированном виде это проявляется в его «Застольном слове о Пушкине». Заявленный пиетет к гению, которому только что поставлен памятник, не исчерпывает суть его выступления и тут придется оспорить Д. Мережковского. Потому что он – скорее всего по незнанию – пропускает отношение Островского. Мы же прочитав, как отброшены приевшиеся представления о великом поэте:

«В глубине почти всех русских суждений о Пушкине, даже самых благоговейных, лежит заранее составленное и только из уважения к великому поэту невысказываемое убеждение в некотором легкомыслии и легковесности пушкинской поэзии, побеждающей отнюдь не силою мысли, а прелестью формы». – С одним только исключением: – «Никто, кроме Достоевского, не делал даже попытки найти в поэзии Пушкина стройное мирозерцание, великую мысль».

А теперь сопоставим, как А. Н. Островский отстаивает значимость юбиляра. В «Слове» выказана не толь-

ко радость писателей за поставленный памятник «великому народному поэту», но обозначена важная градация:

«Сокровища, дарованные нам Пушкиным действительно велики и неоценимы. Первая заслуга великого поэта в том, что через него умнеет все, что может поумнеть. Кроме наслаждения, кроме форм для выражения мыслей и чувств, поэт дает и самые формулы мыслей и чувств. Поэт ведет за собой публику в незнакомую ей страну изящного, в какой-то рай, в тонкой и благоуханной атмосфере которого возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства» (183,184.).

Раз Островский ставит у своего предшественника уникальность мышления на первом месте, значит, и для него самого сила понимания, трезвой мысли имеет первостепенное значение. Не мелкие соображения, не «нюх» на «актуальность», а глубина мысли суть, миссия подлинного искусства. И если, по мнению Островского, до Пушкина театр был в плену вторичности и не имел «живого, реального содержания», его появление сделало невозможной прежнюю ходульность. Вот какие ущербные черты избегал сам оратор, раз он их сформулировал в своем «Застольном слове»:

«Его (Пушкина – О.С.) произведения уж не исторические оды, не плоды досуга, уединения или меланхолии. Он дал серьезность...» (185).

Дальше указаны дополнительные и теоретически четкие обозначения той незрелости, преодолению которой русская литература обязана своему величайшему гению:

«Тогда еще проповедовалась самая беззастенчивая риторика; твердо стоял и грозно озирался ложный клас-

сицизм; на смену ему шел романтизм, но не свой, не самобытный, а наскоро пересаженный с оттенком чуждой нам сентиментальности; не сошла еще со сцены никому не нужная пастораль. Высвобождение мысли из-под гнета условных приемов – дело не легкое, оно требует громадных сил».

По-моему, это перечисление подражаний, которыми литераторы обрекают себя на бесплодность и пустозвонство может заменить многостраничные трактаты. Само сочетание: «гнет условных приемов» вполне подходит под определение «формула мысли», соответственно, наводит к требованию специальных усилий для их преодоления.

Вспомним, как в планах к своей статье «О народной драме и драме «Марфа Посадница» Александр Сергеевич указывал о нужной драматическому писателю свободе (Пушкин и театр, С. 399), и поймем, что Островский уловил и воспринял суть творческого подвига Пушкина! Это завещание окрыляло и его самого.

...Островский непримирим не только к мнимо значительным, грозно или же жеманно озирающимся жанрам и «образцам». Как деятельному участнику в живом театральном процессе его интересует состав и развитие публики, изменение вкусов и привычек. Как гуманисту ему важно, чем иногда театры потчуют своих зрителей и его сарказм к завозным опереточным вещицам прямо уничижителен. Он предвидел, какие злоупотребления возникнут при антрепренерстве, которое сделает своей целью денежное «процветание». Ведь Пушкин тоже считал, что без цензуры не будет ограничений, которые бы исключали злоупотребление божест-

венным даром слова. Иначе говоря, гений, чье творчество зажималось цензурой, понимал, что свобода свободе рознь и необходимы разумные правила.

В представлениях Островского такую функцию мог бы исполнять театр, который бы давал пример художественности и ответственного служения обществу:

«В Москве, не имеющей русского образцового театра, свобода театров принесет русскому драматическому искусству более вреда, чем принесла его монополия... Спекуляция ищет скорой наживы... Чтобы иметь чрезвычайные сборы, надо чем-нибудь удивлять Москву, показывать зрителям диковинное, невиданное. Для привлечения публики потребуются некоторые особенные приемы, и тут уже недалеко до осквернения храма муз разными посторонними искусству приманками»(200).

С огромным сожалением приходится признать, как справедливы опасения Александра Николаевича. Он прозрел неизбежные последствия вседозволенности. В наши дни преследование длинного рубля с неизбежностью приводит к постыдным осквернениям. И драматург четко выстраивает ряд искушающих приманок. Мелодрама не пригодна по причине «невозможных событий и нечеловеческих страстей». В оперетках «пляшут канкан» всевозможные, совсем неправдоподобные персонажи: «языческие боги, жрецы, короли, министры, войска, народ, а поводом для пляски то горе, то радость».

Дальше Островский иронизирует еще более хлестко:

«Вот феерия, где 24 раза переменяются декора-

ции, где в продолжение вечера зритель успеет побывать во всех частях света и, кроме того, на луне и в подземном царстве, и где во всех 24 картинах все одни и те же обнаженные женщины» (201).

Это прямо таки горькое пророчество. Ведь, не имея представление, что возникнут и расширятся возможности развлечений средствами кино и электронной индустрии, радатель подлинного искусства заметил суть. Нас уже переносят не просто на луну, а в другие галактики. Атакуют зрителя придуманные миры с бат-, супер- и спайдер-мэнами. Вездесущие красотки в обнаженном виде являются неизменным атрибутом массовой (псевдо -) культуры.

Что хотел бы великий гуманист Островский противопоставить такому одурманивающему «искусству»? Как он представляет воздействие настоящего, чистого от спекуляций театра? Отметив свои опасения, он выдвигает и положительную программу:

«Театры спекулянтов низведут искусство на степень праздной забавы и лишат его кредита и уважения в людях, только начинающих жить умственной жизнью». А дальше: «...Являются первые зародыши отрицания, а в отрицании важен первый шаг. А заставьте этого свежего человека под наплывом благородных, возвышенных чувств расплакаться, может быть в первый раз в жизни, заставьте его, незаметно для него самого, смеяться над самим собою, над своими пороками, своим невежеством, над своими сокровенными дурными мыслями, тогда он, придя домой и, разобравшись с мыслями, уже не скажет, что драматическое искусство – «неважная штука». Нет, когда он увидит, что автор и актер, без его ве-

дома, побывали в его душе и знают там всю подноготную, он высоко почитит искусство. Он хоть и не развит умом, догадается чувством, что искусство есть чудный дар откровения, что оно есть способность проникать в тайники чужой души» (201).

Что тут можно сказать, если с первоизданной ясностью сформулированы как назначение подлинного театра, так и органика его воздействия, перспектива в облагораживании зрителя. Если у Пушкина указана парадоксальная на первый взгляд близость высокой комедии с трагедией, и для такого сходства решающей приметой является развитие характеров, тут речь о развитии публики! А то театр спекулятивный делает ставку на однократно сформировавшемся зрителе. Дальше просто «услаждаются» его инстинкты, низменные страсти. Важно также желание предостеречь от назидательности. Хороший театр «заставляет», но посредством образного внушения, исподволь и без публицистической обнаженности, которой грешат современные адепты «ангажированного» искусства.

...У самых истоков теоретического осмысления театра возникло его сопоставление с историей. Аристотель прельщался свойством драмы воспроизводить «возможное по вероятности или необходимости» (гл. IX «Поэтики»). Мол, это сближает его с философией, а в истории просто описаны события, которые имели место в прошлом. При том Стагириту претит сценический показ пьес. В своем пресловутом трактате «О поэтическом искусстве» он утверждает, что для желаемых чувств страха и сострадания достаточно прочесть пьесу, а их внушение «при помощи сценических эффектов – дело

не столько искусства, сколько хореха» (гл. XIV).

Великий русский драматург придерживается иного мнения. Александр Николаевич настаивает, что воздействие на зрителя дает ничем незаменимую возможность развить в нем лучшие чувства и душевные порывы. Если придворному мыслителю, воспитавшему Александра Македонского как непревзойденного завоевателя важно очищение от страха и сострадания, гуманисту особенно важны именно эти чувства. Для их внушения ему необходима воздействующая сила живого спектакля:

«Не всякий человек растрогается, прочитав, что Минин в Нижегородском кремле собирал добровольные приношения на священную войну... Но тот же самый простой человек непременно прослезится, когда увидит Минина живого, услышит его горячую, восторженную речь, увидит, как женщины кладут к его ногам ожерелья, как бедняки снимают свои медные кресты с шеи на святое дело» (198).

Именно такой репертуар представляется для Островского «честным, художественным, здоровым, народным» и он задает риторический вопрос: «зачем же нам успокаиваться на пошлостях, тешащих буржуазное безвкусие» (198,199).

Островский как бы предвидел, что такую позицию могут объявить крайней, чуть ли не догматической. Но он не видит альтернативы для драматического писателя, который мечтал бы оставить заметный след своим искусством:

«Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы. Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и ко-

медии – для всего народа. ...История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа. ...Такие произведения со временем делаются понятными и ценными и для других народов, а, наконец, и для всего света» (199).

И когда дело Александра Островского осталось в истории, на примере общепризнанности его собственных драм и комедий, мы убеждаемся и в неувядающем значении его теоретического наследия.

Островский с артистами Малого театра.
На фото: Ф. А. Бурдин, **А. Н. Островский**,
А. А. Нильский, И. Ф. Горбунов,
Л. П. Никулина-Косицкая, К. Н. Полтавцев.
1863г.

ГИЛЬДИЯ ДРАМАТУРГОВ РОССИИ

Журнал «ДрамТеатр» сотрудничает с авторами. Редакция принимает пьесы, статьи, очерки по теме журнала. Решение о публикации принимает редакционный совет.

Электронный адрес редакции журнала
INFO@GPRUSSIAN.RU

Над номером работали:

Юрий Бутунин - *главный редактор*

Юрий Ломовцев - *отдел драматургии,
верстка журнала*

Валерий Бегунов - *отдел критики*

Ирина Гирш - *технический отдел*

Татьяна Медведева - *журналист*

Перепечатка материалов журнала возможна только с разрешения редакции журнала.

Права на пьесы и другие материалы журнала принадлежат авторам.

© Гильдия драматургов России, 2021 г.